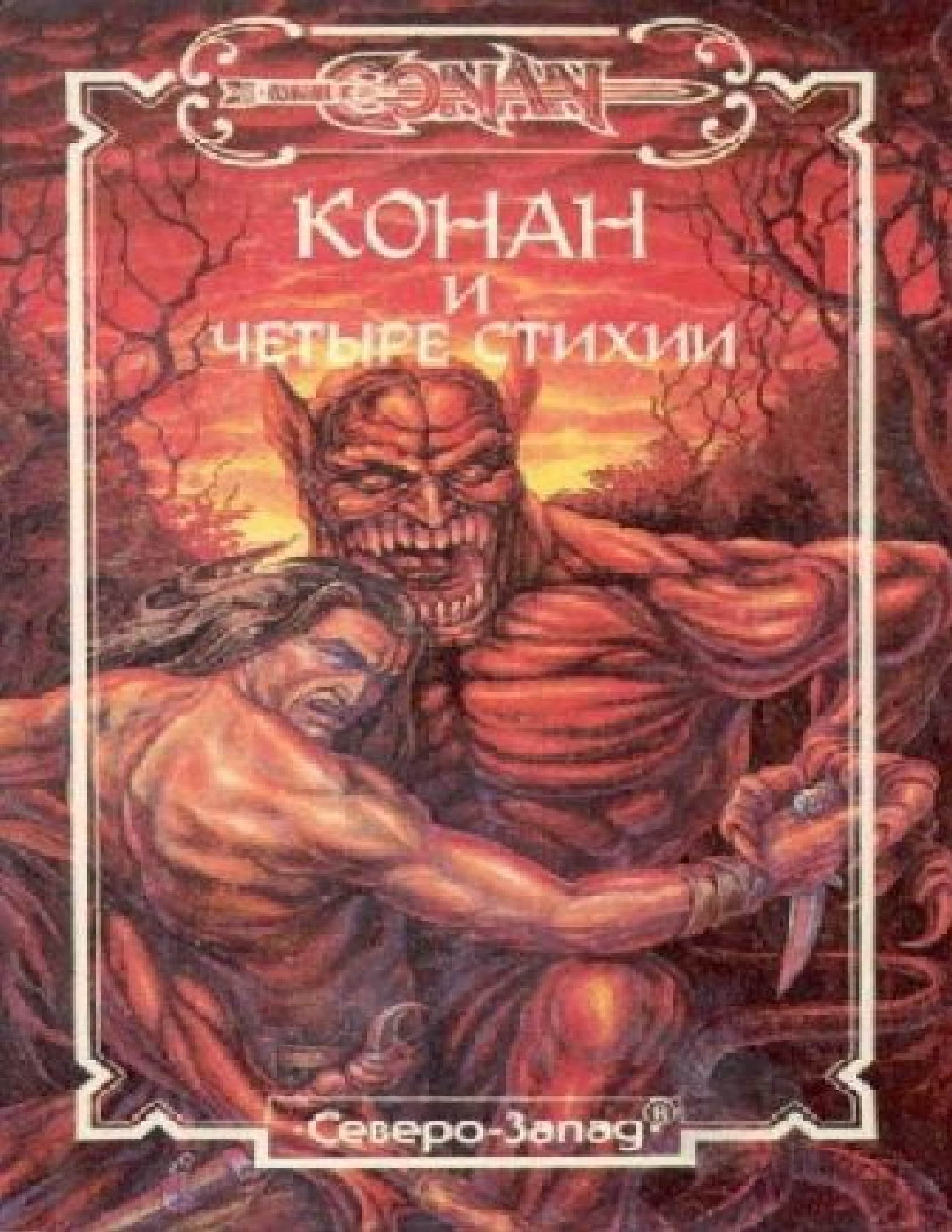
CONAN
КОНАН
И
ЧЕТЫРЕ СТИХИИ
Северо-Запад

- Стив Перри
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья

Стив Перри
Конан и четыре стихии

Пролог

Ледяной холод царствовал в этом покое. Холод, который не мог исходить только от влажных, заплесневелых стен. Это был неестественный холод, охватывающий самую душу, а не только лишь воздух; вечная мерзлота древнего праха, погребенного в самом сердце ледника, мертвый хрусталь которого был древним уже тогда, когда дворцы Атлантиды еще гордо возвышались среди водной глади. Посреди этого холода стоял Совартус, волшебник Черного Квадрата.

Он бормотал арканское заклинание, составленное из мрачных формул Зла. Тело волшебника сотрясалось под натиском сил, пронизывающих его. Хриплым, низким голосом он произносил:

— Выйди, выйди, дитя Серых Стран! Выйди, о выйди, порожденье ада! Выйди, выйди, ибо я тебе повелеваю!

Затем он добавил Семь Слов Пергамента. Ему стоило огромных трудов выговорить каждое из Семи Слов. Любая небрежность могла означать немедленную смерть: одно неправильно произнесенное слово — и демон может вырваться из связавшей его пентаграммы, которая была начертана на каменных плитах.

Из недр горы поднялся страшный крик, словно кто-то погружал в расплавленный свинец некое существо, не принадлежащее к этому миру.

В центре пентаграммы заклубился дым. Истекая из одной точки пространства, он расползался отвратительно смердящими темно-красными облаками, смешанными с ярко-желтым туманом, и в воздухе покоя словно открылись зияющие раны. Адские вспышки света слепили глаза; затем послышался запах серы. Неожиданно внутри геометрической фигуры оказался демон. Черная слизь струилась по его телу; каждая его пора источала смрад. В высоту он был полтора человеческих роста. Кожа его была цвета свежей крови. Обнаженный и безволосый, стоял он в магическом узоре на полу. Только слепой не увидел бы его жуткой мужественности.

— Кто осмелился? — проскрежетал демон. Он подскочил к Совартусу, чтобы схватить за горло этого человека с угольно-черными волосами и клиновидной бородкой, который улыбался ему. Силовая стена, замыкающая пентаграмму, оттолкнула демона. Гигантские мышцы вздулись на руках чудовища, когда он ударил по невидимой преграде кулаками. Он закричал. В этом крике звучала вся ярость преисподней. Демон обнажил длинные белые клыки…

— Тысячу лет ты будешь просить меня о смерти! Голос его скрежетал, словно терлись друг о друга толстые медные плиты. Совартус покачал головой:

— О нет, порожденье ада. Я вызвал тебя, и ты будешь повиноваться моим приказаниям. — Волшебник громко рассмеялся. — Ты действительно будешь служить мне, Дивул.

Демон отшатнулся и вытянул перед собой когтистые лапы, прикрывая ими лицо, искаженное страхом.

— Вы знаете мое имя?

— Да. И ты будешь подчиняться мне или же останешься заключенным в мою пентаграмму до скончания века.

Черный пот выступил на теле Дивула и закапал на каменные плиты пола. Соприкасаясь

с камнем, жидкость превращалась в облачка едкого дыма. Потекли вязкие потоки бурой жижи, но перед границей пентаграммы, начерченной Совартусом, они остановились. Дивул посмотрел на человека и спросил:

— Вы из магов Черного Круга?

— Не Круга, дитя ночи. Я — Совартус из Черного Квадрата, недавно посвященный, но уже ставший Магистром Четырех Дорог. Меня не интересуют обманы пурпурных снов черного лотоса, и я не дилетант, занимающийся общедоступной некромантией, как эти стигийские хвастуны. Не Круг, но во много раз более могущественный Квадрат связал и победил тебя сейчас, Дивул. Знают ли о Квадрате в безднах ада? Дивул скрипнул зубами.

— Мы знаем его.

— Ага. Ты будешь выполнять то, что я прикажу?

— Я буду служить вам, — обещал Дивул и еще раз сверкнул клыками. — Но будьте внимательны, человек, потому что одна-единственная ошибка — и…

— Не угрожай мне, демон! Я могу приковать тебя к скале и отправить к морю Вилайет, чтобы ты остаток своих дней созерцал его илистые берега.

Глаза Дивула засветились красным светом, однако он промолчал. '

Совартус отвернулся от демона и посмотрел на стену. Там томились трое детей, два мальчика и девочка, такие же пленники, как и демон, но связанные вполне земными путами — они были прикованы к серой стене. Дети, казалось, не испытывали страха. Они молча смотрели прямо перед собой, и создавалось впечатление, что они находятся под действием какого-то одурманивающего снадобья. Их было трое — всего лишь трое.

Совартус приказал демону:

— Взгляни на этих —детей!

Демон бросил на них взгляд и кивнул:

— Я вижу их.

— Ты знаешь их?

— Я знаю их, — ответил Дивул. — Это Трое из Четырех. Девочка — Вода, мальчики — Земля и Воздух.

— Отлично. Стало быть, ты сумеешь узнать Четвертую, если увидишь ее?

— Я сумею узнать ее.

Совартус кивнул и улыбнулся. Его белые зубы блеснули в черной бороде.

— Я так и думал. Это и есть твое задание, демон. На юго-востоке расположен город Морнстадинос. В этом городе находится дитя Огня — разумеется, скрытно. Выследи ее и доставь ко мне, живую и невредимую.

Дивул сверкнул на волшебника глазами и спросил:

— А потом?

— После этого я отпущу тебя, разрешу вернуться к твоим друзьям в геенну.

— Я был бы счастлив видеть тебя именно там, человек.

Совартус рассмеялся:

— Не сомневаюсь. Но если я и попаду в ад, то только в качестве твоего господина, демон. И тебе даже придется помогать мне в этом. Поэтому работай как следует и не серди меня.

Демон скрипнул острыми клыками и проговорил металлическим голосом:

— Вижу— — И внезапно замолчал. Глаза Совартуса блеснули в свете дрожащих факелов на стене.

— Да? Говори!

Демон помедлил, но кивнул и сказал:

— Так же ясно, как истинную сущность этих троих детей, вижу я и вашу истинную сущность, волшебник. В вас заключена Сила, много Силы, и обещание еще большего могущества окутывает вас, как плащ.

— Для того, кто рожден во мраке преисподней, ты обладаешь весьма острым зрением. Значит ли это, что ты понял также, что проку тебе в этом не будет — или-

— Да, Черные Души многому научились от людей. Вы в состоянии исполнить все свои угрозы. Я буду служить вам, человек. Мне совсем не улыбается провести десять тысяч лет в черном иле моря Вилайет.

— Ты очень умен для обыкновенного демона, — проговорил Совартус. — Если через пару тысяч лет я вступлю в правление преисподней — после того, как наскучит владычествовать здесь, — мне, вероятно, потребуются неглупые помощники, вроде тебя. Помни об этом, когда будешь выполнять мои приказы. Служи хорошо! — Он погладил свою бородку. — На сегодня я разрешаю тебе уйти. Скорее делай то, что тебе поручили, и возвращайся назад.

Демон подобрался и произнес:

— Я слышал, о господин, и я повинуюсь. Мощные мышцы стали особенно заметны, когда чудовище присело, чтобы прыгнуть вверх. При этом взлете в темном покое снова засверкало. Затем Дивул исчез. Там, где он стоял, остались вязкие лужицы. Совартус опять засмеялся и посмотрел на детей.

Скоро он получит Четвертую, скоро он соберет воедино все стихии, заключенные в этих детях. И тогда он сможет повелевать всеми четырьмя первоэлементами, а не только духами воды и чертями ветра, не только саламандрами, не одними лишь вервольфами. Нет, как только он получит, наконец, всех Четырех, он будет в состоянии создать и высвободить такой источник Силы, такой мощный потенциал, что даже Черные Души Сэта склонятся перед ним.

Совартус резко повернулся, взметнув свое черное шелковое одеяние. Он — самый могущественный из всех волшебников Черного Квадрата, и он был таким всегда — если не считать Огистума.

Огистум пытался скрыть от него Силу, в то время как сам он хранил ее в себе. Старик заколдовал молодую женщину, и она зачала. Четверых младенцев сразу родила она. И каждое дитя несло в себе знаки и могущество одной из четырех стихий. Сразу после рождения они были разлучены и развезены по разным сторонам света, чтобы Совартус не смог до них добраться.

Тринадцать лет потратил он на поиски. Тринадцать бесконечных лет. И все это время он продолжал постигать тайные учения Арканы, оттачивая свое мастерство. В поисках детей и нового знания он забирался на край света. В далеких восточных джунглях Кхитая он сражался с чародеями, чьи лица напоминают маски, а кожа желтого цвета. В развалинах стигийских храмов он овладел искусствами Черного Круга. Своими собственными глазами волшебник видел в башне Йары, что в Аренджуне, городе воров, неземное чудовище с изумрудно-зеленой кожей и бесформенной слоновой головой. Да, в области Зла он получил обширное образование. Даже не владея силой Четырех, Совартус был тем, кого нельзя недооценивать. Во всей Коринфии нет второго чародея, способного сравниться с ним. Но и такой власти было ему мало, потому что он хотел стать наивысшей силой этого мира.

Покидая покой и спускаясь по темному переходу в главный зал, высеченный в скальных породах горы Слотт, Совартус улыбался. Когда он проходил, крысы разбегались с писком и пауки карабкались наверх в свои паутины.

Огистум мертв — отравлен рукой Совартуса, а план убитого чародея превратился в жалкое воспоминание. Дети выслежены и находятся в его власти. Эти трое стоили Совартусу целого состояния. Его сыщики нашли **их** в Туране, Офире и Пуантэне. Разве не ирония судьбы — отыскать последнего ребенка здесь, в Коринфии, практически возле самой двери?

Трое детей в его руках. Трупы тех смертных, которые помогали ему или что-то знали об этом деле, давно уже кормят рыб или каких-нибудь других водных тварей, а некоторые умирают там, куда не заглянет глаз простого смертного. Как только демон доставит четвертого ребенка, можно считать себя победившим. Жаль, что старик Огистум умер и не увидит этого! Совартусу это доставило бы истинное наслаждение. Может быть, воскресить Огистума? Он мог бы это сделать. Да, великолепное развлечение! Вернуть старику жизнь только для того, чтобы он сумел увидеть свое поражение и торжество Совартуса.

При этой мысли он расхохотался. Он сделает это! Во имя Сэта! В конце концов, далеко не каждый умеет возвращать из Серых Стран своего убитого отца.

Глава первая

Возле перевала через Карпашские горы, по пути из Заморы в Коринфию, в безымянной деревушке стояла полуразвалившаяся харчевня, казавшаяся необитаемой. К этой развалюхе подъехал высокий крепкий парень на великолепном жеребце. Благородное животное несло на себе роскошное седло и шелковую, экзотически разукрашенную попону. Серебряные украшения поводьев были сделаны в виде фигурок журавлей и лягушек. Было совершенно очевидно, что некогда конь принадлежал богатому человеку.

Всадник же был одет в потертую кожаную куртку. У него не было ни доспехов, ни шлема. Штаны казались мятыми от старости и пота. Плащ, хоть и сшитый из тонкой шерсти, был изрядно потрепан. Под мышкой в кожаных ножнах висел кинжал, который выглядел довольно внушительно. Большой широкий меч с простой рукоятью был вложен в ножны еще менее изящные, чем прочие вещи всадника. Вечерний ветер трепал спутанную гриву длинных черных волос молодого человека. Глубоко посаженные глаза отражали свет заходящего солнца, словно излучая голубой огонь. Это был Конан из Киммерии. И если кто-нибудь и удивлялся контрасту между конем и всадником, когда оба они приблизились к харчевне, то на замечание не отважился никто.

У входа в харчевню, которая, подобно деревне, не могла похвастаться каким-либо звучным именем, стоял мальчик лет двенадцати. Всадник наклонился> седле и поманил его.

— Эй, малыш, тут у вас есть стойло?

— Конечно. — Мальчик оценивающе посмотрел **на** одежду Конана. — Для тех, кто может заплатить.

Взгляд мальчика развеселил Конана. Он хмыкнул, и вынул из кошелька, висевшего у него на поясе, маленькую серебряную монетку, которую бросил мальчику. Тот ловко поймал ее на лету и ухмыльнулся от уха до уха.

— Митра! Да за эти деньги вы можете купить всю нашу конюшню!

— Будет вполне достаточно, если мой конь получит овес и воду, и если его почистят, — сказал Конан. — Кто знает, может быть, для тебя найдется еще одна монетка, если завтра он вдруг окажется чистым.

— Будет сиять ярче солнца, — заверил мальчик. Он подбежал, чтобы схватить поводья.

— Еще минутку подожди, — остановил его Конан. Он снял две тяжелые седельные сумки. При этом он позаботился о том, чтобы золотые монеты в них не звенели. Эти сумки проведут ночь рядом с ним, а не на конюшне — сохранней будут. Конан знал воров. Он и сам был вором.

Мальчик увел коня, а Конан направился в комнату для посетителей.

Внутренняя отделка помещения полностью соответствовала внешнему виду здания. Комната была грязной и полной дыма, который клубился из закопченного камина. Окон не было. Источниками света служили лишь немногочисленные масляные лампы на деревянных столах и щели в низком потолке.

Жирный мужчина в грязном фартуке поспешил Конану навстречу. Широкая улыбка открывала его почерневшие гнилые зубы.

— А, добрый вечер, господин. Чем могу служить? Конан огляделся. Примерно десять человек находились тут, и все они выглядели такими же опустившимися и замызганными, как и сама харчевня. Здесь были, разумеется, смуглые заморанцы, а двое посетителей с

глазами, как щели, вероятно, были гирканцы. Две женщины с печальными глазами и усталыми лицами, облаченные в драные шаровары, могли быть только представительницами древнейшего в мире ремесла. И, наконец, на лавке сгорбился еще один человек, маленький, толстый, седоволосый, который посматривал на Конана, как ястреб на змею. Конан спросил хозяина:

— Есть ли в этом притоне что-нибудь еще, кроме заплесневелого хлеба,

— что-нибудь съедобное? И еще вино — вино, которое не успело еще стать уксусом?

— Само собой, господин…

— И спальня? — прервал его Конан. — Комната с дверью и замком?

— Митра позаботился о том, чтобы в моей харчевне было все, что вам необходимо, — ответил хозяин и снова продемонстрировал свои гнилые зубы.

Конан проворчал:

— Ну так принеси мне поесть. Я погляжу, распространяются ли милости Митры на твою стряпню. И вино — лучшее, какое у тебя есть!

Человек, казалось, колебался — к какой ступени общества отнести Конана. Прежде чем он успел что-либо сказать, тот швырнул ему монету. Глаза толстяка расширились, когда в тусклом свете лампы он различил блеск желтого металла. Он спрятал маленький кружок быстрее, чем коршун хватает свою добычу. Потом осторожно приоткрыл кулак — так, чтобы другие не могли увидеть монету. Блеск золота не лгал.

— Золото! — алчно прошептал он, одновременно восхищенный и исполненный благоговейного ужаса. Он тут же сделал попытку куснуть монету, чтобы проверить чистоту благородного металла, однако осуществить это намерение ему помешало состояние зубов. Он взвесил ее на ладони. Когда он судорожно сжал пальцы над мерцающим кружком и недоверчиво обвел глазами своих посетителей, он напоминал жирную крысу.

Конан потянулся. Было слышно, как хрустнули суставы, когда он расправил свои сильные плечи и развел мускулистые руки. Шорох и движение вырвали владельца харчевни из мира алчных грез. Он низко склонился, пробормотал что-то и исчез, но почти тут же вернулся назад с кувшином вина и стаканом. И то и другое он вкрадчиво поставил на стол перед Конаном. И то и другое он поставил на стол перед Конаном.

— Ваш ужин скоро будет готов, господин, Конан ухмыльнулся. Темные личности, собравшиеся в этом притоне, уставились на него. Он пренебрежительно отодвинул стакан, взял кувшин и опорожнил его. Жиденькое красное вино было немного горьковатым на вкус, но хорошо охлажденным. Конан сделал Три больших глотка, прежде чем отставить кувшин и перевести дыхание. После этого он еще раз потянулся. Мускулы заиграли под загорелой кожей. Затем он уселся на лавку.

Прочие посетители снова вернулись к своим делам — в том числе и тот маленький толстяк, который постоянно наблюдал за молодым парнем уголками своих бесцветных глаз.

Вскоре хозяин вернулся с деревянным подносом руках, на котором лежал здоровенный кусок дымящейся говядины. Кусок был толщиной в руку Конана.» С него капала кровь. Киммерийца это не смутила. Своим острым как бритва карпашийским кинжалом он отрезал большие куски и жевал с наслаждением, запивая полусырое мясо потоками жидкого красного вина. Это было не лучшее жаркое, съеденное им в жизни, но Конану было довольно и такого.

Пожевав мясо и уничтожив большую часть вина, он опять поискал глазами хозяина. С быстротой молнии этот сообразительный молодец с гнилыми зубами скользнул к

киммерийцу.

— Да, господин?

— Никакой я не господин, — заметил ему Конан, чувствуя себя сытым и добрым. — Но я устал. И хочу видеть комнату, которую Митра приготовил для меня в этом… в этой харчевне.

— Сию секунду.

Хозяин вывел Конана из дымной комнаты и провел по узкому коридору к крутой лестнице. При каждом шаге ступеньки скрипели и трещали, выдавая трели не хуже какой-нибудь птахи, исполняющей песнь любви. Он усмехнулся. Вот и хорошо. Ни одному вору не забраться по этой лестнице незамеченным, чтобы, скажем, обокрасть кого-нибудь.

Комната была лишь немногим лучше той, что Конан видел внизу. Она была совершенно пустой, если не считать кучи чистой соломы и шерстяного одеяла. На внешней стороне была прорублена круглая дыра — величина позволяла ей считаться окном, пропускающим свежий воздух или свет луны, однако человек сквозь него бы не протиснулся. Дверь производила довольно солидное впечатление. Хорошо смазанная медная задвижка легко скользнула на место. Это было самое важное. Замок был наиболее добротной вещью во всем доме. Конан отослал хозяина движением руки и бросил седельные сумки с добычей в угол.

Что-то зашуршало и пискнуло в соломе при глухом стуке падения золота и серебра. В темноте ничего не было видно. Конан вынул из ножен кинжал. Синие глаза киммерийца блеснули. Он поворошил солому в углу.

Оттуда выскочила крыса и бросилась бежать, но бедняжка была слишком неповоротлива. С поразительной быстротой Конан метнул кинжал и пригвоздил тело животного к полу.

Конан улыбнулся. По крайней мере, эта тварь не будет ползать по нему сегодня ночью. Он встал и высунул кинжал за окно. Убитая крыса соскользнула с клинка и пропала в ночной темноте. Конан вытер клинок соломой, вложил кинжал в ножны и улегся спать.

Рассвет еще не наступил. В этот серый час тишину нарушил слабый звук. Для слуха обычного человека он был бы неотличим от прочих ночных шорохов старого дома. Но Конан мгновенно проснулся. Все чувства его обострились.

Скрип. Скрип. Ночной нарушитель спокойствия, должно быть, невелик ростом. Но ничего хорошего он замыслить не мог, потому что Конан различил звук, который очень напоминал трение металла о металл. Только человек использует предметы из железа или латуни, а человек в этот час мог означать только одно: опасность.

Сквозь дыру в окне сочился слабый свет заходящей луны и гаснущих звезд. При таком освещении и кошка не нашла бы дороги домой, но зрение у киммерийца было острее, чем у других людей, и кроме того, он привык к различным опасностям. Конан обвел взглядом комнату и остановился на том месте, откуда доносился звук.

В тусклом свете увидел, как между дверью и хорошо смазанным засовом двигается кусок проволоки. На мгновение по спине Конана пробежали мурашки. Никто из рожденных земной женщиной не смог бы подняться по лестнице бесшумно. В этом он готов был биться об заклад. Киммериец схватился за меч.

Внезапно задвижка подалась, и дверь распахнулась. Трое с обнаженными кинжалами ворвались в комнату.

Конан вскочил, выдернул меч из ножен и набросился на непрошеных гостей. Поскольку они полагали найти в комнате спящего человека и заколоть его без всяких помех, прямо во

сне, они ужасно смутились.

Первый из грабителей был убит прежде, чем вообще осознал, насколько смертельной была грозившая ему опасность. Когда киммериец выдернул меч из его тела, бандит опустился на пол с предсмертным хрипом. Конан взметнул тяжелый клинок с легкостью, которая была под силу только человеку незаурядной мощи. Второй убийца повернулся вполоборота, и ему удалось поднять кинжал. Но эта попытка защититься оказалась тщетной. Брызнули искры, когда широкий меч скрестился с клинком кинжала и отбросил его, словно перышко. При этом меч Конана глубоко вонзился в бок негодяя, круша ребра. Грабитель вытянулся на грязных досках пола и затих.

Третий, с искаженным от ужаса лицом, отступил назад, к узкому коридору. Спина убийцы-неудачника коснулась стены. В панике он озирался по сторонам, но, казалось, понял, что этот берсерк настигнет его даже в том случае, если он отыщет нужное направление и ударится в бегство. Он поудобнее взялся за рукоять кинжала и держал его теперь, как меч.

В этот момент лестница заскрипела под тяжестью шагов. Желтые призрачные огни коптящих свечей выхватили из мрака новых участников этой сцены. Однако внимание Конана было по-прежнему полностью сосредоточено на воре, грозившем ему кинжалом. В отчаянии тот бросился на киммерийца, направляя острие своего кинжала Конану в пах. Конан легко отскочил в сторону, поднял меч и изо всех сил обрушил его на своего противника. Острый клинок раскроил голову пополам, словно спелую дыню. Кровь брызнула на стены коридора, который был теперь освещен свечами, — их держали хозяин харчевни и тот толстяк, что накануне не спускал с Конана глаз.

Конан направил окровавленное острие в сторону хозяина, облаченного в грязную ночную сорочку.

Хозяин побелел от ужаса и начал жутко заикаться:

— П-пожалуйста, г-госп-подин… У меня с-семья!.. Конан уставился на него неподвижным взглядом. Глаза его пылали синим пламенем. Наконец он удосужился поглядеть на скорбные останки тех, кто убил бы его, будь он менее осторожным.

— Кто эти мерзавцы? — спросил он, указывая острием меча на распростертые трупы.

— Н-не знаю, г-госп-подин. Я н-не знаю их, — пробормотал хозяин. Пот струился по его лицу.

Заговорил толстяк:

— Судя по их виду, это заморанские карманники. Они только сегодня появились в харчевне.

Конан смерил его взглядом.

— Меня зовут Конан из Киммерии, хотя сейчас я иду из Шадизара. А вы кто?

— Логанаро, друг мой, купец из Морнстадиноса Коринфского. Я возвращаюсь из Кофа, где у меня… э-э… были важные дела.

Конан кивнул и снова взялся за бледного хозяина.

— Как эти стервятники попали в мою комнату, ты, владелец этой проклятой богами конуры? Уж никак не по скрипучей лестнице, верно?

— Правильно говорите, господин. На другом конце коридора есть другая лестница, она прочнее этой.

— Понятно. А теперь объясни мне, зачем тебе понадобилось смазывать замок, ты, пес!

— Замок? Он… он только совсем недавно был врезан в дверь, господин! Наверное, мастер его и смазал. — Хозяин судорожно глотал воздух и дергался, как марионетка на

ниточках. — Да, господин, так дело и было. Мастер, наверное, это и сделал.

Конан покачал головой:

— Звучит очень убедительно. Но я почему-то начинаю чувствовать желание найти этого мастера и потолковать с ним.

Хозяин посерел.

— Н-но… его нет в деревне. Он,. э». он в Туран подался. Да.

Конан сплюнул на пол, наклонился и вытер клинок о заношенный плащ одного из убитых. Потом поискал, нет ли на стали царапин. Ни одной. Кинжал вора, вероятно, был сделан из плохой стали.

Конан выпрямился и посмотрел на дрожащего хозяина сверху вниз.

— Убери разгром в моей комнате! — распорядился 'он. — Я хочу еще немного поспать, только так, чтобы мне не мешали.

— П-поспать? — Казалось, это удивило хозяина.

— Ну и что? Еще петухи не пели, а я устал. Поторопись! Возможно, утром я и забуду все эти фокусы со смазанными замками.

Увидев завтрак, который подал ему хозяин, Конан ухмыльнулся. Еда была горячей и хорошо приготовленной. Когда он сыто рыгнул, владелец собачьей конуры, прозываемой почему-то «харчевней», мгновенно подскочил к нему с вопросом, не может ли он еще чем-нибудь услужить-.

Пока Конан трудился над своим завтраком, маленький толстый купец подсел к нему за стол и вступил с киммерийцем в беседу.

— Вы едете на запад просто так?

— Да. В Немедию.

— Тогда вам нужно идти по левой ветке коринфской дороги через Перевал Духов.

— Перевал Духов? Купец улыбнулся.

— Это название, несомненно, хорошо для того, чтобы пугать им детей. Пролетая над скалами, ветер поет свои странные песни. Отвесные скалы многократно отражают звуки, трудно переносимые человеческим ухом.

Конан засмеялся и отломил большой кусок от третьей ковриги хлеба, поданной хозяином. Хлеб он запил хорошим глотком вина.

— В той стране, где я родился, известны такие ветровые трубы, — оказал он. — В Киммерии даже маленькие дети не боятся этих звуков — а тем более их не испугается мужчина, который видел уже восемнадцать зим.

Логанаро поднял плечи под темно-коричневым одеянием.

— Есть там еще совсем недалеко от перевала заколдованное озеро. Оно называется Спокезхо.

— А в этом заколдованном озере путешественников пугают заколдованные рыбы, пуская пузыри в самый неожиданный момент?

! Конану пришлось смеяться над своей шуткой в одиночку. Лицо купца осталось серьезным.

— Нет, в этом озере нет рыбы. О существах, обитающих там, лучше вообще не говорить. И в любом случае необходимо держаться подальше от тех мест…

Настал черед Конана пожимать плечами.

— Я еду из Коринфии в Немедию, а этот перевал нежит у меня на дороге, и тут ничего не изменят ни ретровые трубы, ни бабкины сказки.

Логанаро улыбнулся.

— Вы отважный человек. Возвращаясь домой, я по этой случайности избрал именно эту дорогу. Может быть, разделим опасности, подстерегающие нас на пути?

Конан качнул головой.

— Нет, купец. Я предпочитаю путешествовать>дин.

— Как угодно, — сказал купец, передернув плечами. — В любом случае, я буду либо впереди, либо позади вас. Так что не пугайтесь, если вдруг заметите, что я иду по вашим следам.

— Одного купца недостаточно для того, чтобы испугать меня, Логанаро.

Толстяк кивнул и замолчал; но что-то, казалось, привело его в хорошее настроение. Создавалось впечатление, что он скрывал от молодого киммерийца Глубокую и мрачную тайну.

Глава вторая

Снег, покрытый толстой коркой наста, лежал на скалах по обе стороны от перевала. Пар от дыхания Конана и его коня клубился в ледяном воздухе.

—Конан не слишком много внимания обращал на холод — он просто поплотнее запахнул свой плащ.

Конанов буланый безошибочно находил дорогу, взбираясь все выше по крутой тропе. Ветер дул не сильно, однако было слышно, как он завывает вдали над высокими скалами. Неустанному цокоту лошадиных копыт вторило слабое эхо.

Вдруг Конан увидел небольшое озеро, о котором ему рассказывал Логанаро. Киммериец тряхнул головой, Его прямые черные волосы стали от мороза совсем жесткими и негнущимися и почти не шевельнулись при этом движении. Озеро замерзло — оно было покрыто льдом от одного берега до другого. Конан мог бы поспорить на половину того золота, которое лежало в его седельных сумках, что лед был не тоньше, чем его мускулистое бедро. Было в высшей степени невероятно, что в этом озере кто-то купается — пусть даже какие-то злые духи.

Тропа пролегала прямо по берегу. Мерные шаги коня укачивали всадника.

Пройдя половину пути, конь неожиданно остановился, повернул голову и уставился на поверхность озерного льда. Конан тоже поглядел туда, но не заметил ничего мало-мальски интересного. Он ударил коня пятками.

— Вперед! Шевелись!

Конь заржал, затряс головой, словно отвечая ему, попятился и отступил в сторону.

— Дурья башка! — проворчал Конан и сильнее ударил коня по бокам. — Если ты не будешь шевелиться, то сегодня вечером у меня на ужин будет конина.

В тишине стал отчетливо слышен треск. Конан перевел взгляд с упрямого коня на озеро. На поверхности льда появилась длинная зубчатая трещина. Потом быстро возникла вторая, за ней третья. Создавалось впечатление, что кто-то долбит изнутри толстую корку льда.

Лед разломился. Белые глыбы размером с крупных овец взлетели на воздух, и из полыньи выбрались какие-то существа! Каждое ростом с человека, однако выглядели они скорее как мартышки. Все они были ′, белоснежного цвета и не имели лица — ни рта, ни носа, ни глаз. Целая дюжина этих тварей выскочила из озера, вскарабкалась на лед и умчалась прочь.

Конан сперва решил, что они спасаются от кого-то бегством и что им до него нет никакого дела, потому что они бежали в направлении, противоположном тому, в котором Конан ехал. Однако вскоре ему стало ясно, что они делают, — они отрезали ему путь к отступлению!

Конан снова ударил пятками коня и угостил его хорошим тумаком, чтобы заставить его тронуться с места. Но первобытный инстинктивный ужас охватил животное. Жеребец дрожал и пытался сбросить всадника. Конан сжал коленями бока охваченного паникой буланого. Только благодаря своей незаурядной физической силе киммериец сумел удержаться в седле. Конь перестал взиваться на дыбы и замер, исполненный страха, словно статуя на морозе.

Белые чудища, раскинув руки, шаркали по снегу прямо к Конану.

К черту коня! Конан соскочил с седла, высоко поднял свой широкий меч и напал на

ближайшее к нему чудище. Меч опустился со страшной силой.

Клинок отрубил кисть руки ледяного монстра. С глухим стуком она упала на землю. Но в этом ледяном теле текла не кровь. Вместо горячего темного сока жизни из обрубка хлынула струя прозрачной жидкости — прозрачной, как вода.

Ледяные пальцы впились Конану в плечо. Он резко обернулся. Перед ним стояло еще одно существо, гладкое, как полированное стекло. Меч зазвенел, когда Конан нанес удар, чувствуя полное отчаяние. На сей раз ему помогла удача, и он снес ледяному чудищу голову. Оно содрогнулось и разжало пальцы, вонзившиеся было в тело человека. И снова брызнула кристальная жидкость.

Во имя Крома! Эти жуткие бестии все-таки умирают? Однако их оставалось еще десять — против одного. Скверно. Но ведь Конан, в конце концов, не идиот. Ему нужно прорваться. А брешь в их цепи он сумеет себе проложить.

Сильные мышцы вздулись на его руках, когда он обрушил сталь на обитателей озера. Трижды его хватали холодные руки, и трижды он обрубал их. Он бил, колол, рубил — и шел. Земля была усеяна частями тел безлицых водяных тварей. Их все еще оставалось много, но это преимущество оказалось ничтожным — они были беспомощны перед человеком с его быстрой реакцией. Конан впал в ярость. Он уничтожил еще троих. Жидкость из их тел тут же застыла на морозе.

Это сражение закончилось бы не в пользу Конана, если бы он вздумал не уходить отсюда, не прикончив их всех. Он устал. Меч казался ему тяжелым. А тварей оставалось еще целых восемь. Пора уходить!

Конан внезапно помчался в том направлении, откуда пришел. Безглазые побежали за ним гуськом. Несмотря на изнеможение, Конан не удержался от ухмылки. Хорошо! Они не только беспомощны, они еще и плохие стратеги.

Он резко затормозил, обернулся и опять напал. Теперь они были слишком далеко друг от друга, чтобы навалиться на киммерийца всей толпой. В настоящий момент ему предстояло иметь дело с чудищем, которое было больше других. Конан легко уклонился от кулака и поднял меч. Сталь вонзилась в ногу врага и отрубила ее. Безмолвно, с глухим стуком опустился ледяной монстр на землю и перекрыл Конану дорогу. Тогда киммериец снова побежал вперед. Если бы сейчас у него была эта проклятая лошадь!

Громкое ржание заставило его остановиться. Он увидел, как множество других ледяных чудищ волокут его жеребца к полынье. Все больше этих противных тварей выскакивало из озера и пыталось схватить жеребца. Теперь их было, без сомнения, больше двадцати, Половина из них вязала лошадь, остальные бежали к Конану.

Жеребец, все съестные припасы, все награбленное золото и серебро сейчас безвозвратно исчезнут на дне озера Спокезхо! С высоко поднятым мечом Конан помчался было к озеру, но на полпути остановился. Ни одна лошадь не стоит того, чтобы за нее умирать. На свете много лошадей и немало золота, и все это Конан сможет украсть, если будет жить.

— Чтоб вас всех забрал Кром! — проворчал он, обращаясь к кристально прозрачным бескровным чудовищам. Потом повернулся и побежал прочь.

Спускаясь с перевала, Конан заметил вдали всадника. Несмотря на то, что с шага Конан перешел на бег и в конце концов помчался изо всех сил, он не смог приблизиться к этой фигуре. Конан прокричал нечто приветственное, но ответа не получил. Всадник не останавливался. Может быть, это тот самый купец, которого он встретил в нищей дыре, именуемой харчевней? Если это так, то зачем всаднику стараться сохранять между собой и

киммерийцем все время одно и то же расстояние? Конан побежал дальше, попутно проклиная обитателей озера, утопивших его лошадь.

После дня утомительного перехода Конан добрался до города Морнстадиноса, первого коринфского города, увиденного им. Морнстадинос не украшали высокие башни, подобные тем, что высились в Шадизаре или Аренджуне, однако это поселение могло похвастаться крепкими стенами и многочисленными зданиями, хотя они и выглядели более приземистыми, чем строения тех городов, где Конан побывал прежде. Однако киммерийца этот город вполне устраивал. Если он хочет двигаться дальше, в Немедию, то ему необходима новая лошадь, а также серебро и золото. Здесь он сумеет добыть и то, и другое, и третье — нужда научит.

Но самое малое еще один день ему придется пройти пешком. Навстречу ему не попался ни один путник, что было весьма некстати. Какой-нибудь жирный купец наверняка имел бы при себе недурные закуски и ценные вещицы, — а в этом Конан испытывал сейчас большую нужду. Кроме меча, карпашийского кинжала и одежды у киммерийца оставался еще кошелек с несколькими медяками, которых, вероятно, хватит для ночлега и ужина с кувшином скверного вина. Какая гнусная перспектива! Но к такому он с годами привык. Не в первый раз ему быть голодным.

В конце концов! Перед Конаном раскинулся город, а его желудку придется довольствоваться съедобными корешками и водой из реки, пока он не доберется до городских ворот. Конан, не задумываясь, зашагал дальше.

Логанаро прикинул расстояние: рослый варвар должен отставать от него примерно на час ходьбы, поскольку сам купец несся галопом. Лошадь его была вся в пене, но это неважно. Важно только то, что у Логанаро теперь есть время связаться с одним из своих покровителей (в данном случае — с покровительницей).

Пока лошадь щипала траву и отдыхала, он начал подготовку к телепатическим переговорам, далеко не легкому чародейству, за владение которым он дорого заплатил и продолжал платить каждый раз при каждом новом обращении к своему дару. Из складок плаща Логанаро вытащил кинжал с коротким широким клинком и крепко сжал его в правой руке. Потом «закатал рукав. Всю левую руку покрывали тонкие шрамы. Некоторые из них были старыми и бледными, другие еще свежими, красными или розоватыми. Логанаро нашел место между двумя прежними надрезами и, сжав зубы, вонзил нож в мясо, как иглу.

Брызнула кровь, когда он рванул клинок вниз по руке, и на загорелой коже появилась новая тонкая линия, сочащаяся алыми каплями. Боль считалась необходимой частью колдовства, однако главным элементом чар была все-таки кровь. Кинжал сделал свое дело, и Логанаро отложил его в сторону. Он провел средним пальцем по кровоточащей ране, пока весь палец не покрылся кровью. Потом поднял к небу руки и произнес заклинание, которому его обучили:

ХЕМАТУС ЦЕПХИЛ АУГМЕНТУМ СИЦХТУСР!

Сразу же вслед за этими словами Логанаро начертил кровью три арканских символа, завершающих чародейство: знак услышанного призыва, свою личную печать и двойную кривую, которая обозначала его покровительницу. Потом стал ждать.

Пять минут протекли после этого, сливаясь с бесчисленными волнами времени, которые плыли впереди. К началу шестой минуты до Логанаро донесся голос — женский голос, звучавший шепотом, но очень пронзительный и выдающий большую силу:

— Зачем ты позвал меня?

Логанаро произнес в вечерний воздух:

— Госпожа, мне показалось, что я нашел то, что вы ищете.

— Многие вещи я ищу, Insectus Minor*. О какой из них речь?

* Insectus minor (лат.) — ничтожное насекомое.

— О той, что придаст совершенство вашему заклятию, госпожа, и вдохнет жизнь в прекрасного Принца Копья из эбенового дерева.

— Многие предлагали мне эту последнюю недостающую составную часть, раб. Но все они оказались бесполезными.

— На этот раз ошибки нет, госпожа. Я видел, как этот человек уложил трех отъявленных негодяев и при этом затратил усилий не больше, чем другому потребуется на то, чтобы вытереть испачканные вином губы. К тому же, он прошел Перевал Духов без помощи какого-либо защитного или отворотного колдовства.

— Этому человеку повезло, что духи озера спали!

— О нет, госпожа! Эти создания не спали подо льдом заколдованного озера. Они вышли многочисленной толпой и попытались затянуть этого смертного в свои подводные жилища. Он убил многих из них. Они взяли его лошадь. Одно мгновение я было думал, что он сам прыгнет под лед, чтобы забрать своего коня.

— И это он сделал без всякой помощи?

— Так оно и было. Я счел за лучшее не показываться ему на глаза.

— Никогда я не числила тебя среди тех, кто поможет мне вдохнуть жизнь в моего Принца. Но этот человек заинтересовал меня. Следи за ним и дальше! Я буду держать с тобой связь.

— А моя награда?

— Не бойся, человек! Золото, которым ты так дорожишь, будет твоим, если сердце этого человека окажется достаточно отважным. Дювула — ведьма держит слово.

— Не сомневаюсь, госпожа.

— Имеет ли этот человек имя?

— Его зовут Конан, госпожа. Варвар из Киммерии.

В своем доме в Морнстадиносе Дювула закончила магический разговор с Логанаро и вышла, держа в руках полированное металлическое зеркало — источник мистической энергии. Она посмотрела на свое отражение: тридцатилетняя женщина с огненно-рыжими волосами, а выглядит она лет на десять моложе. Тонкое одеяние из простого шелка позволяло любоваться изящными очертаниями тела, искушенного в плотских наслаждениях. В металлическом зеркале отразилась и недобрая улыбка этой грандиозной колдуньи, и казалось, что зеркало способно отражать также ее мысли и чувства. Ни один из сыновей земных женщин не мог быть парой Дювуле в искусстве любви. Это она знала. Многие пытались, но все терпели поражение.

Когда Дювуле стало известно, что никто из смертных мужчин не сможет надолго сделать ее счастливой, она решила создать себе возлюбленного искусственно, некоего вечного раба, который будет удовлетворять любой самый причудливый ее каприз. Поначалу все шло очень хорошо, поскольку колдовское мастерство чародейки как раз и было предназначено для подобных дел. Но, к сожалению, некоторые элементы идеального образа найти очень непросто. И принц Копья с кожей цвета эбенового дерева лежал в спальном покое, не будучи пока в состоянии приступить к несению своей службы, потому что

отсутствовала последняя, важнейшая составная часть чародейства: живое сердце по-настоящему смелого человека. Ведьма перепробовала уже дюжину сердец. Но ни одного из них не хватило на то, чтобы оживить ее возлюбленного. Эти, казалось бы, такие мужественные сердца оказались на поверку вообще бессильными. Дювула была очень рассержена.

Несмотря на низкое положение Логанаро, его можно было считать в целом вполне надежным человеком. Возможно, он действительно нашел то, что ей требовалось. Этой мысли было достаточно, чтобы Дювула улыбнулась, эту улыбку и отразило ее зеркало. В любом случае ей необходимо приготовить волшебные растворы.

Возле обугленного ствола дерева, прислоненного к гранитной стене, стоял высокий человек. Здесь проходила граница огромного поместья, принадлежавшего сенатору Лемпариусу.

В руках этот человек бережно держал странный предмет из золота и меди, сделанный в виде шара, заключенного в кубе, но так своеобразно повернутого, что описать это почти невозможно. Из прибора доносился голос — голос Логанаро, низшего посредника, который разговаривал с ведьмой Дювулой. Беседа отнюдь не была предназначена для ушей Демпариуса, однако сенатор никогда не испытывал нравственных терзаний, подслушивая чужие разговоры. Если он считал, что в этом есть смысл, он слушал. В таких случаях использовалась Сторора, «магическое ухо»,

созданное безвестным стигийским мастером, который умер много лет назад

— ."Конан, госпожа. Варвар из Киммерии. Лемпариус засмеялся. Смех его прозвучал отрывисто, как лай. Он что-то поменял в механизме прибора. Голоса толстого посредника и ведьмы стали тише и, наконец, смолкли. Сенатор заботливо спрятал прибор в щель между стеной и стволом дерева. Там находилось специальное хранилище для Стороры, высеченное из камня. Сенатор не хотел, чтобы с его магическим стигийским прибором приключилась беда. «Ухо» было в высшей степени полезно и, насколько знал сенатор, уникально.

Убедившись в том, что прибор надежно спрятан, сенатор обернулся. Теплый ветер взметнул его длинные белокурые волосы, которые словно сияли, взлетая надо лбом. Солнце светило ему в глаза. Яркий свет придавал его зрачкам странное сходство со зрачками существа, высматривающего себе добычу, — но не человека… Совершенно спокойно, методично Лемпариус* освободился от своей одежды. Сперва туника и шелковые шаровары, за ними последовали сандалии — и вот он стоит обнаженный на песчаной земле, возле стены высотой в три человеческих роста. Он был здесь один, и не нашлось никого, кто стал бы свидетелем его наготы.

И никто не видел, что произошло потом. Лемпариус начал меняться. Исказились черты его лица, кожа и мышцы деформировались, словно сырая глина под пальцами гончара. Трещали кости, тянулись хрящи и сухожилия. Белокурые волосы стали гуще, постепенно превращаясь в мех животного — блестящий мех солнечного цвета. Волосы росли быстро, как растет сорняк в садах преисподней. Лицо Лемпариуса опустилось, нос стал плоским, ноздри расширились, рот растянулся. Зубы сузились и удлинились, превращаясь в клыки.

Со стоном опустилось на четвереньки то, что было человеком. На месте ногтей появились когти, руки и ноги стали лапами. Тело съеживалось и тянулось. Когда, наконец, метаморфоза полностью завершилась, существо, полное сил и жизни, не имело уже ничего общего с человеком. Тот, кто стоял на границе владений Лемпариуса, члена правящего

триумвирата в Сенате, принадлежал к роду кошачьих.

И большая кошка была голодна.

*Лемпариус — пантера — оборотень».

Глава третья

Конан вошел в Морнстадинос, когда утреннее солнце только-только начало свой путь по небу. Рассматривая город издалека, киммериец не мог отчетливо разглядеть узкие извилистые улицы. Теперь он шагал по путанице переулков, тупиков, проходных дворов и улиц, вымощенных таким булыжником, какой мог уложить только пьяный, слепой или сумасшедший. Если у этого лабиринта и был какой-либо план, то Конану, во всяком случае, он был неизвестен. Вот конюшня, из которой разит навозом и прелым сеном; рядом с ней храм, битком набитый какими-то собратьями в одеяниях с капюшонами. Непосредственно за этим строением помещается крытый рынок, где торгуют овощами и выпечкой.

Живот варвара настойчиво заворчал и доложил в очередной раз о своем стремлении наполниться пищей. Пока Конан обходил рынок, его мускулистая фигура не раз привлекала к себе взгляды. Из плетеной корзинки он вытащил краюху черствого черного хлеба. Потыкав в нее пальцем, он подсунул хлеб под нос старухе-торговке:

— Почем?

Старуха назвала сумму: четыре медяка. Конан замотал головой.

— Ну нет, бабуся. Я же не собираюсь покупать твой дом вместе с проживающими там внучками. Только вот этот сухой хлебец.

Старая женщина ответила:

— Раз уж вы, судя по всему, здесь чужой, так и быть, сделаю скидку. Три.

— Еще раз повторяю: речь идет не о всей твоей корзине с булыжниками, которые ты выдаешь за хлеб. Всего-то одну краюху. — Конан повертел в пальцах хлеб и довольно мрачно поглядел на него.

— Горе мне! Вы лишаете бедную старуху ее скудного заработка — и это за такую тяжелую работу! Ну ладно. Я возьму с вас всего две монеты, теша себя надеждой, что вы будете потрясены таким гостеприимством Алмаза Коринфии.

— Где же твой нож, бабка? Карманнику, срезающему кошельки, он необходим. До этого ты и сама могла бы додуматься — ведь у тебя такой острый ум и такой болтливый язык.

Женщина хихикнула.

— Вы такой симпатичный юноша. Похожи на моего сыночка. Я не могу видеть, как вы умираете от голода только потому, что вам не хватило одного медяка. Одна монета — и вы купили лучший хлеб на всей улице.

— По рукам, мамаша.

Конан вытащил одну из своих немногочисленных монет и протянул ее старой женщине. Старуха кивнула и улыбнулась.

— Еще один вопрос, — сказал Конан. — Ты права, называя меня чужеземцем. Где в этом городе мужчина может найти кабак с вином, чтобы размочить лучший на всей улице хлеб?

— Состоятельному человеку путей много. Но для того, кто торгуется со старухой из-за нескольких нищенских медяков, выбор невелик. Поглядим-ка. Вниз по улице, дважды направо и один раз налево. Там этот мужчина найдет харчевню «Молоко волчицы». А если упомянутый мужчина пришел из чужой страны и не умеет читать надписи на цивилизованном языке, ему нужно просто поискать на двери изображение волка.

— Какого еще волка?

— Волка, стоящего на задних лапах и готового к прыжку, — объяснила старуха, снова хихикнув.

— Спасибо, мамаша-булочница. Будь здорова! Без особого труда Конан отыскал харчевню «Молоко волчицы» и вошел, держа краюху хлеба под мышкой. То, что час был ранний, ничего не значило: в харчевне было полно посетителей, которые сидели и стояли за длинными деревянными столами. Большинство из них, несомненно, были местные жители, о чем можно было судить по их внешности и одежде. Несколько женщин таскались с дымящимися блюдами, другие сулили радости, не имевшие ничего общего с едой и питьем. Конан посещал подобные заведения довольно часто, они были, как правило, вполне сносны и дешевы.

Киммериец нашел место на краю стола и присел. Он осмотрел помещение и быстро оценил состав публики. Большая часть посетителей состояла из людей, несомненно, бедных, но честных и добропорядочных: бондарей, кузнецов, торговцев и им подобных. Слева от Конана разместилась менее приятная компания: скорее всего, карманники или грабители. Самый крупный из них был среднего роста, но широкий в кости и мускулистый, с темными глазами и иссиня-черными волосами. Кроме того, он обладал могучим крючковатым носом, напоминающим клюв хищной птицы. Подобных людей Конан уже встречал. В жилах неприятного соседа текла шемитская и стигийская кровь. Мощный нос-клюв выглядел устрашающе. К такому человеку лучше спиной не поворачиваться.

Рядом с четырьмя стервятниками устроилась любопытная парочка: пожилой мужчина с белыми волосами, согбенные плечи которого несли на себе груз шестидесяти или семидесяти лет, и девочка лет двенадцати-тринадцати. На старике было длинное одеяние с широкими рукавами. Девочка с каштановыми волосами была одета в голубые шаровары, сапожки и короткую курточку из выделанной кожи. Кроме того, за широкий пояс был заткнут короткий меч в туранском стиле.

— Что угодно господину?

Конан поднял глаза. Толстая потаскушка в просторной, заляпанной сальными пятнами одежде стояла перед ним. Варвар вынул одну из трех своих медных монет и поднял ее на уровень глаз.

— Смогу ли я получить за это стакан приличного вина?

— Вы сможете купить на это целый кувшин. А насколько приличным окажется вино — это вам судить.

— Неужели так плохо? Ну, я не могу себе позволить быть разборчивым. Придется рискнуть.

Женщина взяла монету Конана и исчезла. Киммериец сел так, чтобы видеть старика и девочку с каштановыми волосами.

Конан быстро заметил, что не он один заинтересовался странной парочкой. Те четверо, которых Конан определил как стервятников, тоже выказывали необычайное любопытство. Это, по мнению Конана, ничего хорошего не сулило. Однако лично его все это не касается. Он снова увидел трактирную служанку, которая несла глиняный кувшин, до краев наполненный красной жидкостью. Немного вина выплеснулось из кувшина, когда служанка плюхнула его на стол. Не произнеся ни слова, любезная особа направилась к другим посетителям.

Конан попробовал вино. В сущности, не так уж плохо. Конечно, ему доводилось пить и получше, но встречал он и более скверное. Он хотел размочить в нем хлеб и перво-наперво

набить желудок. А потом придет время позаботиться и о последующих трапезах. Он отломил кусок хлеба и впился в него своими крепкими зубами. Хлеб тоже оказался вполне съедобным. Конан жевал медленно, с наслаждением.

Обладатель чудовищного носа быстрым движением головы указал на старика с девочкой. Двое из его компании встали и направились к этой паре. Один поигрывал кинжалом, другой теребил редкую бородку.

С интересом поглядывая на них, Конан оторвал еще кусочек от своей краюхи.

Когда обоим стервятникам оставалось пройти всего несколько шагов, чтобы придвинуться к старику вплотную, люди, сидевшие и стоявшие возле двери, вдруг заговорили громко и удивленно. Конан поглядел туда. Люди поспешно отодвигались от прохода. Причину этого беспокойства Конан не мог еще понять. Со стороны казалось, будто ветер гонит высокие колосья в разные стороны. Когда толпа, наконец, разделилась на две части, все стало ясно.

По полу, усыпанному опилками, полз паук. Никогда еще киммериец не видел подобных созданий. Паук был размером с кулак и к тому же весь покрыт тонкими волосками. Он пылал, как фонарь с рубиновыми стеклами. И эта штука пульсировала, словно живое сердце.

Паук без колебаний подбежал к столику старика. В мгновении ока вскарабкался по ножке. Не лишенным грации прыжком этот пылающий представитель паучьей породы вскочил на кувшин вина, который старик держал узловатыми пальцами. Вино закипело с громким шипением. Послышался щелчок. Затем над кувшином появилось маленькое кроваво-красное облачко.

Теперь все глаза были прикованы к старику. Он улыбнулся, спокойно поднес кувшин к губам и начал пить.

Компании стервятников неожиданно пришла в голову мысль о том, что у них имеются неотложные дела где-то в совсем другом месте, что они ужасно опаздывают и любое промедление может иметь катастрофические последствия. Во всяком случае, именно такое впечатление сложилось у Конана, глядевшего, как они сломя голову выскакивают из трактира. Позади Конана кто-то выругался и пробормотал:

— Колдовство!

В этот момент девочка, сидевшая рядом со стариком, вскочила и подбросила в воздух апельсин. Конан догадался, что сейчас произойдет. Мгновением позже девочка выхватила свой меч и ударила им по падающему апельсину. Поначалу можно было подумать, что она его не задела, поскольку апельсин продолжал падать, но от острых глаз Конана не скрылось, что малышка разрубила его на четыре части.

Киммериец снова принялся жевать свой хлеб, Итак, все, кто завтракал нынешним утром в «Молоке волчицы», были поставлены в известность: старый человек и девочка были далеко не так беззащитны, как это могло показаться. Куда более разумно, друзья, поискать себе жертву где-нибудь в другом месте.

Горбоносый решил, что все это не внушает радости. Он злобно сверкнул на старика глазами и сжал свой стакан столь воинственно, что костяшки его смуглых пальцев побелели.

И снова возле двери послышались громкие возгласы удивления. Появился второй паук. На сей раз он прошествовал к столу горбоносого. Без всяких приказаний волосатая тварь вскарабкалась на стол из неструганых досок и плюхнулась в вино.

Конан засмеялся. Вызов! Отважится ли он пить?

Онемев от ярости, горбоносый вскочил и отшвырнул от себя стакан. Сосуд и его

содержимое полетели прямо в лицо Конану. Конан поднял руку, чтобы отразить летящий в него стакан. К несчастью, для этого он избрал именно ту руку, в которой держал хлеб. Когда стакан обрушился на него, вино выплеснулось на хлеб, и завтрак Конана упал на грязный пол. Конан видел, как краюха покатилась по полу, причем слой грязи на ней рос неудержимо.

В лучшие времена он нашел бы подобную историю очень смешной, особенно если бы она приключилась с кем-нибудь другим; но теперь он не мог увидеть в ней ничего забавного, сколько ни старался. Сначала он лишается своей лошади и своего золота, а под конец теряет и завтрак. Киммериец втянул носом воздух. Его гнев разгорался, как костер под ветром.

Горбоносый вытащил клинок и двинулся на старика, в котором видел уже свою жертву. Девочка храбро бросилась защищать своего седоволосого спутника коротеньким мечом. Широкий клинок Конана со свистом вылетел из ножен. Обеими руками взялся он за рукоять, поднимая меч над головой.

— Ты… ты подонок! — взревел Конан.

Горбоносый удивленно обернулся. То, что он увидел, вызвало у него тревогу. Он попытался привести меч в оборонительную позицию, одновременно с этим отступив назад, но ни того, ни другого сделать ему не удалось. Меч Конана вонзился ему в грудь, и острая сталь, проникшая в тело на глубину ладони, разрезала человека от груди до паха, как при вскрытии. Ужас исказил лицо разбойника, когда из раны на животе выпали внутренности. Он рухнул на пол, и душа его отправилась в путь на поиски предков.

Но ярость Конана улеглась лишь частично. Он поискал глазами четвертого члена банды. Но того почему-то не было видно. Конан засверкал глазами на посетителей харчевни. Все они предусмотрительно отшатнулись от молодого великана с окровавленным мечом в руках. Все, кроме одного.

Девочка, улыбаясь, приблизилась к Конану. Свой меч она вложила в ножны. Когда она подошла совсем близко, стало видно, что ростом она едва достигает Конану до груди. Чуть помедлив, киммериец опустил меч и поглядел на девочку сверху вниз.

— Ну?

— Спасибо, господин, вы спасли нас. Голос прозвучал тепло. Да, казалось, самый воздух стал теплее, когда она вот так стояла рядом и смотрела на рослого киммерийца.

— Можешь не благодарить, — сказал Конан все еще грубым и злым тоном.

— Этот ходячий кусок дерьма погубил мой завтрак. Лучше бы он зарезался. Тогда я бы с удовольствием оставил его мучиться.

При этих словах Конана рот девочки округлился и на лице отразилось смятение.

В харчевне возобновились разговоры,

— как он ему врезал! Вот это сила!

— разрубил, как курицу!

— прибыл из провинции…

Худой человек со шрамом, пересекающим верхнюю губу и проходящим возле левой ноздри, не выпускал из глаз обнаженный клинок варвара. Из-за шрама казалось, что человек постоянно усмехается. На нем был изрядно замызганный фартук, который изначально имел белый цвет, но со временем, после неоднократно пролитого на него вина и собранных в него же объедков, приобрел серый оттенок. Скорее всего, хозяин харчевни, предположил Конан.

Хозяин бросил взгляд на убитого. При этом его вечная ухмылка стала еще шире.

— Ну вот, Аршева из Кеми нарвался, наконец, на жертву себе не по зубам. — Он покосился на Конана.

— Немногие до такой степени заслужили того, чтобы их вышвырнули из жизни, как этот тип. О нем никто не пожалеет, вот уж точно. — После краткого некролога хозяин извлек из кармана своего фартука тряпочку и протянул ее Конану.

— Вот, вытрите ваш клинок, господин, чтобы от поганой крови Аршевы не появилась ржавчина на благородной стали.

Конан взял грязный лоскут и тщательно обтер клинок,

— Однако может нагрянуть городская стража и поинтересоваться, почему и кем прерван земной путь нашего Аршевы, — сказал Хозяин. — Я полагаю, господин, что у вас были достаточные основания отправить его в мир иной.

Конан вложил меч в ножны.

— Несомненно, — начал он, — причина была. Этот негодяй…

— …хотел напасть на меня и мою помощницу, — перебил его старик. — Этот человек — наш телохранитель. Он просто добросовестно выполнил свою работу и защитил нас.

Конан удивленно воззрился на старика. Что это значит? Он хотел заговорить, но старик не дал ему вставить ни слова.

— Пока мы будем ждать солдат, мы хотели бы завершить наш завтрак. Если вы будете настолько любезны и замените моему другу его утраченную во время битвы порцию, а также принесете еще кувшин вина, я вам буду очень признателен. — Старик поднял морщинистую руку. Блеснула серебряная монета.

— А это за ваши труды.

Человек со шрамом взял монету.

— Не сомневайтесь. Такой благородный и состоятельный господин, каким вы, вне всякого сомнения, являетесь, запросто сумеет втолковать солдатам свою точку зрения на события. — Он придвинул к столу старика еще один стул

— для Конана. — Я сейчас же позабочусь о закуске для вас.

Теперь Конан сидел рядом со стариком и девочкой и ждал ответа на свои невысказанные вопросы. Поначалу он молчал, поскольку решил, что у старика действительно есть все основания ему помогать. Может, он просто хочет его отблагодарить за то, что киммериец распотрошил негодяя, напавшего на девочку. Разумеется, Конан оказал ему услугу — пусть даже не преднамеренно. Но потом варвар заподозрил, что за всем этим скрывается нечто большее и что он услышит сейчас не просто слова благодарности.

Прежде чем заговорить, старик дождался, чтобы их стол перестал быть объектом всеобщего внимания.

— Я Витариус, а это, — он указал на девочку рукой в просторном рукаве, — это Элдия, моя помощница. Я немного приколдовываю, особых талантов в этом искусстве у меня нет. Мы хотели бы отблагодарить вас за помощь.

Конан кивнул и стал ждать.

— У меня возникло ощущение, что вы вот-вот назовете истинную причину вашего поединка с этим пожирателем душ, — ведь он погубил ваш хлеб. Поэтому я вас и перебил. И снова Конан кивнул. У старика острый ум, и он очень наблюдателен.

— Солдаты, которые будут вас допрашивать, в большинстве своем продажны. Немного серебра — и дело, без сомнения, будет решено в вашу пользу. Однако распороть человеку живот только за то, что он выбил из ваших рук на пол краюху хлеба, — это в глазах сената города Морнстадиноса вряд ли может выглядеть справедливым возмездием. Куда более убедительно было бы обнажить меч, защищая своего господина от грабительского нападения.

Молодой великан кивнул.

— Я Конан из Киммерии. Я оказал услугу вам, вы — мне. Мы квиты.

— Так, — сказал Витариус. — По меньшей мере, до окончания завтрака.

— Ясное дело, это я учту.

Служанка принесла поднос, на котором громоздились хлебцы, овощи и блюдо жирной свинины, а кроме того, захватила еще вина — явно лучшего, чем то, что Конан пробовал вначале. Он ел с аппетитом и пил с удовольствием.

Витариус наблюдал за ним с огромным интересом. Когда киммериец покончил с трапезой, волшебник сказал:

— Мы в расчете. Но тем не менее, позвольте сделать вам предложение, которое, возможно, придется вам по душе. Элдия и я — мы показываем фокусы на площадях и под окнами. Такой человек, как вы, был бы нам очень полезен.

Конан покачал головой:

— С колдовством я не связываюсь.

— Колдовство? Не смотрите на мои оптические фокусы как на колдовство! О нет, я использую лишь простейшие формулы, не более того! Неужели я бы оказался в таком месте, как это, будь я настоящим волшебником?

Конан задумался. Да, похоже, он прав.

— Но чем я могу быть полезен чародею-фокуснику? Витариус покосился на Элдию, затем снова обратился к Конану:

— Ваш меч — это во-первых. Ваша сила — во-вторых. Мы с Элдией почти не в состоянии защитить себя от подонков вроде того, которого вы сегодня зарубили. Она умеет проделывать со своим мечом удивительные кунштюки, требующие быстроты и ловкости, но серьезной дуэли со взрослым мужчиной не выдержит. Мои же фокусы могут вызвать суеверный страх, однако настоящего убийцу не испугают, в чем вы имели возможность убедиться. Конан прикусил губу.

— Но я иду в Немедию.

— Я уверен, что такое длинное путешествие значительно облегчит хорошая лошадь и солидные припасы.

— Как это вы догадались, что у меня всего этого нет?

Витариус обвел взглядом харчевню. Потом обратился опять к Конану:

— Разве состоятельный человек потерпел бы такое окружение?

Это было очевидно. Конан продвинул рассуждение Витариуса еще на один шаг.

— А почему же вы, добрый чародей, оказались в подобном месте?

Витариус рассмеялся и хлопнул себя по бедрам.

— Простите меня, Конан из Киммерии, я недооценил вас! Если твой собеседник — варвар, то это далеко не всегда означает, что у него нет мозгов. Нет, просто мы с Элдией очень экономно расходуем наши деньги, потому что хотим купить кое-какое снаряжение. Мы тоже собираемся покинуть этот милый город и двинуться на запад Но сначала нам нужно заглянуть на юг, к Аргосу. Мы бы хотели… гм… путешествовать известным образом… с вооруженным караваном… и тем самым избежать столкновений с бандитами на офирской дороге.

— Понимаю.

Конан смерил взглядом Витариуса и Элдию. Хоть он и был вором, но от честного заработка тоже не отказывался — если это, конечно, ненадолго. К тому Же, и в Немедию он

не слишком торопился. И в любом случае этот путь действительно легче проделать на хорошей лошади, чем пешком.

— Серебряная монета в день, — сказал Витариус. — По моим оценкам, мы отправимся в путь в течение этого месяца.

Конан подумал о плачевном состоянии своего кошелька. Приличную лошадь и вооружение можно приобрести за двадцать-тридцать серебряных монет. А охранять чародея и его помощницу от трусливых воров в течение месяца-двух — не слишком утомительное занятие. Конан улыбнулся Витариусу:

— Повелитель пылающих пауков, вы завербовали себе телохранителя, Скрываясь под жреческим плащом с капюшоном, Логанаро наблюдал за тем, как киммериец разговаривает со стариком и девочкой. Посредник Дювулы улыбался — он был доволен. Быстрая и бесстрашная расправа варвара с убийцей была весьма впечатляющей. Логанаро все больше убеждался в том, что нашел, наконец, человека, которого недоставало ведьме. Здесь он, без сомнения, имел дело с мужественным воином. Видения золота и драгоценностей сменяли друг друга в мыслях Логанаро, когда он прислонился к стене и прильнул к своему стакану. Скоро, очень скоро сердце этого великана-варвара с пламенными глазами оживит любовника ведьмы.

Глава четвертая

Молодой киммериец и помощница чародея шли следом за Витариусом, пробираясь сквозь пеструю толпу людей, пришедших на празднование совершеннолетия дочери одного местного винодела. Гляда на старика, который шел впереди, Конан замечал, что тот на самом деле значительнее, чем хочет казаться. Киммериец часто становился свидетелем того, как старые люди оставляют в тени молодых, и поэтому не считал стариков беспомощными. Если у человека нет крепких мышц, он нередко заменяет их мудростью.

— Мы хотим найти место поближе к виноделу, — объяснила Конану Элдия.

— Там собрались самые богатые друзья его дочери, и за наше представление там заплатят куда более щедро.

Конан молчал. Он смотрел, как крепкий юноша вел в поводу трех лошадей, одна из которых напоминала похищенную несколько дней назад духами озера. В его глазах засветилась злость.

В этот момент Витариус обернулся.

— Кажется, вас что-то угнетает, Конан, — сказал он.

— Только одно противное воспоминание, Витариус. У меня была лошадь, похожая на ту, что прошла сейчас мимо. У меня отобрали ее.

— Мне трудно в это поверить. Во всяком случае, я не хотел бы быть тем человеком, который оказался бы настолько глуп, что попытался бы избавить вас от части вашего имущества. Тем более — от лошади хорошей породы.

Конан горестно усмехнулся:

— Это был не человек. Я ехал через заснеженный перевал к востоку отсюда. Там на меня напали какие-то водяные твари, каких я никогда еще не видел. Они были белые, безликие. Кровь у них прозрачная, как вода.

— Ундины! — Голос Витариуса звучал удивленно и слегка испуганно.

— Так вы их знаете?

— Конечно. Духи воды — вот кто они. Витариус обменялся с Элдией многозначительными взглядами. Потом он испытующе поглядел на Конана, словно пытаясь догадаться, как киммериец все это расценил. Элдия стояла рядом с ним. И снова он ощутил то особенное тепло, которое, казалось, излучала девочка. Воздух словно сиял. Солнце поднялось высоко, и под его лучами на многих лицах выступил пот; но это новое тепло было жарче. Наконец Витариус сказал:

— Поговаривают, будто теперь ундины подчиняются Совартусу, волшебнику Черного Квадрата. Это злой волшебник, который, если верить слухам, ищет в Морнстадиносе что-то… или кого-то. Кроме ундин этот мерзавец держит в своих когтях других неземных существ, которые помогают ему в поисках.

— Совартус? — Конан проговорил это имя вслух и напряженно задумался.

— Ну так вот что. Если этот чародей и впрямь повелевает какими-то бестиями, стянувшими у меня лошадь, то пусть возместит мне убыток.

— Было бы глупо требовать этого, Конан. Совартус не наделен совестью, зато располагает очень большой магической силой. Он убивает, не задумываясь.

— И все-таки! Преступлений я не забываю — безразлично, мои собственные это преступления или чьи-то там еще.

— Некоторые вещи все же лучше забыть, — негромко сказал Витариус и снова начал прокладывать себе дорогу сквозь толпу.

Логанаро выглядел отнюдь не внушительно, когда стоял перед высоким подиумом и креслом сенатора Лемпариуса, могущественного политика, имевшего большой вес в Морнстадиносе, а может быть, даже во всей Коринфии. Не в пользу маленького человечка служило и то, что он оказался между двух блюстителей порядка, причем острия кинжалов этих последних были приставлены к его горлу.

— Это, должно быть, ошибка, ваше превосходительство. Я никогда не нарушал законов Алмаза Коринфии и…

Лемпариус рассмеялся, сверкая белыми зубами:

— Тебе только придворным дурачком быть, Логанаро. Если все твои преступления раздать по одному на жителей города, то наши тюрьмы переполнятся. Только за те шутки, о которых я знаю, тебя уже нужно сто раз предать проклятию, и трижды по сто раз — если подтвердится только половина из тех, о которых я подозреваю.

Логанаро глотнул. Он уже видел себя болтающимся на виселице. При этой мысли колени его стали ватными. Такого оборота дела он не ожидал. Все шло к тому, что пережить сегодняшний день ему уже не удастся. Что же он такого сделал, что восстановило против него правящий сенат? И еще важнее был вопрос: как им удалось его выследить?

Лемпариус равнодушно махнул рукой:

— Оставьте нас одних!

Оба вооруженных воина поклонились и спрятали кинжалы в ножны. Затем они четко повернулись и, шагая в ногу, покинули покой. Логанаро чувствовал, как холодные капли пота покатились по его спине, но попытался придать себе спокойный вид.

— Я мог бы приказать высечь тебя и опустить в чан с кипящей соленой водой. Но это не входит в мои намерения — по крайней мере, сейчас. Лемпариус поднялся. Он играл с рукояткой ножа, висевшего в ножнах на его правом бедре.

Логанаро неподвижно смотрел на тонкие длинные пальцы сенатора, ласкавшие оружие. Маленький толстый человек чувствовал себя так, словно его сковали какие-то злые чары. Он не мог отвести глаз от этих холеных рук.

Лемпариус опять засмеялся:

— Любуешься моим стальным зубом?

Высокий белокурый человек вынул нож из кожаных ножен и поднял его на высоту груди. От рукояти до острия оружие это было изогнуто, как лук. Оно вызывало в воображении неприятные картины: клык или коготь, готовый растерзать добычу. Рукоятка была сделана из отполированного до блеска черного дерева — может быть, эбенового? Логанаро видел медные крепления, соединяющие стальной клинок с рукояткой. Там, где начинался клинок, сидела медная пластина, которая не столько выполняла защитную функцию, сколько служила цветным переходом от черноты рукояти к серебру клинка. Клинок был довольно коротким, длиной примерно с палец взрослого человека, с острым как игла острием. Внешняя сторона клинка была утолщена и на четверть длины зазубрена, а внутренняя закруглена и остро отточена.

— Ты видел хоть раз саблезубую киску? — спросил Лемпариус. — Нет? Какая жалость! Это действительно великолепные животные. К сожалению, число их сокращается. Каждая из таких гигантских кошек имеет по два огромных клыка. Этот нож сделан по их подобию, — сенатор покрутил нож в пальцах, — так что он может разорвать почти все, что ходит или

ползает. Я использовал один из чудесных клыков в качестве модели при изготовлении моего стального зуба. Поэтому иногда я чувствую себя— я сравниваю себя с огромной кошкой.

Логанаро глупо кивнул.

— Но ты, конечно, хочешь, чтобы я показал тебе мой нож в действии?

— Вовсе нет, ваше превосходительство, высокочтимый сенатор, в этом нет необходи…

— Нет-нет, я убежден, что это нужно. Логанаро, иди за мной!

Лемпариус повел его вниз по узкому коридору, освещая путь коптящей свечой, затем спустился по каменной лестнице в помещение, служившее передней подвального комплекса. Логанаро безмолвно молил всех богов, чтобы ему сохранили жизнь.

В грязной клетке, размером чуть больше гроба, лежал человек неопределенного возраста. Волосы его свалялись, всклокоченная борода торчала, безумный блеск мелькал в диких глазах.

Перед этой клеткой Лемпариус остановился. Улыбаясь, он обернулся к Логанаро.

— У тебя есть кинжал. Дай его мне!

Логанаро поспешно повиновался и подал сенатору свое оружие с широким клинком. Сенатор просунул кинжал сквозь ржавые железные прутья клетки. С быстротой молнии человек схватил кинжал и ткнул им сквозь решетку так далеко, как только мог. Но попытка ранить сенатора осталась бесплодной. Логанаро при этом нападении испуганно отскочил; на лице Лемпариуса не дрогнул ни один мускул.

— Этот человек приговорен к смерти, — пояснил Сенатор. — Было бы чересчур утомительно перечислять здесь все его редкостные злодеяния. Его рандеву с палачом состоится завтра. Но у меня вдруг возникло такое чувство, что он может не прийти на свидание.

После этого Лемпариус коснулся острием ножа запястья заключенного. Движение казалось очень легким — по крайней мере, для Логанаро, — но таким стремительным, что у несчастного в клетке не осталось ни мгновения, чтобы отдернуть руку. Когда он убрал ее на безопасное расстояние, из раны длиной в большой палец, рассекающей запястье, хлынула кровь. Он отчаянно взвыл.

Лемпариус сорвал с клетки замок и широко распахнул дверь. Затем он сделал два шага по направлению к Логанаро. Тот поспешно отодвинулся на расстояние вдвое большее. Сенатор явно сошел с ума! Приговоренному к смерти терять нечего. Если он их обоих прикончит, хуже ему уже не будет.

Заключенный выскочил из клетки. Он ухмылялся, как оживший скелет. На мгновение он остановился и набрал в рот кровь из раны, потом выплюнул ее на грязные каменные плиты себе под ноги, снова громко вскрикнул и набросился на Лемпариуса, Короткий кинжал он держал опущенным, намереваясь всадить его сенатору в живот. При всей своей опытности Логанаро никогда еще не видел никого, кто двигался бы так стремительно, как сенатор. Со сверхъестественной быстротой, словно кошка, бросился он к заключенному, держа в правой руке свой стальной зуб. Очертания ножа расплылись, так быстро вонзился он в шею обреченного. Прежде чем тот успел отреагировать, клык хищного зверя был выдернут и снова всажен в рану. На этот раз он ударил с другой стороны. Потом Лемпариус отскочил от своей жертвы.

Логанаро знал толк в смертельных ранах. К тому же, он имел непосредственное отношение к некоторым из них. Но ничего подобного он никогда прежде не видел. Важнейшие артерии были начисто перерезаны. Светящиеся алые фонтаны били при каждом

ударе сердца. Один миг умирающий стоял, как дерево с подрубленными корнями, не в силах двинуться. Затем он рухнул на пол. За несколько секунд он истек кровью и теперь лежал бледный, как призрак. Мертв.

Большим и указательным пальцами Лемпариус вытер с клинка кровь. А потом улыбнулся испуганному Логанаро:

— И еще одно. Когда я переворачиваю рукоять моей безделушки вот так,

— он подбросил нож в воздух, снова поймал его и взял оружие так, что рукоять стала показывать в потолок, а острие в пол, — я могу немного поранить мужчину между ног — как этого в горло. Такая рана несмертельна. Просто после этого немножко… поменьше мужественности.

Логанаро глотнул, словно неожиданно в горло ему попал песок.

— Ты так притих, посредник. Что, язык проглотил?

Логанаро прикусил губы, пересохшие, точно выбеленные солнцем кости в пустыне.

— Что я должен для вас сделать, ваше превосходительство?

Лемпариус снова вложил нож в ножны и похлопал посредника по плечу.

— Ты находишься на службе у ведьмы по имени Дювула. Тебе известно, что у нее имеется братец-демон? Нет? Ну, неважно! В настоящее время ты занимаешься варваром, которого зовут Конан. Да, так, кажется, его имя — Конан. Нашей ведьмочке понадобилось его сердце, чтобы оживить изготовленное ею изображение.

— От-ткуда в-вам это в-все изв-вестно?..

— У меня свои методы. Главное, что я это знаю. Я тоже в последнее время стал интересоваться варварами. Мне понадобится твоя помощь, чтобы изловить этого человека. — Лемпариус жестоко улыбнулся.

— Я… я не могу. — Голос Логанаро был еле слышен.

— Извини, дружище, у меня что-то со слухом. Только что мне вдруг показалось, будто ты сказал, что не можешь помочь мне в этом деле.

— Ваше превосходительство, Дювула насадит мою голову на кол и воткнет его в выгребную яму в своем отхожем месте?

— Послушай-ка, малыш, о такой участи ты сам попросишь меня на коленях, когда я возьмусь за тебя всерьез, — если ты отклонишь мою маленькую просьбу, конечно. От коготков Дювулы я тебя спасу. Не сомневайся.

Логанаро снова глотнул.

— Могу я узнать, как у вас возникло подобное желание?

— Теперь, когда ты принят ко мне на службу, у меня нет сомнений относительно твоей преданности. Я тебе все расскажу. Насколько тебе известно, Дювула не берет себе больше любовников из числа людей. Но я хотел бы, чтоб она взяла еще одного, прежде чем оживит своего Принца.

— Вас, ваше превосходительство? Но», но— я думал— — Логанаро оборвал сам себя, когда сообразил, ч т о он, собственно, хочет сказать.

Лемпариус засмеялся. Он совершенно не был обижен и даже продолжил мысль Логанаро:

— Ты подумал, что я, как и многие другие, насладился бы этой сомнительной честью и, не будучи слишком хорош, в конце концов подвергся бы плачевной участи?

— Простите меня, сенатора

— Твое предположение в целом верно. Так было. Во всяком случае, так продолжалось

довольно долго. За эти голы я приобрел известную силу, ну, скажем, своего рода животную силу. Обладая этой новой энергией, я могу быть уверен, что мой дебют на той арене, где заправляет Дювула, будет весьма удачен.

— Но если дело обстоит именно так, почему вы просто не вступите с ней в контакт?

— Я вижу, ты смутно представляешь себе, что такое женщина. Она вбила себе что-то в голову, и переубедить ее можно лишь с большим трудом. Если я не сумею добиться ее доверия, мне понадобится нечто в качестве объекта для переговоров. Заполучив этого варвара, я смог бы потребовать за него выкуп. И когда мои услуги покажутся Дювуле неудовлетворительными, она получит возможность оживить своего Принца. Должен признаться, мне эта затея кажется малоосуществимой, но мое предложение ей наверняка понравится. В конце концов, при этом она в любом случае ничего не теряет.

— Понимаю. И у вас есть убежище, где вы сможете защитить своих посредников в том случае, если они вдруг рассердят Дювулу?

— Само собой разумеется.

Логанаро взвесил свои шансы. У него не было другого выбора, как только подчиниться сенатору. Если план Лемпариуса провалится, Дювула — и это очевидно — сожрет предателя заживо. С другой стороны, если сейчас возразить сенатору, то лучше уж сразу быть покойником. Так что предпочтительнее рискнуть неясным будущим, чем рисковать вполне конкретным настоящим.

— После того, как вы рассказали о своих побуждениях, я вас прошу, ваше превосходительство, считать меня своим слугой.

— Я так и знал, что ты трезво смотришь на вещи, Логанаро. Мой приказ прост и несложен: продолжай следить за варваром. Избегай разговоров об этом с Дювулой, но поддерживай с ней связь. Если она прикажет тебе схватить этого Конана, известишь меня и получишь дальнейшие указания.

— Ваше желание — закон для меня, ваше превосходительство.

— Начиная с этой минуты, можешь называть меня Просто Лемпариус, дружище. В конце концов, ты мой полномочный представитель, которому я хорошо плачу за верную службу.

После того, как Логанаро ушел, Лемпариус вернулся к трупу заключенного и задумчиво уставился на него. Он улыбнулся. Дювула непременно станет его возлюбленной, когда он делом подтвердит хвастливые слова относительно своей обновленной мужской силы. Что касается Логанаро… Было бы невероятным пред-, положить, что она простит перебежчика. А жаль! Маленький хитрец довольно ловок в шпионаже. Он мог бы быть полезен. Жаль, что придется уничтожить его, чтобы утолить злобу ведьмы. Но лучше он, чем я, подумал Лемпариус.

Сенатор смотрел на труп на полу и чувствовал голод. Ну, что! Было бы бессмысленно дать этому превосходному свежему мясу пропасть.

Никто не видел, в какое существо превратился сенатор Лемпариус и что он сделал. Стражники найдут потом куда меньше останков казненного, чем обычно выходит из рук палача. Сегодня ночью пантера уснет сытой.

Вечерняя тень уже упала на рассеянную толпу, когда Конан вместе с остальными зеваками развлекался фокусами Витариуса на празднике в честь дочери винодела. А старик совсем неплох, решил Конан. Волшебник вынимал летающих птиц из женских рукавов,

превращал стакан вина в стакан уксуса, .вытряхивал из пустой бутылки ворох атласных лент. Элдия бегала вокруг и собирала монеты у смеющихся людей. То и дело она показывала свой трюк с мечом, разрубая пряжку от туники или каравай хлеба на фигурные части. Это было хорошее представление, и медные монеты так и сыпались в кубок, который подставляла Элдия.

Конан мог спокойно глазеть на фокусы. Работы у него было немного. Ни один карманник не приближался к чародею, несмотря на то, что немало их шныряло в толпе. Поскольку они не трогали его подопечных, Конан ничего не имел против. Сам вор, он был снисходителен к подобным вещам. В конце концов, человек должен на что-то жить, а эти люди не обеднеют, если у них стянут пару медяков.

Как и все опытные деятели искусства, Витариус приберег свой лучший фокус на конец выступления. Но ему неплохо бы поторопиться, подумал Конан, а то все разойдутся и унесут с собой свои денежки.

Зрители притихли, когда Витариус приготовился к демонстрации своего финального трюка. Некоторые кивали и смеялись. Конан слышал, как одна женщина говорила: «Его последний фокус — самый лучший. Подожди, увидишь!»

Старик бурно жестикулировал и бормотал заклинания. Он исполнял нечто вроде танца, переминаясь с ноги на ногу. Зрители смеялись, и Конан вместе со всеми.

Наконец Витариус готов. Он сделал людям знак приблизиться и с драматическим жестом провозгласил:

— Вот оно!

Вспышка света. Плотное белое облако дыма заволокло площадь. Когда дым немного рассеялся, Конан разглядел в тумане фигуру. Угрожающе высилось что-то большое и темное.

Толпа вскрикнула. Дым пропал — и стал виден демон! Чудище было ростом в полтора человеческих и весило, по оценке Конана (если оно только было живым и имело вес), добрых два его собственных веса, а киммериец отнюдь не был перышком. Светящийся, красный, впечатляюще мужественный демон ухмылялся, и такие зубы, как торчали из его пасти, могли присниться лишь в кошмарном сне. Спина у Конана похолодела. Все прочие видения, вызываемые Витари-усом, не шли ни в какое сравнение с этим. Даже на варвара оно произвело сильное впечатление. Но когла он встретился глазами с Элдией, стоявшей на расстоянии вытянутой руки от него, она проговорила нечто, поразившее его, как удар. Девочка перевела взгляд с демона на киммерийца и произнесла тихо, но отчетливо:

— Этого он не вызывал, Конан. Этот — настоящий!

Демон шагнул к Витариусу. Он произнес голосом, звучащим, как металл, царапающий о металл:

— Где она, Белая Голова?

Витариус не ответил. Демон обвел толпу глазами, сверкавшими адским пламенем. Когда взгляд его упал на Элдию, демон широко ухмыльнулся, оскалив зубы. Оставляя за собой следи мокроты и слизи, он отвернулся от волшебника и двинулся к девочке.

Элдия обнажила меч, смело глядя на чудовище. Зрители поняли, что при последнем заклинании случилось что-то не то, и рассеялись, как осенняя листва под сильным ветром. [

— Стой! — крикнул Конан.

Демон посмотрел на него сверху вниз.

— Это ты мне, комар?

— Конечно, демон. Но я скорее оса с ядовитым жалом, чем комар, учти это.

Конан вытащил из ножен свой широкий меч и поднял его обеими руками, направив острие в живот демона.

— До тебя мне нет дела. Мы не ссорились, оса, — загремел демон. — Мое поручение касается только этого человеческого детеныша женского пола. Убирайся.

— Ты ошибаешься, порождение ада! Я охраняю ее.

Если ты угрожаешь ей, то тем самым подвергаешь опасности себя.

— Опасности? Только не смеши меня, оса! Я уже объелся твоим остроумием по самые уши. Лети прочь, пока я тебя по земле не размазал.

Конан поднял меч к злобному лицу демона.

— Конан-киммериец еще никогда не бегал от таких, как ты, нечистая тварь.

— Тогда молись своим богам, насекомое, потому что твое время истекает.

Демон протянул к Конану черные когтистые лапы, привстал на носки и прыгнул.

Глава пятая

Как ни скор был демон, Конан был быстрее. Киммериец прыгнул одновременно с порождением бездны, но не вперед, а в сторону, и демон проскочил мимо. Как канаты, вздулись вены на сильных руках Конана, когда он занес меч. Он целил в горло демона. Мощный удар старого клинка рассек воздух, и меч не то простонал, не то просвистел.

Но и демон не стоял без дела в ожидании, пока ему снесут голову. Вместо этого он подпрыгнул высоко в воздух и сжал свое могучее тело в комок. Такому сальто мог позавидовать любой акробат. И прежде чем Конан успел привести свой меч в позицию, из которой снова мог сделать выпад, демон опять стоял на ногах, слегка пританцовывая.

— Ну и где твое жало, оса? — издевательски поинтересовался он.

Конан не ответил. Он рванулся вперед, —готовясь нанести второй удар.

Демон стремительно отошел назад и при этом разнес подвернувшуюся под ноги лавку Этакой легкостью, как будто она была сделана из паутины. Улыбаясь, он уклонился от холодной стали.

Краем глаза Конан видел, как Элдия двинулась вперед с опущенным мечом в руке и как Витариус остановил ее.

— Не туда! — крикнул старый волшебник.

Теперь ему нельзя отвлекаться — это Конан знал. Демон, вероятно, боится стали, но очень он велик, силен и дьявольски скор. Своими когтями он может растерзать человека так легко, как будто у него на лапах растет целая дюжина добрых кинжалов. В намерения Конана не входило позволить эдакой твари всадить когти себе в шкуру. Киммериец размахивал мечом, как веером, пытаясь пронзить им кроваво-красное чудовище. Бестия рванулась прочь, продираясь сквозь остатки зеленной лавки. Конан следовал за ним, полностью сосредоточив свое внимание на противнике.

Это было ошибкой. Конан не заметил раздавленной дыни, наступил на нее и поскользнулся. Он рухнул на землю, и спасла его только врожденная быстрота движений, потому что демон реагировал стремительно и тут же бросился на упавшего Конана, протягивая к нему когтистую лапу с явным намерением схватить человека за горло.

В тот же миг, как Конан упал на колени, его клинок описал дугу. Теперь он держал меч только в одной руке, потому что другой опирался о землю, стараясь восстановить равновесие. Сталь, сделанная человеком, встретила на своем пути нечеловеческую плоть и черные кости. И.» древний меч перерубил запястье демона. Адская лапа упала на землю. Поднялся дым, и слизь закапала в пыль, как навозная жижа. Пальцы отрубленной руки с силой сжались несколько раз, словно были все еще связаны с мускулами, которые ими управляли.

Демон взревел. От страшного шума в соседних домах зазвенели стекла. У Конана заложило уши, Так что он вообще перестал что-либо слышать. Пока киммериец пытался снова обрести равновесие, бушующее от ярости чудовище решило перейти в наступление. Обрубком руки оно выбило высоко поднятый меч из рук Конана. Брызнула кровь. Варвару удалось откатиться в сторону и избежать смертоносных когтей. Он вскочил и собрался уже схватить красного злыдня голыми руками. Конан ощущал зловонный запах своей близкой смерти. Он понимал, что безоружный не справится с демоном. Но он не позволит себе сдаться. Во имя Крома! Свой конец он встретит в битве, с высоко поднятой головой.

Демон приготовился нанести ему смертельный удар. Но внезапно голубой поток пламени заструился по его плечам, отчего красноватая кожа побагровела. Порождение преисподней взревело еще раз; но сверхъестественное сияние только усилилось. Несколько столбов дыма поднялись в небо от горящей кожи. Конан обернулся, ища глазами источник огня. Он увидел Витариуса. Одну руку волшебник простирал по направлению к демону, вторая покоилась на голове Элдии, которая тоже была окутана голубым сиянием.

— Нет! — возопил подпаленный демон. Сверкнула бледно-желтая вспышка света, затем темно-красная — и демон исчез так же, как и появился.

Осталась только кисть его правой руки. Она все еще дергалась и сжималась на булыжниках мостовой возле Конана, словно пытаясь схватить виновника своего увечья.

Витариус подошел к Конану и посмотрел на руку демона. Несколько секунд оба безмолвствовали. Наконец Конан прервал молчание:

— Мне кажется, ваше заявление насчет того, что вы слабенький чародей, дало трещину, Витариус. Ни одно «примитивное» заклинание не вызвало бы сюда такую дрянь, и ни одна «галлюцинация» на такие подвиги не способна.

— Это так, — ответил старик. Он выглядел усталым. — Я должен вам кое-что объяснить. Вы этого стоите, Конан. Если бы вас здесь сейчас не оказалось, Элдия уже попала бы в лапы прислужников Совартуса. Последствия этого непредсказуемы.

— Я жду. Рассказывайте вашу историю.

— Конечно, конечно. Как вы уже предполагали, Элдия и я — не совсем то, за кого себя выдаем. Я…

Старик прервал себя на полуслове и обернулся через плечо. Если не считать его самого и Конана, улица была совершенно пуста.

— Элдия! Она исчезла!

Конан озирался в поисках девочки, но ее нигде не было видно.

— Но демон… — начал он.

— Нет! Он удрал один! Мы должны найти ее, Конан! Если ее доставят Совартусу, то ее судьба и судьба многих будет предрешена. Я даю вам слово, что все вам объясню; но сначала нам нужно отыскать девочку. Вы должны доверять мне.

Недолго раздумывая, Конан кивнул. У него почти не было оснований верить Витариусу, потому что старик его уже один раз обманул; но Конан был человеком действия и полагался больше на инстинкт, чем на рассудок. Ни Витариус, ни Элдия не излучали зла, а демон, без сомнения, убил бы его, если бы они не пришли к нему на помощь. Конан подобрал свой меч и указал на улицу:

— Я пойду в ту сторону. Вы в другую. Витариус кивнул, и Конан побежал прочь. Бросив взгляд через плечо, он заметил, как старик быстро схватил руку демона и спрятал ее в свою торбу.

Будуар Дювулы неожиданно наполнился желтым и пурпурно-красным дымом. Посреди этого безобразия возник Дивул, сжимающий обрубок правой руки пальцами левой. Дверь будуара распахнулась, и в комнату ворвалась ведьма, чтобы выяснить причину неожиданного посягательства на ее святая святых.

— Братец-демон! Что случилось?

Дивул начал ругаться. Редкостное богатство выражений, бытующих в преисподней, полилось с его губ. Даже неодушевленная темная фигура, лежавшая на постели ведьмы, заворочалась под мощью этих проклятий. Затем раненый демон прохрипел:

— Рука! Моя рука!

Дювула, казалось, немного успокоилась.

— Но, братишка, почему это так тебя заботит? Новенькая лапка вырастет на месте старенькой и займет ее место-

— Идиотка! Я не о руке — о том, как я ее потерял! Началось с того, что я попался в плен к Совартусу, волшебнику Черного Квадрата…

Дювула задохнулась от удивления.

— Ага, ты его знаешь, — сказал Дивул и мрачно посмотрел на сестру.

— Разумеется. Очень мощный мужчина.

— Поскольку я в его власти, мне это известно и без тебя, ты, плоть моего проклятого папаши. Я пострадал при попытке выполнить его приказ. То, что я ищу, охраняется человеком сверхъестественной силы. Вместо того, чтобы расстаться со своей подзащитной, он украл мою руку!

— Как мне помочь тебе, милый братец?

— Я должен вернуться назад и доложить Совартусу о возникших трудностях. Его все это не обрадует. Мне бы очень не помешало, если бы я мог ему сказать, что нашел выход из этой ситуации. Может быть, даже составил новый план, как добыть то, что ему требуется.

— Нас связывают узы крови, — заявила Дювула. — Конечно, я буду помогать тебе изо всех сил.

— Ладно. Так вот, Совартусу понадобилась маленькая девчонка, известная под именем Элдия, — одна из Четверых, ты это поймешь, если увидишь ее. Остальных Троих он уже заполучил. Эта Элдия странствует в обществе одного Белого Мага, возможно, он принадлежит к Белому Кругу, но я не уверен. И кроме того, с ними шляется какой-то гигант, происхождение которого мне не известно. Это ему я обязан… — Дивул выразительно покачал обрубком руки. Рана уже затянулась и была покрыта гладкой, похожей на полированный обсидиан, черной кожей.

Дювула кивнула. Выводы из рассказа ее брата-демона были таковы. Если Совартусу удастся получить власть над всеми четырьмя детьми, в которых скрываются силы Четырех Дорог, это сделает его самой могущественной магической фигурой на земле. Если Дювула продаст Совартусу недостающий элемент — девочку Элдию — то, возможно, от его великой власти что-нибудь перепадет я ей, Дювуле. А человек, который отрубил руку ее брату, вполне годится в участники ее собственного чародейства. Она поглядела на безмолвную фигуру Принца.

Одно мгновение Дювула еще поразмыслила надо всем услышанным. Потом улыбнулась Дювуле.

— Я помогу тебе изловить этого ребенка, — сказала она. — Скажи мне, где ты их оставил?

Логанаро скорчился под обрушившейся планкой зеленной лавки, наблюдая за тем, как варвар бежит по пустынной улице. Посредник явился как раз вовремя, чтобы застать финал выступления Витариуса. Больше, чем когда-либо, Логанаро был убежден в том, что Конан — настоящий мужчина, способный вдохнуть жизнь в идеального возлюбленного Дювулы. Несомненно, ей придется немало заплатить за этого варвара из Киммерии, если сенатор Лемпариус сумеет его изловить. Однако поймать такого ох как непросто! Это может дорого обойтись, подумал Логанаро. И так мало монет осядет потом в его кошельке!

Варвар бежал слишком быстро, чтобы следовать за ним. К тому же, здесь не было

укрытия, так что один взгляд через плечо — и слежка будет обнаружена. Логанаро решил сесть на хвост старому волшебнику. Он был уверен, что рано или поздно Конан вернется к старику.

Стук сапог Конана раздавался по грубой булыжной мостовой. По мере того как приближался вечер, темнело, и сумрак окутывал дома своим покрывалом. Острые синие глаза варвара быстро ощупывали на бегу все боковые переулки и мгновенно схватывали любую тень. Элдии видно не было.

Он побежал по узкому проулку, где начиналась уже городская свалка. Торопливый взгляд — и Конан остановился. Он внимательно осмотрел задний двор. В этой темной дыре ничего не шевелилось — в этом он был уверен. Там высилась гора отбросов: тряпки, обрывки шкур животных, разбитые глиняные горшки.» поленница дров. Этот двор был похож на десятки тех, мимо которых он прошел, и все-таки здесь было нечто такое, что насторожило его. Он улавливал какую-то мелочь, совершенно ничтожную, но в данном случаев важную. Что-то здесь было не так.

Вот! В темном углу возле поленницы светилось маленькое белое пятнышко! Конан мгновенно сообразил: человеческий глаз, в котором отражается слабый свет встающей луны. С мечом в руке он вошел во двор. ,0острие клинка он направил прямо в глаза человека, прятавшегося в темноте.

Когда варвар немного привык к мраку, он различил фигуру, скорчившуюся возле колотых дров. Фигура поднялась. В неверном лунном свете блеснула сталь.

— Остановись! — прокричал детский голос. — Это Конан, это друг! Элдия!

Теперь Конан отчетливо видел женщину, которая прикрывала собой Элдию. Женщина держала кинжал с «пламенеющим» клинком.

— Элдия, выйди на свет! — крикнул Конан.

— Нет, — отозвалась женщина. Ее голос звучал так, словно мед растекался по стали, — мягко и непреклонно, Конан замер. Он понимал, что опасность ему не грозит. Меч он сунул в ножны и вытянул руки, показывая, что они пусты.

Женщина шагнула вперед. Таинственный лунный свет делал ее прекрасной. Конан прикинул ее возраст — не больше восемнадцати. Волосы цвета воронова крыла окутывали ее до пояса. На ней была шелковая блуза и тонкие кожаные брюки. Ноги женщины были обуты в ременные сандалии изящной выделки. Но куда изящней было ее тело — стройные ноги, тяжелая грудь под тонким голубым шелком. Безукоризненные черты ее лица вдруг показались Конану знакомыми. Он был уверен, что если бы хоть раз прежде встретил такую красоту, то не смог бы забыть ее. И все же он знал это лицо. В этом не может быть сомнений…

Элдия выступила на свет, так что он увидел и ее, Теперь киммериец понял, где он видел эту красавицу с волосами, как крылья ворона: это была Элдия в образе зрелой цветущей женщины. Но она слишком молода, чтобы быть матерью Элдии, значит, она…

— Ты ее сестра. — Конан высказал свою мысль вслух, как только она пришла ему на ум. i

— Правильно, — ответила юная женщина. — Я пришла, чтобы забрать мою девочку у негодяев, которые украли ее из отчего дома.

Конан пожал плечами и безмолвно повеселился, глядя на эту серьезную юную красавицу.

— Лично я никаких детей не крал, — заявил он. — Мне показалось, что Элдия

путешествует вместе с Витариусом вполне добровольно.

Женщина бросила взгляд на выход со двора, затем снова перевела его на Конана и подняла свой кинжал немного выше. Конан увидел, как побелели ее пальцы, когда она стиснула рукоятку.

— Она кричала, когда ее волокли в темноту. Мой отец был убит, и мать мою постигла та же участь. Но прежде чем умереть, мать открыла мне, что Элдия — другая, что у нее есть братья и одна сестра, мои сводные братья и моя сводная сестра, о которых она нам никогда не рассказывала. Она взяла с меня клятву, что я при любых обстоятельствах найду Элдию и спрячу от тех, кто хочет использовать ее в своих грязных целях.

Конан поглядывал на Элдию, которая искренне сочувствовала тому, что говорила ее сестра.

— Витариус — он тоже из этих мерзавцев? Элдия покачала головой:

— Нет, но…

— Довольно, хватит, Элдия, — прервала ее сестра. — Ты не обязана ничего объяснять этому… этому варвару.

— Но кто-нибудь должен разъяснить все и мне, — спокойно сказал Конан.

— Я сыт по горло. Меня выставляют дурачком в игре, которую затеяли вы с Витариусом. Сейчас мы пойдем к этому простому «фокуснику», и пусть он расскажет нам всю историю полностью, с деталями и подробностями.

— Нет! — сказала женщина. — Мы идем домой.

— Сначала я получу удовлетворительное объяснение тому, что на меня среди бела дня нападает какой-то гнусный демон, — заявил Конан. В нем закипала злость.

— Нет, — повторила сестра Элдии и направила клинок в сторону Конана.

— Исчезни, или я проткну тебя насквозь и брошу твой труп крысам.

Конан безмолвно подскочил к женщине. Он схватил ее за запястье прежде, чем она успела приступить к исполнению своей угрозы, и так сильно дернул ее «руку вниз, что женщина с криком боли выронила кинжал.

Внезапно двор словно ожил. Маленькие существа зашмыгали по отбросам и поленьям. Стало отчетливо слышно шуршание сотен крошечных ножек. Конан увидел, что земля и стены зашевелились, словно по ним прокатывались волны.

— Кром!

Он выпустил женщину и сделал шаг назад. Быстро и ловко вытащил он меч. Но врага не увидел. Что-то коснулось его сапога. Горящими глазами он уставился на то, что было внизу.

Саламандра. Животное размером со средний палец его руки решительно карабкалось по его сапогу. Конану верилось во все это с трудом. Обычно ящерки, завидев человека, тут же удирали прочь, однако, судя по шороху, их в этом заднем дворе было около сотни. Как они здесь оказались?

— Остановитесь! — промолвила Элдия. В то же мгновение шуршание маленьких лапок стихло. Саламандра застыла на сапоге Конана, словно превратившись в каменную статуэтку. Элдия посмотрела на свою сестру.

— Конан дважды спасал мою жизнь, — сказала она.

— А Витариус — он тоже хотел мне помочь. Мы должны дать ему возможность получить все объяснения. — Она кивнула Конану. — Да и тебе, сестра, нужно послушать то, что скажет Витариус, прежде чем мы вернемся домой. Если бы демон не нагнал на меня столько страху, я попросила бы тебя остаться.

Элдия сделала знак саламандре, сидевшей на сапоге Конана: — Прочь!

Ящерка послушно сползла вниз и исчезла. В ночном воздухе был слышен шорох — саламандры уходили. Затем снова воцарилась тишина.

Конан уставился на Элдию.

— Ну что, идем? — спросила она спокойно. Сестра девочки и киммериец переглянулись и кивнули. Но Конану все это ие понравилось. Решительно не понравилось.

— Чурбан! — орал Совартус. — Дубина! Головешка! Дать обыкновенному человеку себя изувечить!

Дивул стоял, вытянувшись, в центре пентаграммы и внимал волшебнику,

— О нет, чародей из рода человеков, это был не обыкновенный человек! За тысячу лет я сотни раз бился с людьми не на жизнь, а на смерть. Их кости давно истлели в гробницах, рассеянных по белому свету. Никогда еще я не бывал побежден в такой битве. Но этот совсем другой, чем остальные. Да и кроме того, его поддерживали магические силы, иначе я одолел бы его, невзирая на всю его мощь и ловкость. Мы столкнулись с кем-то из Белых, Совартус.

— Витариус! — Голос Совартуса был полон жгучей ненависти.

— Я не знаю его имени, но он направил на меня силы Огня, а этого я не вынес.

— Будь ты проклят!

— Поздно браниться, волшебник! Но не все еще потеряно. У меня есть сестра, ведьма в облике женщины, которая имеет в городе немалое влияние — в том городе, где скрывается наша дичь. Вы получите этого ребенка. А я— человека, который поступил со мной вот так.

Дивул поднял правую руку и посмотрел на обрубок, из которого уже начала расти новая кисть.

Из недр замка Слотт донесся крик, предвещающий нечто ужасное…

Глава шестая

Вокруг четверых посетителей, занявших столик возле камина в харчевне «Молоко волчицы», мгновенно образовалась пустота. Конан подозревал, что многие из тех, кто глазел по сторонам, тщательно избегая встречаться взглядом с ним и его спутниками, побывали на выступлении Витариуса. Их нервозность не раздражала киммерийца. Он и сам чувствовал себя не вполне уютно в обществе людей, занимающихся чародейством. Злые искры в глазах Конана вспыхивали уже реже, **во** отнюдь не исчезли, когда он принялся слушать рассказ Витариуса.

— …Элдия — одна из Четырех. Их мать — она твоя мать тоже, — Витариус указал носом на молодую женщину, сидевшую напротив Конана, — была заколдована одним могущественным чародеем, когда она понесла от него.

— Ты хочешь сказать, что у меня был другой отец, не тот, кого я знала всю мою жизнь?

Элдия смотрела на волшебника острее и жестче, чем этого можно было ждать от девочки ее лет.

— Да. Твоей матери было позволено оставить себе только одно дитя из четырех. Вашего отца звали Огистум из Серого Круга. Остальных детей он забрал, чтобы поместить их в разных концах света,

— Зачем? — Конан, Элдия и молодая женщина — она называла себя Кинна

— спросили в один голос. Витариус вздохнул и потряс головой.

— Это очень трудно понять. Огистум открыл одно древнее волшебство. Он нашел руны, происхождение которых теряется в сером начале времен. Ему удалось расшифровать эти знаки, и с их помощью он постиг, как соединить живые души с четырьмя первоэлементами. Огистум был вовсе не плохой человек, только очень любопытный. Поскольку он принадлежал к числу Серых, он мог использовать свою магию как в добрых, так и в злых целях. Обычно он практиковал именно Белую Магию. Волшебство, связывающее человека со стихией, нельзя считать ни злым, ни добрым. Это зависит от того, как им воспользоваться. Огистум не имел намерения подчинить себе стихии. Он просто хотел посмотреть, в состоянии ли он совершить такое чудо.

— Откуда вы все знаете? — Голос Кинны звучал столь же сладко, как в ту минуту, когда она вышла из темноты навстречу Конану.

Старик помедлил мгновение и смочил губы вином, которое стояло перед ним на столе.

— Огистум имел двух учеников, — продолжал он. — Один из них был его родным сыном, второй имел довольно сносные дарования в области чародейства, но происходил из низшей касты. — Витариус обвел глазами своих слушателей одного за другим. — Учеником из низшей касты был я.

Конан кивнул. Эта подробность биографии Витариуса его не очень удивила. В частности, здесь крылась разгадка победы старика над демоном.

Волшебник продолжал:

— Поскольку жена его умерла, Огистум нашел молодую женщину из числа своих домашних, дочь своего старого последователя. На ней он и испробовал древнее чародейство, когда она легла в его постель.

— Какой… позор! — пробормотала Кинна.

— Я допускаю, что это можно воспринимать и так, — сказал Витариус. — По

истечении положенного срока родилось четверо детей. Все они были наделены особой силой.

— Мне трудно во все это поверить, — прервала его Кинна.

Старик посмотрел на молодую женщину из-под полуопущенных век, как старая мудрая сова.

— А, в самом деле? Разве во время вашей жизни с сестрой вам не бросались в глаза некоторые ее… особенности? Скажите, мерз ли кто-нибудь, если она рядом? Разве постель Элдии, даже в самые лютые зимние ночи, не остается теплой? Ну и кроме того, конечно, саламандры…

При последнем слове глаза Конана опять запылали. Ясное дело, девочка каким-то образом общается с этими созданиями. Конан поглядел на Кинну. Она кивнула, хотя все в ней сопротивлялось и не хотело верить.

— Элдия — одна из вершин Квадрата, — продолжал Витариус, — она — дитя Огня, Ткущая Пламя, повелительница огненных духов — саламандр. Ее сестра Атэна — дочь Воды, которой подчиняются ундины. Ее братья — Люфт, сын воздуха, властелин ветра, и Йорд, отпрыск Земли, повелитель вервольфов и троллей. Я ничего не хочу оценивать, я просто говорю то, что есть.

Что-то зашевелилось, заскребло на душе у Конана, как мышь. Что-то, о чем Витариус вскользь упомянул. Наконец он вспомнил.

— Вы говорили еще о втором ученике Огистума — том, который приходился ему родным сыном. Где он? Что с ним случилось?

Витариус кивнул, как будто ждал этого вопрос.

— С ним вы уже познакомились, правда, только косвенно. Он украл вашу лошадь.

— Совартус?

— Да. Он отравил своего отца и все эти годы провел в поисках детей, которых Огистум так заботливо спрятал. Совартус хочет владеть ими безраздельно. И теперь все они у него — все, за исключением Элдии.

— Огистум был неосторожен, как мне кажется, — высказался Конан и повертел в руке кувшин с вином. — Он мертв, и сын его почти достиг своей цели.

— Верно. Лишь Элдию мне удалось вырвать из рук его лазутчиков прежде, чем они успели передать ее чародею. В других случаях я приходил слишком поздно. С помощью тех троих он может оказывать влияние на три вершины Квадрата: Землю, Воздух и Воду. Если он сумеет заполнить Квадрат, он получит в свое распоряжение нечто более сильное, чем простая сумма его составных. Это будет настолько чудовищная власть, что даже боги могут оказаться бессильны.

Конан ерзал на лавке. Неожиданно он почувствовал себя очень неуютно. Во время разговоров о чародействе такое случалось с ним сплошь и рядом. Все эти шутки вообще не должны касаться простых людей.

Кинна склонилась над столом. Ее упругая грудь слегка коснулась тыльной стороны ладони Конана, но она не заметила этого, поглощенная разговором.

— И что вы намерены предпринять теперь, Витариус?

— Я должен защитить Элдию, помочь ей избежать когтей Совартуса. А потом мне предстоит найти способ освободить из-под его власти и остальных…

— И ты сделаешь это? — спокойно проговорила Элдия. — Ты можешь спасти моих братьев и сестру от нашего… нашего сводного брата?

Витариус покачал головой:

— Не знаю. Он принадлежит к Черным и располагает силами, которых у меня нет. Совартус применял в своей магии даже простую некромантию и призывал на помощь легионы мертвецов. И кроме того, он владычествует над тремя вершинами Квадрата, а у меня лишь одна. Боюсь, он сильнее меня. Я только могу попытаться. Большего я сделать не в состоянии — но и меньшего тоже.

Кинна откинулась назад.

— Хорошо! Я буду помогать вам, как сумею. Пока живет Совартус, Элдия в опасности. Мы должны уничтожить его. — Она посмотрела на Конана. — Что это с вами?

Киммериец скрестил на груди свои сильные руки и разглядывал молодую женщину. Она была чудо как хороша, но даже ее красота не могла заставить его сунуть голову в петлю магии и чародейства.

— Лично я иду в Немедию, — сказал он. — Здесь я задержусь ненадолго, только для того, чтобы заработать на более приятное путешествие. А меня обманули. Я не хочу работать на лгунов, особенно на таких, которые подставляют мою голову под удар, даже не предупредив заранее. И еще меньше мне нравятся те, кто балуется с чародейством. Я желаю вам успеха, но с этой минуты наши дороги расходятся.

Кинна сверкала на Конана глазами, но Элдия, как и Витариус, кивнула согласно. Волшебник сказал:

— Я не могу ни в чем вас упрекнуть, Конан. Вы были очень отважны, а мы отблагодарили вас неискренностью. Мы очень признательны вам за помощь и желаем вам всего доброго в вашем путешествии.

Конан хотел было встать. Витариус остановил его:

— Задержитесь еще на минутку! Мы вам кое-что задолжали. Здесь серебро за сегодняшний день и сверх того еще немного монет, которые вы тоже честно заработали. И поскольку на эту ночь я снял две комнаты, одна из них в вашем распоряжении.

Конан сунул деньги в кошель.

— Хорошо, посплю сегодня в комнате. Уж это-то я заслужил.

Молодой киммериец встал и пошел по коридору к лестнице, которая вела в верхние комнаты харчевни. Позади был длинный день, и он устал.

Помещение было немногим лучше того, в котором Конан ночевал в прошлый раз, но и здесь вся мебель состояла из мешка с сеном, разложенного на потертом коврике. Оконные ставни открывались изнутри, так что жильцы могли любоваться с третьего этажа городским пейзажем. В углу коптил огарок свечи, посылая к потолку столбики дыма. По крайней мере, крысы в постели не гнездились, как установил Конан. Он придавил фитиль, потом растянулся на соломенном ложе, пристроив рядом меч. Сон окутал его, как покрывало.

Прошло всего два часа, и Конан внезапно проснулся. Блестящие синие глаза варвара обвели темное помещение, но ничего не было видно. Чернота оказалась непроницаемой даже для острых глаз киммерийца. Он затаил дыхание, чтобы лучше слышать, однако уловил только шум ветра, пролетавшего за ставнями, и скрип старого ветшающего дома. Удары сердца гремели у него в ушах. Никакой явной опасности не наблюдалось, но Конан слишком доверял своему инстинкту, чтобы пренебречь этим неожиданным пробуждением. Он схватился за меч. Когда он ощутил под ладонью обмотанную ремнями рукоять, то почувствовал себя лучше.

Наверное, это все-таки был просто ветер, подумал он, снова укладываясь на тюфяк.

Долгое время ничего не шевелилось в старом доме, и Конан опять уснул, крепко сжав пальцы на рукояти меча.

В замке Слотт было темно, и лишь в одном зале рассеянным желтоватым светом светила лампа. Ее сумрачные лучи падали на Совартуса. Узкие пальцы чародея жестоко сдавили плечо одного из троих детей, прикованных цепью к сырой стене. Фигуры чародея и его пленника были охвачены слабым сиянием. Через некоторое время сияние стало ярче, и наконец хлынул поток света. Нестерпимая вспышка резанула глаза. Когда Совартус почувствовал, как энергия мальчика перетекает к нему, он громко рассмеялся. Вот так-то!

Скрываясь в темноте, у стен харчевни «Молоко волчицы» стояла ведьма Дювула. Ветер развевал ее черное шелковое покрывало. Она знала совершенно точно, что нужная ей девочка находится там, внутри, вместе со своим защитником Белого Квадрата. Чтобы выяснить это, ей всего-навсего потребовалось пустить в ход деньги. Пара вовремя врученных серебряных монет способна сотворить среди людей чудо не хуже любого заклинания. Кроме девочки Дювула искала и того варвара, который изувечил ее брата-демона. Такой человек наверняка должен обладать горячим темпераментом и сильным, отважным сердцем.

Касалось дыхание ветра и приземистой фигуры Логанаро, который прятался позади отхожего места, выстроенного поблизости от той харчевни, где мирно спал Конан — киммериец. Он с нетерпением поджидал шестерых отъявленных головорезов, которых нанял, заплатив им золотом из богатой казны Лемпариуса. Шестерых будет довольно для того, чтобы одолеть молодого великана. А если несколько убийц при этом погибнут — плевать. Таково было мнение Лемпариуса, высказанное в ответ на доклад Логанаро о том, что Конан хочет расстаться со стариком, девочкой и какой-то неизвестно откуда взявшейся женщиной. Все было подготовлено в страшной спешке. Логанаро предпочел бы иметь побольше времени для того, чтобы подобрать себе команду, но ему пришлось довольствоваться тем, что имелось. Куда больше беспокойства причиняла ему мысль о гневе Дювулы, который обрушится на несчастного посредника, когда ведьма узнает, что он перебежал на другую сторону. То, что при этом у него не было выбора, никакой роли не играло. Этот жуткий страх лежал у него на душе тяжким грузом, и он прикидывал: где же может находиться Дювула в настоящий момент? И где, черт побери, эти проклятые головорезы шляются?

По темным улицам, беспорядочно застроенным домами, избегая света луны или чьей-либо свечи, скользила бледная тень. Собаки испуганно скулили, когда она проходила мимо. Быть может, их пугал запах существа, которое было слишком велико для домашней кошки — хотя оно, несомненно, принадлежало к породе кошачьих. В мыслях пантеры-оборотня звучал смешок, однако то, что срывалось с клыкастой пасти, ничуть не походило на обыкновенный смех. Собаки Морнстадиноса замолкали, слыша этот голос, словно боясь привлечь к себе внимание каким-либо звуком.

Но собакам-то как раз бояться было нечего. Хищник-оборотень интересовался совершенно иным — что ему какие-то псы! Он получал наслаждение от дичи двуногой. А этого добра в городе полным-полно. Шестеро уже прошли в темноте мимо гигантской кошки, даже не заметив ее присутствия. Пантера пропустила их, потому что за лбом зверя таился ум человека, и этот ум отметил, что шестеро идут по делу, в котором заинтересован сам Лемпариус. И успех этого дела доставит ему радость совсем иного толка, чем еда.

Обычно крепкий сон Конана был в эту ночь беспокойным. Он метался по соломенному тюфяку, ворочался с боку на бок. Потом он опять проснулся, но, как и в первый раз, не мог найти ничего, что могло бы показаться ему тревожным. Приснилось что-то, подумал он.

Когда он второй раз за эту ночь заснул, в ушах у него гудел шум ветра. Судя по всему, поднималась буря.

Глава седьмая

На улицах Морнстадиноса завывал ветер, и негде было укрыться от него. Смерчи подхватывали мусор и легкие предметы и крутили их в воздухе. Тяжелые капли дождя барабанили по черепицам крыш, и неосмотрительные пешеходы мгновенно промокали до нитки. Вспышки, яркие, как день, разрывали ночную тьму. Гром гремел, словно приглушенный голос разгневанного бога. Буря, которая не потрудилась заявить о своем приближении ломотой в костях предсказателей погоды, распахнула над городом небесные шлюзы и бушевала с тропическим размахом, что для этой местности было довольно редким явлением.

— Проклятье Митры на этот ливень! — сказал один из висельников, который прятался под выступом кровли дома, расположенного напротив харчевни «Молоко волчицы».

Двое или трое из той же милой компании с жаром поддержали его мысль. Логанаро яростным взглядом заставил их замолчать.

— Вы что, ребята, — пироги с изюмом, чтобы бояться какого-то там дождика? — спросил он.

— Нет, — ответил предводитель шестерых, — но нынче скверная погода, господин, неподходящая для добывания денег. Даже крысы — и те сегодня не высовываются.

— Вот уж о крысах вам можно не беспокоиться, — проворчал Логанаро недовольным тоном. — Вам платят не за охрану этих очаровательных домашних животных, а за то, чтоб вы доставили мне человека, спящего вон там. — Логанаро показал на харчевню.

Головорез кивнул. Он носил кожаную повязку через глаз, а темные волосы свидетельствовали о заморанском происхождении бывалого авантюриста.

— Ясно, — произнес одноглазый. — Но мои товарищи и я — мы хотим перекинуться с вами еще парой словечек о нашем заработке.

Человек с повязкой говорил с сильным акцентом и уснащал свою речь обрывками международного воровского жаргона.

Логанаро уставился на него.

— Поговорить? Зачем?

— Да мы тут слыхали, что этот парень, которого мы должны повязать, подрался, оказывается, с красным монстром на пьянке у винодела.

— Ну так и что? Вы вшестером уже наложили в штаны, испугавшись одного человека?

— Не-е… Не испугались мы. Но уважаем. Он, должно быть, быстрый, как дьявол, и сильный, как медведь. Если это так, то мы с корешами так решили, что повязать его будет трудновата. Такое дельце должно и оплачиваться получше.

Логанаро поджал губы

— Ну и насколько «получше»? Одноглазый осклабился, показав плохие желтые зубы.

— Ну, одна золотая кругляшка на рыло — это было бы как раз не кисло.

— Вот уж нет! Мы договаривались о двенадцати серебряных за это дело.

— Это когда было… Теперь нам бы по восемнадцать.

— Исключено. Может быть, добавлю еще по паре монет на нос — и все.

Одноглазый пожал плечами:

— Дождь, однако, холодный. Пойдем, ребята, поищем, где посуше. — И отвернулся.

— Две дополнительные монеты, — в бешенстве произнес Логанаро.

— Пять. — Бандит опять повернулся к Логанаро. Логанаро подумал о человеке, которого видел убитым в подземельях сената, и глотнул. Сильные порывы ветра леденили ему спину, холодный дождь стекал за воротник. Торговаться ли ему еще с этими люмпенами? Мысль о том, чтобы потерять еще часть своих денег, была ему невыносима. Но все золото Коринфии будет ему без надобности, если он умрет и не сможет им воспользоваться. Он глубоко вздохнул.

— Ладно, пять монет сверху. После поимки варвара.

Одноглазый снова показал гнилые зубы.

— Тип-топ, папаша.

На какой-то миг ярость бури улеглась. Логанаро махнул рукой в сторону харчевни:

— Вперед! Давайте!

Шесть человек помчались к харчевне, разбрызгивая лужи, которые к тому времени уже превратились в небольшие озера.

Пантера зарычала, но голос ее утонул в грохоте грома. Мех зверя слипся от дождя. Хищник чувствовал себя не слишком хорошо. В такую погоду его добыча отсиживается за крепкими стенами, надежно укрывшись от охотничьих набегов. Но и тех, кто не добрался до дома, нелегко выследить, потому что потоки воды уносили запахи следов. Бродить под штормовым ливнем было занятием, не способствующим ни чистоте меха, ни хорошему настроению.

Пантера прекратила охоту и помчалась к одному из многих укромных мест, заранее подготовленных для ночных вылазок Лемпариуса. Собственно, это была всего лишь хижина, где он прятал одежду, подходящую для сенатора — инкогнито.

Под прикрытием этой хижины странно тянулись и сокращались суставы и части тела пантеры, и постепенно хищник превращался в существо, на которое несколькими минутами раньше охотился, считая его своей законной добычей.

Гроз Конан не боялся, но проснувшись в очередной раз, он немедленно схватился за свой меч, потому что кроме бури, бушевавшей за стенами харчевни, услышал шорох в коридоре. Кто-то наступил на скрипучую доску.

Гибким движением варвар вскочил с тюфяка, откинул щеколду и рванул дверь. Один прыжок — и он стоит в коридоре с мечом в руке.

Перед ним вырисовывалась фигура, завернутая в тонкое одеяло. Кинна.

Конан опустил меч и воззрился на юную женщину. Одеяло закутывало ее почти целиком, оставляя открытыми только длинные ноги. Красивые ноги — насколько Конан разбирался в таких вещах. Сильные — что тоже весьма эффектно.

Кинна уловила его интерес и попыталась прикрыть одеялом ноги тоже. Но при этом открылась верхняя часть тела. Прежде чем она успела снова натянуть одеяло, перед глазами киммерийца мелькнула ее полная грудь.

Конан ухмыльнулся.

— Что ты потеряла в этом месте и в такое время?

— Я… я слышала что-то под моим окном. Какой-то странный шум.

— Мы находимся на высоте третьего этажа, — сказал Конан. — В высшей степени невероятно, чтоб кто-то шлялся возле твоего окна, Кинна. Это ветер.

Кинна кивнула. Мягкой волной упали ее черные волосы.

— И я так решила. Но не смогла заснуть. Вот и пришла сюда, чтобы…

Она остановилась и .смущенно посмотрела себе под ноги.

— Чтобы — что? — с любопытством спросил Конан.

Кинна бросила взгляд на коридор, в сторону своей спальни, покраснела, но ничего не ответила.

Конан проследил ее взгляд и понял. Ну да, женщины! Как это можно находить вот такие ночные визиты чем-то постыдным — этого он никогда не понимал. У всех в равной степени могут возникать естественные потребности — зачем же от этого шарахаться?

Молчание затягивалось и становилось мучительным. Конан не испытывал ни малейшего желания вступать в переговоры. Окончательно пробудившись ото сна, он разглядывал молодую женщину.

— Этот шум — он обеспокоил также твою сестру и Витариуса?

— Нет. Элдия спит сном невинности и так глубоко, словно готовится уснуть навеки. , — Поскольку я уже проснулся, осмотрю-ка я на всякий случай твое окошко и поищу, что же там так странно шумит.

Конан заметил в ее глазах облегчение, которое быстро сменилось довольно-таки откровенным ехидством.

— О, нет! Вы не должны брать на себя столь тяжкий труд. Я ни в коем случае не хочу быть помехой вашему путешествию в Немедию, — сказала она колко.

Конан пожал плечами.

— Как хочешь.

И сделал шаг к своей комнате.

— Подождите! — Кинна коснулась его плеча. Рука у нее была теплая. — Простите меня! Я так грубо разговаривала с вами, а ведь вы этого совсем не заслужили. Элдия рассказала мне, как вы сегодня спасли ее от грабителей, да и я сама видела, как вы встали между ней и демоном. Я не должна была злиться на вас за то, что вы не хотите больше рисковать своей жизнью ради нас, а предпочитаете идти своей дорогой.

Конан задумчиво смотрел на нее. Женщина, получившая хорошее воспитание. Рука ее все еще лежит на его плече, словно она позабыла ее там.

— И мне будет ужасно приятно, если вы все-таки осмотрите мое окно. — Она улыбнулась ему. — А потом, может быть, исследуем ставни и в вашей комнате.

В первый момент до Конана не все дошло. Он чуть было не брякнул, что в его комнате со ставнями все в порядке. Но потом увидел улыбку Кинны и улыбнулся ей в ответ.

— С удовольствием, — сказал он.

Легким шагом Конан проскользнул мимо спящих Элдии и Витариуса. Кинна светила ему сальной свечкой. Он потрогал засов на ставнях. Все было на месте. **Он** уже предвкушал поход в свою комнату вместе с Кинной.

— Держи ладонь перед пламенем, — шепнул он ей. Затем отодвинул засов, раскрыл ставни и посмотрел вниз, в дождливую ночь.

За короткий миг одна за другой сверкнули две молнии, так что варвар отчетливо увидел стены и низкие крыши домов. Насколько он мог разглядеть, на улицах все было спокойно, не считая, конечно, бури.

Он уже хотел прикрыть деревянные ставни, когда по стене харчевни что-то с силой забарабанило, словно целая толпа мальчишек швырнула пригоршни гальки. Острые осколки льда попали по рукам Конана. Он тихо выругался.

Кинна удивленно спросила:

— Что такое?

— Град!

Стук стал громче. Внезапный ледяной порыв ветра вырвал ставни из рук киммерийца.

— Глаза Бэла!

Конан высунулся наружу, чтобы схватить болтающийся ставень. Град избивал его немилосердно. Ему уже удалось вцепиться в один ставень, и он почти поймал второй, когда буря стала затихать и град прекратился. Только сильный дождь поливал улицы города. Тогда он услышал странный звук, отчетливо различимый в относительной тишине, наступившей после града. Сначала он принял его за отдаленный гром, но шум был слишком ровным и слишком долгим.

Кинна подошла к окну и встала рядом с Конаном.

— Что там случилось? Конан покачал головой.

— Не знаю, — пробормотал он. Вспыхнула молния, и они увидели страшную картину: по городу мчался смерч, разрушая все, что попадалось ему на пути. Неистовый водоворот, казалось, надвигается прямо на харчевню.

В комнате зашевелились. Голос Витариуса перекрыл шум ветра и дождя:

— Что вы там увидели?

Конан молча указал ему вниз. Молнии больше не сверкали, но и без них все было хорошо видно. В глубине смерча почти непрерывно вспыхивали огни, < желтовато-голубоватый свет которых был таким жутким, что даже киммерийца передернуло. Он в жизни не встречал ничего подобного.

— Кром! — тихо вскрикнул он. — Сатанинский ветер!

Витариус выглянул в окно.

— Вы правы, этот ураган вызван к жизни не природой. Посмотрите, как ровно он движется! Ни один обычный смерч так себя не ведет. То, что мы видим, — дело рук Совартуса. Он развязал силы-Воздуха и направил их против нас. Огонь нам здесь не поможет. Нам нужно бежать, иначе смерч утащит нас с собой.

Кинна быстро разбудила Элдию, пока Витариус, бросал в свою торбу все необходимое. Конан не выпускал из глаз столб смерча, который целенаправленно приближался к харчевне.

— Нам нужен погреб или подземный ход, — сказал он.

— Только не в этом случае, — возразил Витариус, вскидывая торбу на плечо. — Смерч просто остановится над нами и вытащит нас из норы, как кротов. Наша единственная надежда заключается в том, чтобы оказаться у него за спиной. Даже если Совартус повелевает стихией Воздуха, он не может изменить направление бури в считанные минуты.

Все четверо спустились по темной лестнице в общую комнату. Света двух коптящих масляных ламп было довольно для того, чтобы Конан сразу нашел выход.

— Здесь, вдоль стены! — приказал он. В этот миг дверь распахнулась, и в харчевню вломилось полдюжины молодцов. Все они были вооружены мечами и кинжалами. У одного из негодяев была с собой, кроме того, еще веревка. Их предводитель носил повязку через глаз, однако другим глазом он видел достаточно хорошо. Неожиданно он остановился и показал на Конана:

— Вот он, ребята! Избавил вас от труда бегать по лестницам!

В сумрачном свете ламп блеснули клинки, когда шестеро убийц приблизились и окружили Конана. Киммериец не стал предаваться долгим размышлениям и даже не задался вопросом, чем же он так не угодил этим бравым парням. Он обнажил свой широкий меч и встал перед ними.

— Конан, у нас нет времени! — вмешался Витариус.

Конан зло улыбнулся, не отрывая глаз от своих противников.

— Я освобожусь так быстро, как только смогу.

Двое встали у двери, остальные окружили Конана. Варвар улыбался. Вот эта драка была ему по сердцу! Сталь и мышцы — и никакого чародейства! Он выбрал первую цель: человек с волчьим лицом, вооруженный коротким мечом. Конан не колебался ни секунды. Обеими руками он плавно занес свой двуручный меч и опустил его. Волк тоже поднял клинок, но было слишком поздно. Удар Конана открыл на горле нападавшего зияющую рану, в которой был виден позвонок, и убийца, хрипя, упал на пол.

Второй напал на Конана сзади. Он поднял свой меч так высоко, что удар его должен был разрубить варвара пополам. Конан мгновенно обернулся, и оба клинка запели, когда сталь зазвенела о сталь. Внезапно Конан ослабил руку, и враг его потерял равновесие. Киммериец скользнул вперед и вонзил острие меча ему под ребра. Потом уперся сапогом в грудь своего противника и выдернул меч из тела, после чего резко повернулся, отражая нападение одновременно двух негодяев. Конан приготовился к прыжку. Лучше было нападать самому, прежде чем они опомнятся; четверо — худшее число противников, с которым он сталкивался за все свои многочисленные драки.

Харчевня зашаталась, словно ее начала трясти гигантская рука.

— Конан! Сатанинский ветер! — закричала Кинна.

— А… Я ранен! — заорал один из тех, кто охранял дверь. Этим он привлек к себе внимание тех двоих, что хотели наброситься на Конана.

Киммериец тоже взглянул в сторону выхода. Это Элдия нанесла убийце удар своим коротким мечом. От ловкости маленькой фехтовальщицы захватывало дыхание. Негодяй отчаянно защищался длинным кинжалом. На глазах у Конана девочка снова атаковала и нанесла своему противнику еще одну резаную рану.

— Проклятая девчонка! — взревел тот, шарахаясь к двери и налетая на своего товарища. Витариус пытался пустить в ход какое-нибудь заклинание. Он бормотал себе под нос и размахивал руками, но без особого успеха. Во всяком случае, никакой пользы от этого киммериец пока что не видел.

Он снова повернулся к тем двоим и двинулся на них с твердым намерением отметить их тела своей острой как бритва сталью.

Один из разбойников был толстоват и потому медлителен. Толстяк закряхтел, пытаясь всадить свой меч Конану в бок.

И снова харчевня затряслась. С шумом ветра и грохотом боя смешались голоса, донесшиеся с верхних этажей. С криком радости Конан набросился на человека с повязкой через один глаз.

Логанаро стоял как вкопанный и смотрел на приближающуюся гибель. Никогда, ни в одном из своих многочисленных путешествий он не видел подобной бури. Ему было совершенно ясно, что она не может иметь обыкновенного происхождения. Но кто наслал этот чудовищный смерч и зачем? Эти вопросы теснились у него в голове, однако они быстро испарились под влиянием страха. С небес посыпались нечистоты, град жестко избивал маленького жулика. Его банда убийц сама во всем разберется — если выживет. Не так варвар важен теперь, как какое-нибудь укрытие, потому что очень хочется пожить еще немного. Логанаро помчался прочь от вихря так быстро, как только мог. О том, что рассказать Лемпариусу, он подумает позже.

Дивула была уже почти дома, когда увидела вызванный чародейством смерч, который мчался по лабиринту улиц Морнстандиноса, как кошка, бегущая за крысой. Ее искушенный в оккультизме глаз мгновенно уловил, чем в действительности является эта буря и кем она послана. Ведьма тотчас повернула назад и понеслась сквозь штормовой ливень, расплескивая лужи, обратно к харчевне. Если смерч, которым повелевал Совартус, захватит девчонку, Дювула утратит бесценную возможность приобщиться к мировому господству. Да и кроме того, она думала о варваре с таким храбрым сердцем. Разумеется, последний был не так важен. Логанаро нашел для нее еще одного кандидата, но она не вполне доверяла суждениям посредника. Человек, который отрубил руку демону и остался после этого в живых, должен быть чем-то выдающимся. Но главным объектом интересов Дювулы все-таки оставалась девочка.

Следом за разрушительным вихрем брел, тяжко ступая, красный великан, надежно скрытый от человеческих глаз. Краснокожий и однорукий, он что-то бормотал себе под нос. Голос его разрастался, смешиваясь с громом:

— Ошибаешься, чародей, ошибаешься, если думаешь обмануть меня, лишить меня сладкой мести! Ты не найдешь других средств для достижения своих черных целей! Только я сумею поймать этого человека!

Стены харчевни «Молоко волчицы» вздыхали и стонали, словно предчувствуя свою скорую гибель. Входную дверь рвануло наружу с такой силой, что медные крючки, заросшие толстым слоем грязи, не сумели удержать ее на месте. Вывеска сорвалась со стены и закатилась в распахнутую дверь, «Готовый к прыжку» волк, наконец прыгнул. Вывеска удачно приземлилась на стол.

Конан загнал одноглазого в угол. Тот отчаянно дрался за свою жизнь. Тем временем Элдия своим маленьким, но очень опасным мечом отогнала второго разбойника от выхода. Сестра ее стояла рядом с кинжалом в руке. Заклинания Витариуса наконец сработали, потому что неожиданно закричал толстый бандит. Одежда на нем загорелась, и через несколько мгновений он рухнул на пол.

Витариус прокричал, стараясь, чтобы его услышали сквозь оглушительный грохот смерча, который подошел уже совсем близко:

— Конан! Бежим! Немедленно!

Вместо ответа киммериец набросился на одноглазого. Тому удалось отразить удар, но при этом он оставил голову неприкрытой. Конан немедленно сжал кулак и нанес ему удар в подбородок. Хрустнули кости. Разбойник сильно ударился о стену и уже в бессознательном состоянии соскользнул на пол. Конан отвернулся.

— Теперь бежим!

Витариус оставил толстяка гореть и с воплями кататься по полу. Элдия и Кинна отступились от своих противников, которые, впрочем, не сделали ни малейшей попытки их преследовать, когда обе сестры побежали к двери. Киммериец шел впереди с окровавленным мечом в руке.

На улице буря прижала **их** с такой страшной силой, что они не смогли сделать ни шага. Только Конан стоял прямо. Но и его силы не хватило на то, чтобы протащить против ветра старика и обеих сестер.

Витариус яростно жестикулировал. Слова, которые он произносил, тонули в вихре, но Конан понял, что хотел сказать старик. Им нужно пробираться вперед, используя в качестве укрытия здания.

Словно мухи, все четверо вжались в стену. Им удалось добраться до угла. Там Конан крепко схватил за руку Кинну. Та держала свою сестру, а девочка вцепилась в костлявую руку Витариуса. Ветер трепал эту цепочку людей, как осеннюю листву, гоняя их по улице. Они бежали так быстро, что Конан то и дело спотыкался. Он вспомнил о совете Витариуса и рванулся к подветренной стороне одного из храмов. Своих трех спутников он поволок за собой. Здесь они впервые перевели дыхание.

Следующее здание было наполовину разрушено ураганом. Конан указал на него и крикнул:

— Туда!

Они собрали все свои силы и побежали дальше, укрываясь за стенами домов и заборами. Дьявольский ветер слегка поменял направление и лишь коснулся «Молока волчицы». Конан посмотрел на бушующее творение злых чар, которое все время вспыхивало призрачными огнями. Он увидел, как ветер тащит наемных убийц и как они исчезают в пасти адского смерча. Вот тот, которого он убил, а вот и толстяк. Человека с одним глазом он разглядеть не мог. Зато он разглядел другое: теперь ветер собирался преследовать их. Но страха Конан не испытывал. Он бросил буре вызов. Во имя Крома! Ни одна буря не сравнится в ловкости с уроженцем Киммерии!

Ветер разворачивался. Буря медленно захватывала тяжелые грозовые тучи. Беглецов встречали развалины и руины, но Конан не выпускал из руки руку женщины, и сапоги его ступали уверенно среди хлама, валявшегося на мостовой. Один раз Витариус оступился. Ветер был таким сильным, что струя воздуха стекала с теплого рукава Элдии, как флаг. К счастью, девочка держалась крепко, иначе ее унесло бы вихрем.

Ураган оставлял за собой опустошенные дома и разрушенные храмы. Балки ломались, как соломинки, и взлетали на воздух, словно копья, угрожая проткнуть все, что встретится им на пути. Одна из таких «стрел» пронзила толстый забор с такой легкостью, как будто она была сделана из стали. Смерч, казалось, тянул руки к своим жертвам. Все, что оказывало ему сопротивление, сдувалось, как крошки со стола. Такая сила казалась неодолимой. Но на самом деле ничто не сравнится с человеком, его силой и ловкостью. Когда Конан решил, что они убежали уже достаточно далеко, он повернулся и встал против ветра. После нескольких секунд, показавшихся Конану вечностью, ветер очутился на одной линии с ними. Еще мгновение — смерч прошел мимо.

Смерч остановился и попытался изменить направление. Затаив дыхание, Конан следил за ним. После бесконечной секунды смерч снова двинулся в путь, прочь от молодого киммерийца и его спутников.

Буря была побеждена. Неожиданно клубящиеся облака рассеялись, исчезла чернота, несущая уничтожение, и страшный призрак, сверкавший в темноте, пропал.

Глава восьмая

Конан увидел демона первым. Ветер постепенно стихал, облака расходились, из вышины погромыхивало и ворчало. Ураган прошел, и теперь лил обыкновенный дождь. Конан вел Витариуса, Элдию и Кинну по тропинке — вернее сказать, по просеке, которую смерч проложил в городской улице.

По следам урагана брел красный демон. Он заметил человека в тот же самый миг, когда человек обнаружил его присутствие. Несмотря на проливной дождь, киммериец разглядел, что лицо демона искажено от ненависти. Конан выхватил меч. Чудовище помчалось к нему.

— Витариус! — вскрикнула Элдия, указывая на приближающегося монстра.

Старый волшебник обернулся и торопливо положил руку на голову девочки. Вторую руку он простер по направлению к демону.

Тот резко затормозил и остановился шагах в двадцати.

— О, нет! — громко произнес он. — Не жги меня больше твоим огнем!

Витариус заколебался и бросил взгляд на Конана. Киммериец качнул головой.

— Не надо, — сказал он. — Я думаю, он хочет что-то сказать. Пусть говорит.

Демон выпрямился по весь свой впечатляющий рост.

— Вам я могу спокойно доверить мое имя, — заговорил он. — Ведь вы принадлежите к Белым и не сможете использовать это знание мне во вред, даже в том случае, если бы я не принадлежал бы сейчас другому чародею, а был бы свободен. Я — Дивун.

На миг Конан опустил свой меч.

— Почему нас это все должно касаться, демон?

— Я послан найти тебя, оса, но и без приказаний моего господина твоя жизнь обречена. Ты кое-что задолжал мне. — Демон поднял обрубок руки. — Ты ранил меня так, как ни один человек до сих пор. Поэтому ты должен узнать имя того, кто отправит тебя в Серые Страны. Этот путь тебе предстоит совершать долго-долго, оса, Витариус снова поднял руку, направляя ее на демона. Но Конан опять покачал головой.

— Нет, волшебник. У меня есть мой меч. Я не нуждаюсь в вашем покровительстве. Пусть он подойдет!

Конан пошире расставил ноги и крепко сжал обмотанную ремнями рукоять.

— Один раз я уже добрался до тебя, Дивун, сын преисподней. Иди сюда, я сделаю это вторично!

Конан стряхнул с ресниц каплю дождя. Дивул посмотрел на Витариуса и Элдию, потом перевел взгляд на Конана.

— Я тебе не верю, оса.

— Волшебник не будет помогать мне, — повторил Конан и немного продвинулся вперед. Под его сапогами хрустнули какие-то осколки.

Дивун засмеялся:

— Уже многие Дети Ночи были погублены тем, что поверили слову человека. Сейчас не время и здесь не место. Но мы еще увидимся, оса. — Дивун бросил взгляд горящих красных глаз на Витариуса. — И тебя я еще повстречаю, Белый.

С грохотом, который вполне мог составить конкуренцию грому, Дивул исчез.

Дождь все еще шел. Конан обернулся к Витариусу.

— По-моему, я приобрел на свою голову врага.

— Это моя вина, — сказал Витариус.

— Мне кажется, ты приобрел больше, чем одного врага, — заметила Кинна, которая все еще смотрела на то место, откуда исчез Дивул.

Киммериец покосился на нее.

— Например?

— Люди, которые напали на нас в харчевне, когда мы хотели бежать. Они приходили убить тебя. Вспомни, что сказал тот парень с повязкой через глаз, В памяти Конана всплыли слова: «Вот он, ребята! Избавил нас от труда бегать по лестнице!» Кинна права. Но— зачем им заплатили за его голову? Здесь у него не было врагов — за исключением этого Дивула, порождения преисподней. Демону он крепко насолил, что верно, то верно, однако было бы совершенной нелепостью предполагать, что демон нанял убийц. Кто же тогда послал этих людей? Эта загадка нравилась Конану все меньше и меньше.

— Может быть, нам лучше уйти с дождя? — предложил Витариус. — В сухом месте, под крышей, мы сможем обсудить наши дела лучше, чем здесь.

— Хорошо, — согласился Конан. Он все еще недоумевал.

Дювула видела, как ее брат ссорится с мужчиной, прекрасным, словно на картине. Она улыбнулась. О, да, это, несомненно, то, что она искала. Не обращая внимания на дождь, она с нежностью рассматривала варвара. Какие у него стальные мускулы! И как великолепен гнев в его сверкающих синих глазах

— вот сейчас, когда он стоит с мечом в руке против Дивула. Это сердце оживит ее Принца лучше, чем любое другое.

Дивул исчез в геенне.

Ведьма скользнула назад, под прикрытие стены. До поры до времени не нужно показываться ему на глаза. Одно мгновение Дювула боролась с собой: так удобно было бы сейчас схватить их! Девочка, воплощение стихии Огня, светилась в тумане, как маяк, — по крайней мере, так выглядело это для того, кто умеет различать подобные вещи, например, для многоопытной ведьмы. И тут же был этот варвар с таким прекрасным телом. О, как она хочет заполучить его!

Быть может, улыбнулась ведьма, прежде чем вынуть его сильное сердце, она позволит этому человеку то, что разрешала прежде и иным смертным. Кто знает? В варваре должно было сохраниться что-то дикое, первобытное. Она могла бы его даже использовать… некоторое время. Так что во всех отношениях он весьма полезен.

Дювула встряхнула головой, словно отгоняя неуместные фантазии. Сперва ей нужно подумать о девочке. Она негромко рассмеялась. Почему бы ей одним ударом не убить двух зайцев? Если действовать осторожно, то обоих — мужчину и ребенка — она поймает одновременно. Правда, это будет непросто. Белый Маг уже доказал свое могущество на ее брате, и ведьма страшилась смотреть в глаза Дивула, когда он стоял перед стариком. Нет, ей нужно быть осмотрительной и применять хитрость там, где другие применяют силу. В голове Дювулы созревал план. План, для выполнения которого она использует свои уникальные способности…

Сенатор Лемпариус уже избавился от мокрой одежды и погрузился в горячую ванну, которую держали для него в постоянной готовности. Когда он скользнул в воду, теплые потоки закрыли его с головой. Запах распаренной мяты ударил ему в ноздри.

Один из его вооруженных слуг вошел и поклонился.

— Господин мой и сенатор, страшный ураган разрушил в городе множество домов и

убил десятки горожан.

Лемпариус высунул плечи из приятной Теплой воды.

— Ну и что? Что случилось, то случилось. Почему ты мешаешь мне принимать ванну?

Бессердечие сенатора, казалось, совсем не смутило его слугу.

— Человек, принесший это известие, ждет снаружи — не найдется ли у вас минуты побеседовать с ним об одном происшествии, связанном с этой катастрофой.

— Отошли его прочь! — Лемпариус махнул рукой. Прохладный воздух ванной комнаты холодил его мокрую кожу.

— Как прикажете, господин. Но этот человек просил меня назвать вам его имя. Его зовут Логанаро.

Сенатор Лемпариус усмехнулся.

— А, это другое дело. Веди его сюда!

Когда слуга вышел, Лемпариус снова опустился в ароматизированную воду. Какая жалость, что кошки так ненавидят купание!

В покой вошел Логанаро. Он вымок до нитки и с ног до головы был заляпан грязью. На его лице отражалось смешение крысиного лукавства и страха.

Сенатор приподнялся так, чтобы вода не попадала ему в рот.

— Где ты оставил моего варвара? Ведь **ты** поймал его?

— Ваше превосходительство, возникло одно затруднение…

— Затруднение? Об этом ни слова! На службе у меня всякие «затруднения» приводят к некоторому сокращению частей тела, если ты понимаешь, о чем я говорю.

Толстяк судорожно глотнул. Вода стекла с его седых волос.

— Но… но этого нельзя было предвидеть, господин! Поднялся страшный ураган как раз в тот момент, когда мои головорезы были готовы схватить этого человека. Харчевня, где он квартировал, разрушена, сметена с лица земли. С этим ничего нельзя было поделать!

Лемпариус сел и ткнул в него острым ногтем.

— Этим ты хочешь, вероятно, сказать, что ветер унес и мою добычу.

— Н-нет, ваше превосходительство. Только… моих людей. Каким-то образом киммериец и его друзья избежали этой участи.

— И где они теперь?

— Мои сыщики напали на след. Как только они их где-нибудь увидят, они тотчас сообщат. Лемпариус снова расслабился и скользнул обратно в свою огромную ванну.

— Ну, так я не вижу никаких затруднений, кроме маленькой отсрочки. Как только варвар будет выслежен, ты его запросто схватишь, не так ли? Но позаботься о том, чтобы он как-нибудь не вырвался снова, Логанаро. В противном случае дело может дойти до упомянутого упрощения организма.

Логанаро перевел дыхание и кивнул. Его жирное лицо смертельно побледнело.

После того как посредник ушел, Лемпариус позволил себе улыбнуться. Потом он набрал побольше воздуха и опустился в воду так, что она покрыла его закрытые глаза и волосы.

Замок Слотт содрогнулся от вопля своего владельца.

— Проклятье! Пусть все погибнет! Клянусь Огнем Вечности, я сумею ее поймать!

Трое детей на железной цепи возле ледяной стены отшатнулись, как будто хотели скрыться от ярости Совартуса, вжавшись в камень.

Совартус смотрел на них с глубочайшей ненавистью, особенно на того мальчика, в котором была заключена стихия Воздуха.

— Ты посмел мне противоречить! — завопил волшебник. — Иначе ветер схватил бы проклятую девчонку и доставил бы ее мне. Этого я тебе никогда не забуду, можешь не сомневаться!

С этими словами Совартус оставил троих детей. В мыслях он уже перебирал новые способы достичь своей цели, бормоча на ходу:

— Где же, в конце концов, мой демон? Если он не в состоянии схватить девчонку, он должен, по крайней мере, следить за ней! А куда я дел мои метательные шары? Ах, черт! Чтоб Черные Души все побрали!..

Хижина служила для хранения и сушки мяса и рыбы. Она вовсе не предназначалась для того, чтобы быть убежищем человеку. Но здесь было сухо, хотя и тесновато. Конан стоял под потолочными полками, на которых коптили рыбу, и мрачно смотрел на Витариуса. Старик говорил:

— Я не знаю, кто послал наемных убийц, если они действительно были таковыми. Судя по отдельным их крикам, я предполагаю, что им было поручено не убить, а только поймать вас.

Конан тряхнул головой, отбрасывая с лица густые черные волосы.

— Звучит по-идиотски, — заявил он. — В этих краях меня никто не знает. Стало быть, и оснований ловить меня тоже нет.

— Может быть, старый враг? — спросила Кинна. Она пыталась зажечь огарок свечи. Искры, как падающие звезды, вспыхивали в темноте.

— Большинство моих врагов мертвы, — ответил Конан. — А живые… Ни один из них не возьмет на себя труд гнаться за мной из тех мест, где мы стали врагами.

Одна из искр попала на фитиль, который на миг загорелся и тут же погас. Конану показалось, что он слышит, как Кинна ругается, но она говорила очень тихо, и он не разобрал ни слова.

Элдия машинально протянула к свече указательный палец. Фитиль запылал сам собой. В свете маленького огонька на потолке и стенах хижины заплясали тени.

— С чего ты думаешь начать? — спросила Кинна. Вместо того, чтобы смотреть на чудом загоревшуюся свечу, она смотрела на Конана.

Он размышлял о том, какие возможности для него существуют.^ тем, кто практикует магию, безразлично какую — черную, белую или еще какого-нибудь цвета, киммериец испытывал стойкое недоверие. Лучше всего было бы покинуть этот город как можно скорее. Нумалия(столица Немедии) манила его. Любому идиоту ясно, что никаких богатств ему не видать, если он ввяжется в битвы с демонами и чародеями, не говоря уж о безвестных личностях, которым не лень было нанять шайку головорезов.

С другой стороны, Конан чувствовал, как в нем растет своего рода протест, — ведь ему посмели угрожать! Ну, у адского демона имеется причина для ненависти. Господину головорезов, которых он покрошил на куски, тоже есть о чем подумать. Но ведь Конан, в конце концов, вынужден был позаботиться о себе! Его вызвали на драку, его спровоцировали. Умный человек увидел бы здесь знак своих богов-покровителей, недвусмысленный совет уносить отсюда ноги. Но киммериец далеко не всегда бывал столь умен. Конан жутко злился на тех, кто причинял ему столько неприятностей. Люди, почитающие своим богом Крома, никогда не празднуют труса. Кром был суровым богом и лишь немногое давал он людям; он был жесток, мрачен, он приносил смерть. И больше всего Кром ненавидел трусов. Он вливал мужество и волю в жилы человека, как только тот появлялся на свет. Если же воин бежит от

опасности, безразлично какой, — Кром не станет ему помогать.

Конан посмотрел на трио возле свечи. Его целью была Немедия, это несомненно. И никакой волшебник не в силах его задержать. Но здесь у него оставалось еще несколько дел, и он не уедет, не разобравшись с ними.

Они ждали, что скажет Конан. Наконец он заговорил.

— Мне кажется, что мы связаны уже давным-давно, — сказал киммериец ворчливо и обратил взгляд на Витариуса. — Я так понимаю, у вас имеется какой-то план, как нам победить наших общих врагов.

Старый волшебник улыбнулся:

— В определенной степени, да, Конан.

Глава девятая

Логанаро стоял перед неразрешимой загадкой: где спрятался варвар? То, что он наврал Лемпариусу, ничуть его не тяготило. В конце концов, он же видел, как Конан выбежал из разрушенной харчевни. Какая жалость, что не нашлось ни одного шпиона-добровольца, который полез бы за Конаном в смерч.

Вранье было просто элементарной мерой предосторожности. Логанаро использовал подобные меры сплошь и рядом, поскольку часто имел дело с сильными мира сего. Каким-то образом Конану удалось остаться в живых. А выследить его — это дело времени и техники. Если бы у Лемпариуса возникло хотя бы подозрение, что Логанаро мог выпустить варвара из виду, то разговор вполне мог принять несколько иное направление — с уклоном в сторону «упрощения». Логанаро точно знал, что означало это выражение в устах сенатора.

Этим серым утром маленький человек очень спешил. Ураган совершенно изменил облик улиц и дворов. Логанаро проложил себе путь к остаткам харчевни «Молоко волчицы».

Несмотря на то, что харчевне не довелось испытать на себе всю силу бури, опознать ее можно было с большим трудом. Деревянный каркас здания разлетелся на куски. Только одна стена, как последний часовой, несла вахту над грудой развалин. Логанаро почувствовал, что его тянет к этой стене. Он вообще не знал, зачем вернулся сюда. К его услугам была такая развитая сеть шпионов и соглядатаев, какой не имел в Морнстадиносе никто. Ему бы поискать глаза и уши, способные выследить Варвара. Но неизвестно, по какой причине его принесло на руины.

Многочисленные горожане, как оглушенные, бродили по развалинам в поисках своих друзей и родных или погребенного под обломками добра. Логанаро поглазел на них некоторое время, но потом нашел, что занятие это пустое. Он повернулся, чтобы уйти.

Из груды щебня послышался стон. Логанаро подошел поближе, влекомый любопытством. Из-под перевернутого стола появилась рука, которая цеплялась за остатки стены.

Несмотря на то, что Логанаро редко делал что-либо, не позаботившись предварительно о собственной выгоде, он наклонился и начал разгребать мусор и обломки, засыпавшие владельца руки. Вскоре после этого открылось и лицо человека. Это был одноглазый. один из нанятых Логанаро убийц. Логанаро помог ему выбраться из развалин. Заморанец казался невредимым, если не считать того, что подбородок его сильно опух.

—Что тут случилось? — спросил одноглазый с трудом, преодолевая боль.

— Кому же это знать, как не тебе?

— Я могу вспомнить только этого верзилу. Солидный парень, а? А где остальные?

— Смерч утащил их с собой. И это все тоже натворила буря. — Логанаро ткнул жирной рукой в сторону разрушенной харчевни.

— И варвара он тоже уволок?

— Нет. Он и его дружки ускользнули. Одноглазый провел рукой по распухшему подбородку.

— Стало быть, ты все еще разыскиваешь того мужика, ага. — Это не было вопросом.

— Разумеется. Плата будет повышена.

Логанаро не думал об этом до того мгновения, как . выговорил вслух последнюю фразу. Нужно отметить, что он не испытывал ни малейшей потребности уже сейчас расставаться с

жизнью. А деньги у него были. Он успел сколотить себе изрядное состояние из различных нерегулярных поступлений. Впрочем, к накопительству подвигала его не столько любовь к рискованным предприятиям, сколько страх отправиться к праотцам раньше времени.

— Тридцать золотых, — изрек Логанаро и сам удивился.

Одноглазого даже передернуло.

— Гм, симпатичная сумма! Звучит просто чарующе. Но тот, кто вздумает положить себе в карман эти кругляшки, должен сперва немного потрудиться. Двое или трое были уже убиты, прежде чем этот громила взялся за меня. Смерч утащил с собой больше трупов, чем живых. Парень, которого вы ищете, задолжал мне изрядно.

— Но живой, — заявил Логанаро. — Ты должен доставить его мне живым.

— Ясное дело, живым. Только немного попорченным.

Логанаро кивнул. По слухам, одноглазый был самой талантливой личностью в Морнстадиносе по части подобных дел. Ну и не повредит, конечно, и то, что у него появились свои счеты с киммерийцем.

— Если ты доставишь его в течение двух ближайших дней, тебя ждет прибавка в пять золотых, — сказал Логарано.

Одноглазый хотел было ухмыльнуться, но сдержался, поскольку его вынуждал к тому распухший подбородок.

— Порядок, благородный господин с деньгами. Получите вы своего варвара. Живьем.

— Я серьезно подозреваю, что кроме Совартуса и его верного кнехта демона кое-кто еще точит на нас зуб. Нам пока лучше не попадаться людям на глаза, — сказал Витариус.

Конан прислонился к штабелям сушеной рыбы и начал безрадостно жевать кусок солонины. Мясо было очень жестким и очень соленым. Он бы сейчас не отказался от глотка вина, чтобы смочить губы. «С тем же успехом я мог бы пожелать себе дворец в Шадизаре», — подумал Конан. Вслух же он произнес;

— В вашем плане я вижу несколько слабых мест. Кинна сняла с кинжала своей сестры кусок сушеной рыбы и воззрилась на него с легким отвращением.

— Какие это слабые места?

— Наш магистр чародейских искусств предлагает покинуть этот город как можно быстрее, причем на лошадях и с хорошим снаряжением, и таким образом ускользнуть из логова льва. Прямой путь без всяких хитростей — это как раз в моем вкусе. Однако возникает вопрос: где мы все это возьмем? Или у нас есть золото и серебро, о которых я не знаю?

Конан посмотрел на своих собеседников. Все трое отрицательно качали головами.

— Я так и думал. И как мы, по-вашему, будем доставать хороших лошадей, сбрую, припасы? Вы можете все это наколдовать?

— К сожалению, нет, — ответил Витариус. — Белая Магия почти не приносит личной выгоды тем, кто **ее** практикует.

— Ну и зря. Если уж заниматься колдовством, так хоть чтоб польза какая-то была. — Конан поковырял в зубах кинжалом. — Мне так кажется, что мы с вами столкнулись с проблемой, разрешить которую помогут мои профессиональные навыки.

Элдия отрубила мечом кусок сушеного мяса, подбросила в воздух и поймала раскрытым ртом. Она ела с удовольствием. Похоже, ей нравились сухари.

— О чем вы, Конан?

Конан ответил не сразу. Он приоткрыл дверь хижины, и в темное помещение хлынул

свет утреннего солнца, ярко горевшего на синем безоблачном небе. Киммериец снова поглядел на своих собеседников.

— Скажите, кто самые богатые люди в городе? Витариус задумчиво почесал щеку.

— Ну, торговец коврами Тонорес, несомненно, принадлежит к их числу Стефанос из Пунта. И Лемпариус, сенатор. Зачем вам это?

Конан пропустил вопрос мимо ушей и продолжал допытываться:

— В каком виде эти люди содержат свое богатство? Золото? Ювелирные камни?

— Деньги Тонореса — это, главным образом, его товар. У него собраны ковры из Иранистана и даже из Замбабвей. Кроме того, он коллекционирует произведения искусства, большей частью статуи и картины. Стефанос — владелец недвижимости. По-моему, его состояние заключено в основном в кабаках, домах веселья и тому подобных заведениях, которым дьявольская буря вчера нанесла большой урон.

~ А как дела у Лемпариуса, сенатора? Кто он вообще такой?

— Он — самый могущественный человек в Сенате. Во многих городах-государствах Коринфии власть сосредоточена в руках короля, однако Морнстадиносом управляет Сенат. Многие члены Сената — богатые люди, но Лемпариус, кажется, богаче всех.

— Где он хранит деньги?

— Говорят, у него необычайно роскошный дворец. Еще он питает слабость к магическим и механическим безделушкам, которых у него накопилось на огромную сумму И кроме того, я уверен, что в тайниках он прячет несколько мешков с серебром и золотом.

Конан расцвел улыбкой.

— То, что нужно!

Кинна выплюнула на пол косточку.

— Почему тебя интересует это, Конан? Конан поглядел на молодую женщину. Даже гнусная обстановка склада не могла повредить ее красоте.

— Почему? Потому, Кинна, что нам нужны лошади и снаряжение. Потому что у нас нет ни времени, ни сил на то, чтобы честно заработать денег и купить все это.

Элдия сообразила раньше, чем ее сестра.

— Ты хочешь сказать, мы должны…

— …обокрасть сенатора, — завершил Конан. — Разумеется, малышка. Именно это мы и сделаем.

Среди основных умений ведьмы было одно заклятие, которое позволяло создавать невидимые волшебные нити, очень длинные и прочные. Когда Дювула увидела, что прекрасный варвар вместе со своими друзьями скрылся в хижине, она прибегла именно к этому знанию. С большими предосторожностями натянула она нитку поперек порога хижины и закрепила ее с обоих концов. Когда обитатели склада солонины покинут его, нить потянется за ними, растягиваясь все больше по мере того, как они будут удаляться от порога. Хозяйке заклятия останется просто проследить, куда ведет светящаяся линия, невидимая для тех, кто не обладает магическими способностями. Существовала вероятность, что нитку обнаружит старый волшебник, но эта опасность была сравнительно невелика. Заклинание было таким простым, а действие нити настолько внешне безобидным, что чаще всего никто ничего не замечал даже в тех случаях, когда его специально пытались обнаружить.

Сделав все необходимое, Дювула поспешила домой. Для реализации ее нового замысла требовалось несколько большее количество предметов, чем то, что она постоянно имела при себе. Если заклятие сработает, она всегда сможет вернуться к нити и дождаться возможности

побыть со своим прекрасным варваром наедине. И тогда он сам передаст девочку в руки Дювуле. При этой мысли она просияла.

Некоторую опасность представлял старый волшебник. Черноволосую женщину тоже необходимо удерживать от варвара на расстоянии. Но риск невелик, а успех сулит блестящие перспективы!

Оказавшись у себя дома, Дювула быстро скинула одежду. Теперь она, обнаженная, стояла перед полированным магическим зеркалом. Нагота была необходимым условием большинства ее заклинаний. Дювуле это давно уже не мешало. Напротив, она наслаждалась прикосновением свежего воздуха к голому телу. Шелковистая кожа — одеяние, данное самой природой, — была для ее чародейства куда более уместным платьем, чем любая одежда, сшитая людьми.

Витариусу была известна еще одна харчевня, которая находилась в отдалении от разрушенного ураганом «Молока волчицы». Туда он и повел Конана и обеих сестер. Когда они покидали склад сушеной рыбы и солонины, Конану показалось, что он задел ногой паутину. Он обтерся, но ничего не увидел и скоро об этом забыл.

Даже в эпицентре разрухи люди ковырялись в развалинах в поисках своего добра. Повозки развозили щебень и упавшие балки. Четверо спутников стали свидетелями еще одного несчастья. Семь или восемь человек тянули канаты, привязанные к покосившемуся балкону, который был расположен под самой крышей. Балкон опасно наклонился на полуразрушенной стене. Конан понял, что они хотят таким образом опрокинуть остатки стены. Немного же они соображают в том деле, за которое взялись! Двое или трое находились прямо под тяжелым балконом. И если он обвалится…

Прямо на его глазах балкон рухнул. Один рабочий успел отскочить в безопасное место, другой оказался менее проворным. Балкон придавил несчастного к земле, так что он остался лежать под ним, как змея под сандалией. От боли человек закричал. Остальные тут же попытались поднять балкон, но с проклятиями отступились, поскольку сил у них не хватало. Дело казалось безнадежным.

Конан рванулся на место происшествия так стремительно, что люди шарахнулись в стороны, явно принимая его за бандита.

Киммериец не удостоил их внимания. Он присел, подсунул свое крепкое плечо под край упавшего балкона и уперся грудью в дерево. Потом пошире расставил ноги и попытался встать. Жилы на его руках и ногах натянулись, как канаты, мышцы зашевелились, словно под кожей забегали дикие звери. Балкон не сдвинулся с места.

Конан схватил его покрепче, глубоко вздохнул и коротко, гортанно вскрикнул. Молодой великан напрягся так, что его каменные мышцы задрожали, и встал. Затем резким движением он отшвырнул балкон в сторону от попавшего в беду человека.

— Другой раз будь повнимательнее, — сказал Конан, встряхнувшись и расправив плечи. — Я не каждый день буду проходить мимо.

После чего отвернулся и направился к своим друзьям, которые смотрели на него в изумлении. Кинна первой нарушила молчание:

— Клянусь Митрой! Человек не может быть таким сильным!

Конан усмехнулся.

— Почему же не может? Только потому, что я поднял эту штуку? А что, в тех краях, откуда ты родом, не водится мужчин?

Голос Кинны был полон восхищения:

— Таких, как ты, — нет.

Конан расплылся в самодовольной улыбке. Да, работенка была для настоящего мужчины. Быстрота реакции, физическая сила — и вот уже все женщины (как и все мужчины, впрочем) затаили дыхание — Киммериец ощутил нежное, как дуновение ветерка, прикосновение к ноге, там, где штанина задралась над сапогом. Но когда он бросил туда взгляд, то ничего не увидел.

Харчевня «Курящая кошка» была сработана по тому же образу, что и «Молоко волчицы». Такие же лавки и столы, даже прислуга такая же. Однако посетителей здесь собралось не так много, поскольку дел хватало и на улице. Конан и его спутники заняли место у стола и заказали завтрак с кувшином вина.

— Мы можем спокойно выложить все деньги, какие у нас есть, — заявил киммериец. — Скоро у нас их будет намного больше.

— Обокрасть богача — это, наверное, очень опасно, — предположила Элдия. Конан улыбнулся девочке.

— Конечно. Но у меня есть-, известный опыт в подобных делах.

— Владения Лемпариуса обнесены высокой стеной, — сказал Витариус.

— Стена, на которую не может забраться киммериец, еще не создана человечеством, — сообщил Конан и одним махом осушил свой кубок.

Кинна посмотрела на него с любопытством и, наконец, сказала:

— Почему ты такой сильный, такой ловкий, Кован?

Он небрежно пожал плечами.

— Киммерия — страна скал. Часто высокие горы преграждают путь. Приходится оттаскивать в сторону валуны, некоторые попадаются тяжелые. А что до моей ловкости… ну, мужчина учится выживать.

— И как мы осуществим это… э-э-э. — заимствование ценных предметов?

— спросил Витариус.

— Не м ы, волшебник, а я! Я предпочитаю работать в одиночку. Вы уже сегодня можете начинать поиски припасов. Утром я вернусь к вам с деньгами, чтобы это оплатить. Очень просто.

Конан поднес к губам второй бокал и опять улыбнулся. Вот такая жизнь ему более чем по вкусу! Он сделает то, что задумал, и никогда больше не попадет в эту запутанную сеть чародейства, которую так ненавидел.

Ведьма Дювула тихо посмеивалась, идя по следу светящейся нити, которая вела прямо к ее добыче. Скоро, очень скоро все они будут в ее власти!

Одноглазый негодяй в злобной усмешке оскалил зубы при виде того, как варвар опустошает третий кубок вина. Отлично. Чем сильнее напьется этот тип, тем лучше! Сначала одноглазый думал привести с собой компанию висельников, но когда он увидел варвара, в нем поднялась мощная волна ненависти, которая мгновенно затопила все разумные мысли. Нет! Он нанесет удар в тот момент, когда враг меньше всего будет ожидать нападения. И тогда он хорошим ударом лишит его сознания и будет топтать и бить бесчувственное тело, пока не утихнет жгучая жажда мести. Да, только так! Совсем один! Это прольет бальзам на раны истерзанной гордости. Никто еще из тех, кто оскорблял одноглазого, не уходил от страшной расплаты. Никто!

Глава десятая

Конан решил поспать несколько часов, чтобы приступить в своему ночному предприятию свежим и отдохнувшим. Пока остальные занимались подготовкой к завтрашнему путешествию, варвар поднялся по лестнице к тем двум комнатам, которые они сняли на эту ночь. Апартаменты как две капли воды были похожи на те, что они видели в «Молоке волчицы». Конан запер за собой дверь на задвижку. Затем растянулся на тюфяке и мгновенно заснул.

Дювула вошла в харчевню и поднялась по ступенькам. Волшебная нить исчезала за дверью одной из спален. Кто-то из тех, кого она разыскивала, находился там, внутри. Было, очевидно, очень важно застать симпатичного варвара наедине. Если рядом с ним окажется какая-нибудь другая женщина, в колдовстве будет очень мало проку. Как же выяснить, с кем он там?

Тут ей в голову пришла идея. Дювула быстро сбежала вниз и нашла мальчика, убиравшего со столов.

— Не хочешь ли заработать пару медяков, малыш?

— С удовольствием, госпожа. Кого мне убить ради вас?

— Так много я вовсе не потребую. Тебе нужно только постучать в ту дверь, которую я тебе покажу, и уточнить, сколько человек находится в комнате. Скажешь им просто, что должен поменять постель.

Дювула дала мальчику медную монету и пошла за ним наверх. Показав ему дверь она опять спустилась. Мальчик быстро вернулся.

— Ну что?

— В комнате только один постоялец, госпожа. Кажется, у него плохое настроение. Он сказал, что наделает во мне лишних дырок, если я осмелюсь еще раз беспокоить его из-за такой ерунды.

— Как он выглядит, мой мальчик?

— Великан такой, госпожа. Варвар. Дювула улыбнулась и протянула мальчишке пригоршню медных монет.

— И никому ни слова, договорились?

— Конечно, заверил ее мальчик. — Иначе хозяин отнимет у меня деньги быстрее, чем муха отыщет коровью лепешку.

Когда Дювула осталась в коридоре одна, она извлекла из-под своего шелкового плаща флакон, закрытый пробкой и залитый воском. В прозрачном стеклянном сосуде булькала жидкость, слегка светившаяся, как фосфор. Она вынула пробку и плеснула немного жидкости на порог. Поднялось густое облако желтого дыма. Колдунья поспешно отпрянула.

Внезапно Конан проснулся. Что-то здесь было не то… Странный запах ворвался в его сон. Он сел и уставился на дверь. При свете, сочащемся сквозь не-> плотно прикрытые ставни, он увидел, как в комнату вползает желтая полоса тумана. Он потянул носом и чихнул, когда едкий дым проник в легкие. Харчевня горит, что ли? Нет, такого запаха он еще не встречал. Никакая харчевня не дымит во время пожара так ядовито. Неожиданно в нем вспыхнуло сильное чувство, не имеющее ничего общего с любопытством. Ему казалось, что он сейчас треснет от желания.

Кто-то постучал. Женский голос позвал:

— Открой же мне, мой прекрасный варвар! Конан смешался. Голос звучал призывно и, разливаясь теплой патокой, сулил невиданное блаженство. Вожделение стало разгораться. Конан шагнул к выходу, отодвинул засов и раскрыл дверь.

Перед ним стояла женщина, с головы до ног закутанная в темно-синий шелковый плащ. Пока киммериец смотрел на нее, женщина откинула своими белыми руками капюшон, скрывающий лицо. Во имя всех богов! Она была изумительно хороша! Огненно-рыжие волосы, белоснежная кожа, рубиново — алый смеющийся рот.

— Мне придется стоять в коридоре, на сквозняке? — спросила она.

Помедлив, Конан сделал два шага назад. Женщина пошла за ним, легко ступая по полу. Тихо закрыла она за собой дверь и улыбнулась ему. Одно мгновение она стояла неподвижно, затем ловким движением руки расстегнула плащ и отбросила его. Под синим шелком было нагое тело.

Конан закусил внезапно пересохшие губы. Митра! Какая женщина! Фантастическая женщина! Ноги, грудь — великолепная фигура!

Таинственная незнакомка протянула ему руки. Желание стало непомерным. Он схватил женщину сильными руками, прижал к себе и поднял. Он чувствовал ее острые ногти, царапавшие ему спину, но это было ему безразлично. Мир перестал существовать, в целой Вселенной не было ничего — ничего, кроме наслаждения, которое обещала киммерийцу эта незнакомка!

Мальчик показал на дверь спальни. — Вот комната, которую вы ищете, господин. Одноглазый бросил мальчишке серебряную монету. Он не скупился: ведь скоро он будет на тридцать пять золотых богаче — так много ли значило для него какое-то серебро? Он подождал, пока мальчик уйдет. Потом скользнул к двери, за которой скрывался ненавистный варвар. Жажда мести — жаждой мести, а осторожность не помешает.

Когда одноглазый приложил ухо к двери, она слегка шевельнулась. Не заперта! Черная рука Сэта! Он ухмыльнулся. Варвар совсем идиот, он не запер дверь! Это и решит его судьбу. Очень тихо одноглазый обнажил свой меч.

Из комнаты донесся приглушенный стон. Одноглазый замер и склонил голову набок. Это еще что такое? Звучит так, словно…

Негодяй широко улыбнулся. Ах, ну что за удача! Азура улыбалась ему. Варвар сейчас вообще ничего не замечает. Можно входить свободно, поскольку его враг занят сейчас… совсем другим. Одноглазый набрал в грудь воздуха, поднял клинок и распахнул дверь.

Конан не понимал, почему он внезапно ощутил эту похоть и почему вдруг появилась женщина, которая явно была полна решимости удовлетворить его желание. Справедливости ради нужно заметить, что он не слишком ломал себе над этим голову. Но когда в комнату вломился человек с поднятым мечом, Конан мгновенно пришел в себя. Чары, наведенные на него, моментально исчезли. Женщина забилась руках киммерийца, увидев выражение его лица.

— Что?..

Она обернулась и, проследив взгляд Конана, тоже заметила человека с мечом в руках. Конан грубо отшвырнул от себя обнаженную женщину.

— Ты, потаскуха, хотела отвлечь меня!

— Нет! — вскричала женщина.

Времени для дискуссии явно не оставалось. Конан покатился по полу, уворачиваясь от удара. Меч одноглазого перерубил тюфяк, не задев киммерийца. Конан схватил свое оружие

и вскочил на ноги. Он увидел лицо негодяя. Кром! Так это тот, одноглазый, с которым он дрался в харчевне во время бури!

За спинами разъяренных мужчин ругалась женщина, прибегая к таким выражениям, от которых покраснели бы и матросы. Киммериец злобно усмехнулся и сделал полшага вперед.

— Ты пришел за следующей порцией, приятель?

— Склянки уже пробили твой смертный час, варвар, — зарычал одноглазый. — Тебя хотят взять в плен живьем, но никто еще не оставался в живых после оскорбления, нанесенного мне! Так что считай себя трупом!

Конан растянул рот еще шире.

— Когда мы с тобой встречались в последний раз, я ухитрился выжить, — так что поглядим, чей смертный час пробили склянки!

Одноглазый сделал ложный выпад и описал клинком полукруг, намереваясь снести Конану голову. Тот не стал уклоняться, а вместо этого шагнул к противнику. Клинок бандита сцепился с мечом Конана и треснул. Одноглазый выругался.

Киммериец поднял меч, желая разрубить убийцу пополам. Но прежде чем он сумел ударить, тот вытащил из-за пояса короткий кинжал и попытался вонзить его в Конана. Киммериец успел отскочить, однако кинжал оставил глубокую царапину на его бедре. Кровь потекла на сапог.

Конан опустил пальцы в рану, поднял руку к губам, лизнул кровь и громко рассмеялся, увидев страх на лице одноглазого. Молниеносным движением руки он стряхнул кровь, целясь при этом в глаз своего врага.

Разбойник ругнулся и отпрянул. Конан обошел его слева. Одноглазый поднял кинжал, встречая меч киммерийца, но это ему не помогло. Конан безжалостно использовал промах своего противника, который имел неосторожность оставить брешь в обороне, и с криком вонзил свой меч в грудь одноглазого. Острие снова появилось на свет между лопаток.

— Будь проклят! — успел выговорить одноглазый, падая.

Сильно отклонившись назад, Конан вырвал свой меч из тела умирающего. Потом он обернулся. На стервятника можно было больше не обращать внимание. Он искал глазами женщину, которая навела на него чары.

Но та исчезла бесследно.

Хозяин взял на себя труд убрать труп и заменить окровавленный тюфяк. Когда он почтительно заглянул в комнату, Конан вручил ему серебряную монету

— последнюю, что у него оставалась, — и велел держать вооруженную стражу сената на расстоянии хотя бы на несколько часов. За это время он уже смоется, и тогда пусть его ищут.

Вытирая клинок и заглаживая оселком царапины, Конан размышлял о нападении. Жаль, что они с той женщиной не успели завершить знакомство до того, как в комнату вторгся придурок с мечом. Появление одноглазого было, конечно, неприятным сюрпризом. Но и женщина, похоже, вовсе его не ждала. А раз так, то убитый висельник с ней никак не связан. Странно.

И все-таки! Она его заколдовала — возможно, с помощью пахучего дыма. Но если обольщение не было составной частью плана убийства, то к т о же тогда эта незнакомка? Все это было более чем неприятно. Киммериец до сих пор ощущал таинственный аромат колдовства, которому так не доверял. Здесь и в самом деле не место для человека чести, которого постоянно загоняют в липкую паутину, сотканную волшебниками, демонами и ведьмами. Чем быстрее он покончит с этим делом, тем лучше! Если все пойдет по плану,

завтра утром он выедет на лошади через западные ворота Мордстадиноса. Ну и останется сущий пустяк — заняться каким-то там злым волшебником, который засел в своем замке.

Конан тряхнул головой и снова погрузился в работу. Он чистил оружие.

Полная черного бешенства, сидела Дювула в своих покоях. Кто был этот одноглазый идиот? Он сказал, что должен изловить варвара живым, стало быть, его кто-то нанял. Но кто? Кто отваживается идти поперек ее пути, да еще так бесцеремонно? Этот человек будет глубоко несчастен, если Дювула в конце концов выяснит его личность. Смертельно несчастен!

Увидев труп одноглазого, Логанаро покачал головой. Этот кретин дорого заплатил за свое самонадеянное решение ловить варвара в одиночку. Но что же теперь делать ему, Логанаро?

Совартус повелительно взмахнул рукой.

— Иди и найди девчонку и этого нечеловечески сильного парня! — приказал он Дивулу. — Я вызову тебя, когда ты мне понадобишься.

— С вашего разрешения, — произнес демон своим скрипучим голосом и исчез.

В столовой своего дворца Лемпариус отодвинул от себя тарелку. Он самодовольно улыбался. Позднее, вечером, он будет есть кое-что другое.

Кое-что. Или кое-кого.

Глава одиннадцатая

Морнстадинос был окутан глубокой ночной тьмой. Конан приблизился к стенам, окружающим владения Лемпариуса. Несмотря на повязку через резаную рану на бедре, киммериец двигался легко. Рана была неглубокой и не причиняла ему беспокойства. Он получал куда более скверные дырки в теле и все-таки оставался жив. Человек, нанесший ему эту рану, более не пребывал в числе живых. Небольшую боль Конан охотно брал в придачу к чувству глубокого удовлетворения по поводу гибели своего врага.

Стена была сложена гладкими гранитными блоками, скрепленными цементным раствором. Снаружи этот раствор был аккуратно счищен. В высоту стена превышала рост Конана в добрых три раза. Киммериец негромко рассмеялся. Детская игра, подумал он, разглядывая трещины в кладке. Обыкновенному человеку стена показалась бы совершенно гладкой, но для киммерийца она была чем-то вроде лестницы. Если Лемпариус возлагал основную надежду на высокие заборы, то он очень плохо защищен от непрошеных ночных посетителей.

Для того чтобы забраться наверх, Конану потребовалось всего лишь несколько минут. Наверху были насыпаны острые камни. Здесь можно опасно пораниться, если, конечно, быть полным болваном и не глядя прыгнуть на осколки. Конан снова ухмыльнулся. Будучи в состоянии забраться на стену, он мог предвидеть и шипы наверху. Наивные предосторожности строителей не повредили ему ни в малейшей степени. Он спускался по внутренней стороне стены, пока не оказался на высоте своего роста над землей. Тогда он прыгнул и легко приземлился.

Дворец находился на расстоянии ста шагов. Наверное, дворец — слишком уж громкое слово, подумал Конан. Конечно, дом был большим, но в то же время не таким уж великолепным по сравнению с некоторыми зданиями, которые он видел в Шадизаре. А с разрушенной Слоновой Башней в Аренджуне этот дом вообще не идет ни в какое сравнение. Но если там, внутри, найдется то, что он ищет, тогда сойдет и такой.

Дом также был построен из камней, скрепленных раствором, счищенным так, что открывалась фактура камня. Не было ни рва, ни стражи у дверей, ни собак, ни птиц. Подобный расклад показался Конану весьма странным.

Конан отважно зашагал ко дворцу, надеясь смутить этим предполагаемого сторожа. Если его кто-то увидит, он успеет подойти достаточно близко, чтобы помешать поднять тревогу.

Но никакого сторожа на темном углу не было. Конан больше не обнаружил никаких укрытий для стражников или постовых. Он покачал головой. Этот Лемпариус — просто подарок Бэла всем местным ворюгам, подумал он. Просто удивительно, что на воротах еще не вывешена табличка с приглашением что-нибудь стянуть. Несмотря на то, что до сих пор никаких препятствий не встречалось, Конан не терял осторожности. Сперва он думал проникнуть в здание через главный вход, не мудрствуя лукаво, но потом отказался от этого намерения, справедливо считая такую наглость чрезмерной. Лучше не испытывать судьбу. Окошко — .тоже вполне подходящая вещь.

Так как пока что все ему удавалось без труда. Конан начал искать незапертое окно. Его ожидания не были обмануты — ставни легко раскрылись, и он преспокойно забрался внутрь.

Киммериец оказался в кладовой, где хранилась в ожидании грядущих пиров битая дичь — насколько он мог разглядеть в слабом свете свечи из коридора. Вор ловко проскользнул

между качающихся мертвых птиц, стараясь не задеть резко пахнущее мясо, и выглянул в коридор.

И снова киммериец улыбнулся. Пусто! Он расслабился. Такой человек, как владелец этого дома, просто заслуживает того, чтобы его обокрали. Наверняка это на редкость экстравагантная личность.

Конан шагнул в коридор. Он ступал на цыпочках, чтобы его не услышали. Эту меру предосторожности он принял автоматически. Незачем отказываться от полезных привычек только потому, что кража показалась тебе простой.

Коридор привел его в большое помещение с ванной, полной горячей воды. Пар оседал на стенах, и капли стекали вниз, образуя маленькие лужицы. Но где же обитатели этого дома? Возможное ли дело, чтобы все они спали, не выставив ни одного охранника? Какое безумие!

Конан прошел мимо нескольких открытых дверей. Он видел дорогую мебель и ковры, картины и скульптуры. В некоторых комнатах стояли механические приборы, но назначение их было ему неясно.

Наконец киммериец оказался перед запертой дверью. Он усмехнулся. Время! Он наклонился, чтобы получше рассмотреть замок, и расцвел. Такой замок откроет и ребенок. А Конан уже не ребенок. Он просунул острие кинжала между краем двери и косяком. Простой поворот клинка — и замок открыт. Дверь без всяких усилий распахнулась вовнутрь.

Конан прихватил свечу из коридора и поднял ее, вступая в комнату. Он остановился на пороге, затаив дыхание Кром!

Свет коптящей свечи упал на сокровища. Здесь стояли золотые статуэтки, украшенные драгоценными камнями, большей частью изображавшие кошек. Слоновые бивни, обитые спиралями из золота и серебра, лежали целой кучей. Инкрустированные доски столешниц, кожаные кошельки — без сомнения, набитые монетами, — громоздились в беспорядке повсюду.

Он достиг цели. Конан тихо притворил за собой дверь и поднял свечу повыше. Опыт прошлых краж научил его брать только те вещи, которые легче всего превратить в звонкую монету. Здесь валялись кошельки с деньгами, и это ему было очень на руку. Но если некоторые из этих кошельков набиты драгоценными камнями, то отказываться от них в высшей степени глупо. Конан вовсе не собирался проявлять чрезмерной жадности. Сотня-другая золотых монет и немного драгоценных камешков — как раз столько, чтобы хватило на покупку одной королевы (не больше), — и его потребности, можно считать, полностью удовлетворены. Он чуть было не расхохотался во весь голос. Какая досада, что он не пригнал сюда телегу! Меры по охране дворца столь убоги, что он мог бы незаметно нагрузить сокровищами повозку средней величины и вывезти ее за ворота.

Киммериец принялся исследовать кошельки. Один кожаный кошелек был туго набит золотыми монетами, другой был полон граненых изумрудов. Эти дорогие зеленые камни вор спрятал в свой собственный кошель, решив приберечь их для себя лично. В следующем мешочке Конан обнаружил около шестидесяти серебряных монет. Он оставил их на месте. Слишком тяжело таскать, да и к тому же серебро по сравнению с остальными богатствами не слишком его прельщало.

Конан натолкал в большой кожаный кисет такое количество золотых монет, что тройные швы затрещали. И снова киммерийцу пришлось взять себя в руки, чтобы не засмеяться. Он поедет в Немедию не только с удобствами, но и как богатый человек. Теперь можно нанять целую армию, чтобы осадить чародея, захватившего в плен сестру и братьев Элдии. Или

вообще купить своего личного мага — пусть сражается!

Киммериец хотел уже было уйти, когда взгляд его упал на предмет, которого он вначале не заметил. Небольшая вещица стояла у двери на резной подставке из слоновой кости. Конан остановился, желая рассмотреть странный прибор поближе. Это был шар в кубе, сделанный из золота или латуни. В чем-то конструкция казалась очень своеобразной, но Конан не мог сказать, в чем именно. Раз эта вещь стоит на таком дорогом пьедестале, она, несомненно, должна быть очень ценной. Конан поразмыслил, куда бы засунуть безделушку, потом пожал плечами. Нет, довольно. Хороший вор знает, когда остановиться.

— Умное решение, — послышался мужской голос. — Раз ты не знаешь, что такое Сторора и как к ней подступиться, она пропадет у тебя зря.

Еще до того, как фраза была закончена, Конан резко повернулся в поисках говорящего. Правой рукой он извлек меч из ножен, в левой сжал мешок с деньгами. Свеча упала на пол и погасла. Темнота окутала комнату, так что молодой киммериец теперь ничего не мог разглядеть. Хорошо! Если он ослеп, то и его противник в этом мраке не стал видеть лучше.

Голос зазвучал снова, и в нем проскользнула издевательская нотка:

— Если ты думаешь так легко от меня отделаться, то заблуждаешься. Я вижу тебя, и твоя участь решена, вор.

Вот это мы еще посмотрим, подумал Конан. С мечом в руке он двинулся к тому месту, откуда раздавался голос.

— Нет, так просто ты меня не найдешь.

Теперь голос переместился и звучал слева от Конана. Вор повернулся туда. Его глаза уже немного привыкли к мраку. Прямо перед ним на темном фоне вырисовывался плотный сгусток черноты; но он не был уверен в том, что это и есть его собеседник. Единственный лучик света пробивался из-под закрытой двери, и темное пятно могло быть просто слабой тенью.

— Смело могу утверждать, что ты — чужеземец, — сказал человек [или тень). — Потому что ни один житель Морнстадиноса не может быть обижен богами до такой степени, чтобы решиться обокрасть дом Лемпариуса.

Источник звука опять переместился на другое место.

Конан подумал о том, какими возможностями он располагает. Здесь он имел дело с человеком, который явно ориентировался в темноте лучше, чем это возможно. Кроме того, ему удавалось перемещаться так; что киммериец ничего при этом не слышал. У Конана была с собой добыча, и он видел полоску света там, где находился коридор. Удачливый вор — это тот, кому удается уйти вместе с награбленным. Именно это он и собирался сейчас сделать.

Конан прыгнул к двери.

Что-то мелькнуло, перечеркивая полосу света двумя темными полосами. Ноги, подумал он. И если эти ноги носят владельца таинственного голоса, то они принадлежат человеку невероятной быстроты. Конан не представлял себе, как можно было преодолеть расстояние между тем местом, откуда только что звучал голос, и дверью за считанные доли секунды. Варвар ударил мечом, чтобы разрубить пополам все еще невидимую фигуру. Меч скользнул в пустоту.

— Для идиота ты довольно проворен, — насмешливо произнес голос. — Но это тебя не спасет.

Конан не удостоил его ответом. Он принялся что есть силы крутить меч, отступая к двери. Сталь звенела в темноте. Пусть только невидимый собеседник попытается прорвать

этот барьер!

Конану удалось добраться до двери. Он чувствовал спиной ручку. Что делать дальше? Все не так просто! Он не решался повернуться к невидимке спиной в этой темноте. Открыть дверь с тяжелым мешком в руке было довольно-таки сложным делом. Однако не вполне безнадежным. Но вполне возможно, что помощники хозяина притаились в коридоре и ждут, когда вор выйдет.

Конан тряхнул головой. Слишком много думать — вредно! Если все взвешивать да обдумывать, то есть шанс умереть от старости. К черту! Конан нащупал ручку, повернул ее и открыл дверь. Одним прыжком киммериец выскочил в коридор.

Никого. Конан засмеялся и домчался прочь. Позади себя он услышал шорох, но когда обернулся, то ничего не увидел. Еще один поворот — и он будет возле кладовки, через которую проник в дом. Если он вырвется на волю, он побежит прямо к воротам, это быстрее, чем карабкаться по стене.

Едва свернув за угол, он остановился с проклятием. Его мощная грудь все еще бурно вздымалась.

В конце коридора дорогу ему преградили около дюжины людей, вооруженных мечами и пиками. Там не пройти. Он повернулся и помчался назад по тому пути, по которому пришел сюда. Лучше встретиться лицом к лицу с одним человеком, пусть даже в темноте, чем с дюжиной солдат, подумал он. Хорошо, что теперь за спиной у него ярко освещенный коридор. Сворачивая за угол, киммериец заметил, что эти люди за ним не гонятся. Непонятно почему, но это обеспокоило его куда больше, чем если бы они наступали ему на пятки.

В тридцати шагах от Конана стоял человек, и он был совершенно один. Высокий, белокурый, с очень белой кожей, он держал в руке лишь кривой нож. Меча у него не было. Он смотрел на Конана так спокойно, словно вышел на увеселительную прогулку.

Какое-то мгновение Конан хотел отшвырнуть его в сторону ударом меча и промчаться мимо. Но что-то в поведении этого человека заставило киммерийца замедлить бег и в конце концов пойти шагом. За три шага до спокойно стоящего человека Конан остановился и уставился на того, кто преградил ему путь. Он чуял запах опасности от того, кто преградил ему путь. Он чуял запах опасности и еще чего-то неестественного, такого, от чего волосы становились дыбом.

— Ну что ж, ты далеко не так глуп, как выглядишь, — сказал незнакомец. — Позволь представиться. Я — сенатор Лемпариус, владелец дома, который ты хотел обокрасть. Что скажешь, вор?

— Отойдите! — угрожающе произнес Конан. — Я не хотел бы убивать вас.

Лемпариус рассмеялся, весело и пронзительно.

— Право, ты очень любезен! — Он подбросил нож, похожий на клык. Нож перевернулся в воздухе, и сенатор ловко поймал его. Презрительно посмотрел он на меч Конана. — Иди ближе и попытайся проскочить мимо меня, ты, дурак-чужестранец! Если ты это сделаешь, я оставлю тебя в живых. Если нет, мухи облепят твой труп еще до первого солнечного луча.

Конан подскочил к Лемпариусу. Мышцы вздулись на его сильных руках, когда он изо всех сил опустил свой острый широкий меч. Если бы он достиг цели, сенатор был бы разрублен пополам. Если бы он достиг ее!

Ловко, как кошка, сенатор уклонился в сторону, и меч просвистел мимо. Быстрее, чем могли уследить человеческие глаза, Лемпариус задел своим кривым ножом руку Конана. Это

прикосновение казалось почти нежным и очень легким, но из тонкого пореза, едва длиннее среднего пальца руки, хлынула кровь. Сенатор засмеялся.

Конан качнул в руке тяжелый мешок с золотом. Этого движения сенатор не ожидал. Монеты сильно ударили его по ребрам. Лемпариус зашатался, однако ему быстро удалось восстановить равновесие.

— Не так паршиво, — заметил Лемпариус. — Ты проворней, чем я думал.

Он набрал в грудь воздуха и резко дунул в свисток.

За спиной Конана послышался громкий стук сандалий о каменные плиты пола. Приближалась вооруженная стража.

— Если у тебя есть какие-то боги, то заключи с ними мир, — сказал Лемпариус. — И поторопись!

Киммериец бросил мешок с золотом и взялся за меч обеими руками. Лемпариус, конечно, скор в движениях, но сумеет ли он своим дурацким ножом отразить удар, в который Конан вложит всю свою силу, — об этом можно только гадать, да и то при наличии живого воображения. Конан прыгнул вперед. Меч сверкнул, как молния.

Лемпариус отшатнулся, и выпад Конана остался бесплодным. Но Конан быстро опомнился и отогнал Лемпариуса еще немного назад. Киммериец уже начал лелеять надежду, что ему удастся оттеснить сенатора так быстро, что преследователи не сумеют его догнать. Он шел вперед, как сеятель по свежевспаханному полю, короткими, быстрыми ударами заставляя своего врага отступать.

Сделав очередной шаг, Лемпариус оступился и растянулся на спине. Ошарашенное выражение его лица примирило Конана с потерей золота. Он поднял меч. И в этот момент его надежда на бегство рухнула. Позади Лемпариуса возникло по меньшей мере с десяток людей с мечами и пиками. Они бежали по коридору навстречу киммерийцу. Ловушка!

Конан повернулся. Дверь, ведущая в сокровищницу, находилась как раз между ним и первой группой вооруженных людей. Если он попадет в комнату, то, может быть, сможет забаррикадировать дверь. А если повезет, то там найдется и другая дорога к свободе. У него уже не оставалось выбора. Даже если из сокровищницы нет другого выхода, там, по крайней мере, достаточно места для того, чтобы взмахнуть мечом. Он еще сумеет постоять за себя. И Кром встретит его в Серых Странах более приветливо, если он прихватит с собой дюжину собственноручно убитых неприятелей.

— Сдавайся! — крикнул ему один из вооруженных пиками.

— Я — Конан из Киммерии и не сдамся никому! Краем глаза Конан видел, как Лемпариус снова утверждается на ногах.

— Конан? — переспросил Лемпариус. На этот вопрос киммериец коротко кивнул. Этого мгновения было достаточно, чтобы передние солдаты успели подбежать на близкое расстояние. Когда одна из пик нацелилась железным наконечником Конану в лицо, киммериец нанес мечом удар в сторону и завершил оборот клинка, дернув его вниз. Солдат с пикой закричал, когда меч вонзился в его тело. Его товарищи замешкались, и Конан успел подскочить к двери.

— Надо же! Конан! Вот так чудеса!

Удивленный, Конан обернулся и поглядел на Лемпариуса. Этого мига было довольно, чтобы увидеть, как сенатор поднимает мешок с золотом, брошенный киммерийцем, и запускает **им в** голову вора.

Все окутала тьма.

Глава двенадцатая

Киммериец медленно выплывал из глубины пульсирующего красного тумана. Чем реже становился туман, тем больше прояснялось у него в голове. Когда Конан открыл глаза, он уже полностью пришел в сознание. Он лежал в полной темноте. Воздух был затхлый, и пахло здесь омерзительно. Как он попал сюда? Затем всплыло воспоминание, и он живо увидел Лемпариуса, метнувшего в него мешок с золотом.

Конан сделал попытку приподняться. Голова у него раскалывалась, однако ему удалось сесть. На руке он обнаружил небольшой разрез, не очень опасный. И немного побаливала нога. Он осторожно соскользнул с жесткой лавки, на которой сидел, и босиком встал на холодный пол. Меч и большая часть его одежды пропали. Ему оставили только набедренную повязку и пояс с кожаным кошельком. Конан засунул пальцы в кошель. Пусто… нет, погоди, вот что-то… Камень, который закатился в складку. Он вынул камень и поднес его к лицу. В темноте не было ни единого лучика света, однако по форме камня Конан определил, что держит в руке один из тех изумрудов, что приберег для себя. Обыскивая его перед тем, как бросить в этот мерзкий подвал, они проглядели камень.

Конан спрятал камень обратно и закрыл кошель. Если ему удастся удрать, изумруд придется очень кстати. Но пока он здесь, ему куда больше пригодились бы меч, кинжал и сведения о расположении комнат.

Исследование помещения, в котором он находился, заняло лишь несколько минут. Оно было квадратным. Длина каждой из стен не превышала шести локтей. С одной стороны имелась массивная деревянная дверь, обитая железными прутьями, немного ржавыми, и, как он подозревал, надежно запертая. Конан не обнаружил шарниров. Стало быть, дверь открывается наружу. Он уперся босыми ногами в сырые каменные плиты пола, а руками в дерево и изо всех сил налег на дверь.

Эта дверь могла бы с большим успехом изображать из себя, например, скалу. Она не сдвинулась ни на волос. Он отступил назад, так что теперь мог коснуться дерева лишь кончиками пальцев. Потом собрался с силами и прыгнул, наваливаясь на дверь всей мощью своих плеч. Тщетно.

Конан глубоко вздохнул и сжал кулаки. Он и в самом деле попался! Ему очень хотелось поколотить дверь кулаками и вволю побушевать, но он обуздал свою ярость. Такое поведение было бы ребяческим и привело бы к пустой трате сил.

Вместо этого киммериец отступил назад к лавке, на которой он очнулся. Теперь он без труда передвигался в комнате. Он прислонился спиной к стене и начал ждать.

Прошло немногим более часа. В коридоре послышались звучные шаги. Дверь раскрылась. Конан остался на месте и только зажмурился от неожиданно яркого света факелов. Он видел по меньшей мере дюжину факелов, которые несли такое же количество хорошо вооруженных людей. Любая попытка раскидать их голыми руками была бы самоубийством.

В камеру вошел сенатор Лемпариус.

— Так, — произнес он, — ты наконец очнулся. Хорошо. Я уж было думал, что влепил тебе слишком крепко. Хотя это почти не имеет значения, потому что ты нужен мне вовсе не ради твоих мозгов, Конан — Черт — Знает — Откуда. — Лемпариус улыбнулся. — Ну не странная ли штука — жизнь? Я так старался разыскать тебя, но ты ускользал, словно

кокетливая девица. И вот ты сам по доброй воле являешься ко мне в дом. Разве это не удивительно?

Конан промолчал.

— О, боги мои! Я и не надеялся, что отбил тебе голос.

Конан сверкнул глазами.

— Так значит, это ты натравил на меня шайку головорезов во время бури?

— Разумеется. — Лемпариус уверенно улыбался.

— Тебе нужно получше присматривать себе людей — те были просто плохо подобранные идиоты.

— Сейчас это уже неважно, раз ты здесь, в моей власти. Важно только то, что я достиг своей цели, варвар.

Конан кивнул. Это было справедливо. Но он еще дышал, и руки-ноги были еще целы. Он не умер еще, черт возьми!

— Ты, несомненно, хотел бы знать, с какой это радости мне вдруг понадобилось твое общество. — Лемпариус взвел брови.

— Вовсе нет. — Он не доставит удовольствия этому насмешнику, обнаруживая свое любопытство.

Улыбка сенатора слегка потускнела.

— Нет? Так ты не хочешь знать свою будущую судьбу, Конан из Варварии? Тебе не интересно послушать, как ты проведешь последние часы своей жизни?

Полуприкрыв глаза, Конан оценивал расстояние между собой и сенатором. Возможно, он успеет добраться до Лемпариуса, прежде чем эта храбрая когорта заколет его. Но сенатор дьявольски быстр. Если ему удастся заманить Лемпариуса хотя бы на шаг поближе, шансы на удачу возрастут, Конан сказал:

— Я знаю одно: вонь в моей камере стала в десять раз противней с тех пор, как ты, пес, сюда явился. Может быть, потому, что ты жрешь дерьмо?

Лемпариус больше не улыбался, и взгляд его стал мрачен. Он уже хотел подойти к Конану. Киммериец слегка передвинулся на скамье, чтобы ловчее прыгнуть.

Но Лемпариус остановился и снова хмыкнул.

— Ха, но я еще не слаб мозгами, чтобы купиться на такой дешевый трюк! Тебе придется придумать что-нибудь другое. Смотри сюда, варвар!

Лемпариус поднял руку. Один из его спутников вышел вперед и встал рядом с сенатором. У этого человека был арбалет, и болт с крюком на конце был направлен прямо в сердце Конана. Лемпариус сделал второй знак. Еще один человек, вооруженный так же, как и первый, встал рядом. Постепенно тут станет очень тесно, подумал Конан.

— Далиус, он стоит слева, мастер стрельбы из арбалета, лучший во всей Коринфии. Может с десяти шагов пригвоздить к стене голову. На этом расстоянии мне достаточно произнести словечко «правый» или «левый», чтобы указать, какой из двух глаз пробить, если потребуется пригвоздить к стене твою голову.

Лемпариус помолчал несколько секунд, чтобы дать Конану возможность понять его правильно. Потом кивнул на второго стрелка:

— Карлинос пришел ко мне из Бритунии, где он был лучшим в своем деле. Хотя он не столь же меток, сколь Далиус, но вполне может с ним сравниться. Второй твой глаз будет пробит прежде, чем первый болт скроется в стене.

Конан развязно откинулся на лавке и вполголоса рассмеялся.

Было совершенно очевидно, что Лемпариус хотел заполучить его живым при любых обстоятельствах. Конан ничего не знал о планах этого человека, но он был уверен в том, что смерть варвара в расчеты сенатора не входит. Во всяком случае, пока не входит.

Позади стрелков послышался женский голос:

— Вот он!

Вместе с голосом в камеру ворвался аромат экзотической косметики. Запах и голос вызвали в памяти Конана воспоминание, и он сразу сообразил, где впервые слышал их: в харчевне! Это была та женщина, что наводила на него чары. Во имя Крома! Что здесь происходит, в конце концов?

Услышав женский голос, Лемпариус слегка отклонился в сторону, и Конан мгновенно увидел свой шанс, который заключался в том, что арбалетчики не станут стрелять без прямого приказания. Киммериец рванулся вперед. У него было мало надежды придушить Лемпариуса до того, как его добьют стражники, но радость врезать ему от души искупала все опасности, сопряженные с такой попыткой. Изо всех сил Конан лягнул его между ног. Сенатор побелел и застонал. Это киммериец еще успел заметить. Потом он снова погрузился в клубы красного тумана.

— …Я собственными руками вырву его сердце!

— Нет! Теперь он принадлежит мне. Ты его мне подарил.

Конан не мог еще ясно видеть, но слышал он хорошо. Он бы вскочил, если бы в тот же миг ему не пришли на ум кое-какие соображения. Он лежал теперь не на лавке в вонючей камере, а на мягкой постели. Может быть, пока его считают бесчувственным, он подслушает нечто такое, что пригодится ему в дальнейшем? Да и кроме того, он был связан мягкими, но прочными веревками. Поэтому киммериец притворился спящим, а сам начал внимать разговору.

— …вышел на него? — Это был голос женщины, которую сенатор называл Дювулой.

— Да так… Один забавный чудак по имени Логанаро явился ко мне с предложением продать варвара за порядочную сумму.

А это говорил Лемпариус. Имя… Где он слышал это имя? Логанаро… Ах да, тот толстый хорек, которого он встретил в безвестном трактире по ту сторону перевала!

Дювула спросила:

— Почему же он это сделал? Какую пользу ты собирался извлечь из варвара?

Конан не мог видеть лица женщины, но не почувствовать ее ярость было невозможно.

— Никакой. Но Логанаро упомянул, что ты заинтересовалась этим дикарем. Я хотел взять его для тебя — из чистой любезности,

— Любезность. Понимаю. И что же ты хотел у меня потребовать в обмен на эту… любезность?

— Дорогая Дювула, давай не будем изображать из себя торгашей. Ты абсолютно ничего мне не должна за этого болвана.

Возникла пауза. Конан размышлял, можно ли ему приоткрыть глаза. Он решился на это, но увидел только несколько розовых подушек, которые скрывали от него собеседников. Хотелось, конечно, пошевелиться, но вряд ли это будет умно. Он проверил путы: они держали прочно.

Снова заговорил Лемпариус:

— Вспомни, как у нас с тобой было раньше, бесценная моя!

— Ты отлично знаешь, что все кончено навсегда. Я больше не… дружу с мужчинами из

племени людей.

— Но я изменил себя, Дювула! Теперь я сильнее, чем прежде.

Женщина засмеялась.

— Не считаешь ли ты мои способности настолько ограниченными, что надеешься открыть для меня что-то новенькое?

— Любовь моя, я ни в коем случае не хотел унизить твою божественную силу. Я только хотел объяснить, что добился новой мужской энергии, используя определенную… животную силу, которой прежде у меня не было.

Дювула опять засмеялась.

— Я уверена, что тебе далеко до моего Принца. Бьюсь об заклад.

— Возможно! Возможно! — Лемпариус понизил голос. — Я действительно смог бы удовлетворить тебя, любовь моя, Я это докажу, если *ты* только дашь мне такую возможность.

— Я знаю мужчин, таких, как ты, Лемпариус, и подозреваю, что ты обещаешь куда больше, чем можешь дать.

— Но один шанс, Дювула! Ты ничего не потеряешь, если позволишь мне доказать… мои способности. Если я обману твои ожидания, у тебя останется этот мешок мышц для твоего Принца. И если… нет, никаких «если». После того, как я докажу тебе, тебе уже не потребуется никакой Принц.

И снова повисло молчание. На этот раз более продолжительное. Конан попытался немного поменять положение, чтобы ему было лучше видно, но розовая подушка размером с кобылу намертво загораживала от него комнату.

— То, что ты говоришь, не совсем лишено смысла, Лемпариус, — сказала Дювула и после краткой паузы завершила: — Ну, хорошо! Давай, демонстрируй свои выдающиеся таланты!

— Здесь? Сейчас?

— Почему бы и нет? Твои люди так отделали этого варвара, что он будет спать еще целый день. А если он проснется, пусть поглядит, мне это не помешает. А что, у тебя это вызовет затруднения?

Лемпариус рассмеялся, но смех его прозвучал натянуто. ;

— Никаких, — сказал он. — Приступим!

До острого слуха Конана донеслось шуршание одежды. Он тут же использовал подвернувшуюся возможность и еще немного подвинулся: теперь он видел деревянную колонну и кусок балдахина, который, несомненно, относился к роскошной постели, на которой и лежал пленник. Спасибо хоть руки они связали ему так, что он мог дотянуться до веревок зубами. Медленно и осторожно поднес он руки к лицу, пока шелковый шнур не коснулся его губ. Он принялся жевать шелк. Ему стало ясно, что жевать придется еще долго.

— Чтоб Сэт унес этого проклятого варвара! — громко произнес Лемпариус.

— Что, Лемпариус, проблемы? — Голос Дювулы был сладок, как березовый сок по весне.

— Да ты же видишь! Я ранен! Этот подонок пнул меня ногой! Я… у меня адские боли в… если я попытаюсь…

— Какая досада! — перебила его Дювула. — Вот и ответ на все твои поползновения, а заодно и характеристика твоей «животной силы».

— Это не может считаться настоящим испытанием, Дювула!' Ты должна дать мне время

оправиться от ран!

— Я должна? — Женщина рассмеялась. — Ну, положим, пару дней я могу еще подождать, пока мой Принц Копья не проснется к жизни. Я даю тебе три вечера, Лемпариус. Возможно, до тех пор мои капризы удовлетворит варвар.

— Ты издеваешься!

— О нет, Лемпариус, никогда. Просто у меня хорошее настроение. А варвар и в самом деле храбрый мужчина. Его сердце будет биться для меня в груди моего Принца. А до того я великодушно дарю тебе и ему три дня.

Конан услышал достаточно. Итак, он будет принесен в жертву какому-то гнусному магическому ритуалу! Он резко сел. Рядом с ним в постели покоился мертвый (или бесчувственный) черный человек героических пропорций.

Лемпариус и Дювула лежали на подушках неподалеку от кровати. Оба были раздеты. Они уставились на Конана.

Конан держал руки у лица. Потом набрал в грудь воздуха и коротко, гортанно вскрикнул. В тот же миг молодой воин натянул изрядно пожеванные шнуры, связывающие его запястья. Мышцы плеч и спины зашевелились, суставы затрещали. Неожиданно ткань подалась. Глухой треск — и руки свободны.

Конан схватил ближайшую к нему шелковую подушку и швырнул ее в Лемпариуса. Подушка была мягкой, но увесистой. Она угодила в нож, который выхватил Лемпариус, и вместе с оружием упала на пол. Лемпариус зашатался и рухнул на голую спину.

Не теряя времени, Конан нагнулся и рванул веревки на ногах. Едва он успел освободить ноги и поднять глаза, как увидел, что Лемпариус уже вскочил.

Конан прыгнул ему навстречу. Сенатор, конечно, человек с быстрой реакцией, но и киммериец ведь не увалень. Прошла всего доля секунды, и Конан схватил сенатора мощными руками за кисти рук. Когда тот сделал попытку резко ударить его по колену, Конан зажал его ногу. Сенатор ощутил новое неделикатное прикосновение к поврежденной благородной части тела. Оба противника сцепились и рухнули на пол. Конан был сильнее, это он знал, но прежде чем он победит, все равно должно пройти какое-то время.

Тонкие волоски на запястьях Лемпариуса начали густеть прямо под ладонями Конана. Странная игра света делала лицо сенатора неподвижным, как маска, и слегка вытянутым…

Кром! Он не был больше человеком! Он начал превращаться в крупного хищника! Во рту выросли клыки, на пальцах когти, и то, что было сенатором Лемпариусом, рычало и пыталось отгрызть Конану голову!

Выругавшись, он изо всех сил отшвырнул в сторону это существо, наполовину человека, наполовину хищную кошку, так что чудовище грохнуло о стену.

Пантера-оборотень! Конан знал о вервольфах, о людях, которые умели превращаться в волков, но никогда еще ему не доводилось слышать о превращении в кошку. Драться голыми руками с такой противоестественной тварью ему было вовсе не по душе. К тому же, говорят, обыкновенное оружие не может повредить оборотню. Так что ему не помог бы сейчас и его широкий меч.

Пантера оттолкнулась от стены и приземлилась на мягкие подушечки лап. Она повернулась, зарычала и зафыркала угрожающе. Медленно-медленно приближался зверь к киммерийцу. Он мог бы поклясться, что пантера улыбалась!

Оружие! Ему нужно оружие! Конан озирался по сторонам, но здесь ничего не было. Нет, стоп! Кривой нож Лемпариуса лежал возле самых босых ног киммерийца. Он быстро поднял

стальной зуб. С ножом в руке он почувствовал себя лучше.

— Не смей убивать его! — взвизгнула Дювула.

Конан бросил взгляд на женщину: она вступилась за него, а не за пантеру. Хищник не обратил на просьбу никакого внимания. Но когда Конан выставил кривой нож, оборотень остановился и зашипел.

Конан метнул взгляд на нож. Поскольку оружие принадлежит Лемпариусу, оно обладает, вероятно, какими-то особенными свойствами, которых Конан не знал. Может быть, оно-то и способно уничтожить оборотня?

Для Конана мысль и поступок часто сливались воедино. Он подскочил к пантере с изогнутым ножом в руке. Зверь хотел ударить его лапой, но тут же предусмотрительно отдернул ее, когда Конан увернулся. Киммериец увидел, что лишь несколько шагов отделяют его от двери спального покоя. Ну что ж, пришло время прощаться! Он начал яростно размахивать перед собой ножом, чтобы отгонять пантеру и без помех отойти к выходу, двигаясь спиной вперед. Зверь рычал, но слишком близко не подходил.

Конан добрался до двери, пнул ее и выскочил наружу. Кошка решилась на отчаянный прыжок и лапой задела ногу Конана. Киммериец ответил ударом своего оружия, похожего на клык. Жуткая тварь взревела от боли и поспешно отдернула лапу. В солнечно-желтом мехе стала видна карминно-красная резаная рана. Пантера отступала, угрожающе рыча. В этот момент Конан захлопнул обитую медными пластинами тяжелую дверь. Так как в коридоре он не обнаружил ничего, что было бы в силах его задержать, он бросился бежать. Киммериец мчался так, словно за ним гнались демоны.

Не оборачиваясь…

Глава тринадцатая

Сенатор отбыл домой. Ему нужно было срочно созвать своих ищеек. Дювула сидела одна в своем будуаре и задумчиво изучала безжизненную фигуру Принца. Сказать, что она была зла, было бы самым крупным преуменьшением, какое знал тогдашний мир. Она осатанела. Лемпариус выглядел в ее глазах законченным идиотом. Вообразить, что этот маскарад с пантерой изменит его анатомию или сделает его неотразимым в постели! Но еще более скверным было то, что превосходный экземпляр сильного мужика сумел улизнуть. За это сенатор еще заплатит!

И кроме того, имелся Логанаро, посредник. Предатель! Варвар, которого он собирался продать, и Конан — один и тот же человек. И эта жирная жаба предлагает его претенденту на ее постель! Подобную ошибку этот слабоумный будет искупать долго, очень-очень долго и мучительно! А между тем человек, отрубивший руку ее брату-демону, был уже вне пределов досягаемости. Дювуле срочно требовалось сорвать на ком-нибудь свою злость.

Пурпурно-красный дым, пронизанный желтыми вспышками, заполнил ее будуар. Посмотрим, посмотрим! Кого же это принесло? Кто выбрал столь удачный момент для визита?

Пригнув голову, чтобы не стукнуться о потолок, перед ведьмой стоял Дивул.

— Сестрица, — проскрежетал он, — я чую, что ты изловила мою дичь.

Дювула пронзительно захохотала.

— Лучше поздно, чем никогда, верно, братишка?

— Не говори со мной загадками, женщина!

— Удрал он, удрал твой Варвар-Отсекатель-Рук! Благодари за это безмозглого сенатора, который вообразил себя бесподобным Копьеносцем.

— Я сделаю из его пустого черепа суповую миску!

— Ну нет, братец! Он — мой! Мне не составит большого труда выследить нашего общего друга, потому что у меня остались его одежда и меч. Я наговорю тебе специальные заклинания, чтобы ты мог вычислить его с математической точностью. Но прежде, чем вымещать на нем свою злобу, доставь его мне.

— Не обманешь, сеструха?

— Нет. Но скажу тебе еще раз: ты можешь делать с этим человеком все, что захочешь, но только после того, как я выну сердце из его живого тела.

Дивул хмыкнул.

— Ты все еще возишься со своей новой игрушкой? — Демон мотнул головой в сторону постели Дювулы. — Я могу достать для тебя в преисподней и получше, сестренка. Да и сам я с удовольствием отдам себя и свои достоинства в твое распоряжение…

— Нет уж, спасибо! — прервала его Дювула. — Я еще не сошла с ума, чтобы улечься под демона, независимо от того, насколько он хорош и опытен. Цена слишком велика.

Дивул засмеялся.

— Ладно, будь я на твоем месте, я, наверное, тоже отказался бы. Но ведь предложить-то не грех, верно?

— От тебя я ничего другого и не ждала, братец. А теперь извини. Мне еще нужно приготовить заклятия.

Витариус, пораженный, вскинул глаза на Конана, вломившегося в комнату.

— Где вы пропадали? — спросил старый волшебник. — Мы ждали вас сегодня утром…

— Ладно, я потом объясню. Вы достали припасы? Можно ехать?

— Да. Элдия и ее сестра сейчас у торговца. Я решил, что лучше дождусь вас здесь, потому что»

— Тогда идем, Витариус!

— Вы достали деньги?

— Нам нужно спешить, старик. Не будем терять времени. Возникли некоторые трудности, пока я улаживал это дело. Чем скорее городские ворота останутся у нас за спиной, тем лучше.

Конан торопливо свернул в кривой переулок и увидел, наконец, Элдию и Кинну, которые стояли возле четырех лошадей. Старшая из сестер присмотрела себе толстый, обитый медью шест. Увидев киммерийца и Белого Мага, Кинна тотчас заговорила:

— Конан! А где твоя одежда?

— Было жарко. — ответил он.

Молодая женщина хотела спросить еще что-то, но было очевидно, что для пользы дела лучше держать рот закрытым, поэтому она замолчала. Конан прошел мимо нее к магазину.

Хозяин лавки оказался тщедушным человечком с темной кожей. В свете полуденного солнца, ломившегося в широкие окна, отчетливо сверкал его золотой зуб. Он без особой охоты выставил сей предмет роскоши, когда к нему подошел молодой великан.

— Мне нужен меч, — сказал Конан. — Длинный и тяжелый. И плащ.

— И то я другое в большом выборе имеется на складе, — отозвался человек с золотым зубом. — А также штаны, туники, сапоги.

— Сапоги — это вещь.

Хозяин магазина повел Конана на свой склад. Конан начал примерять сапоги, но все они были ему малы. Он взял сандалии на толстой подошве и с ременным переплетом. Сойдут и такие, он ведь поедет верхом, а не поплетется своим ходом.

Хозяин набросил ему на плечи шерстяной плащ цвета индиго. Конан кивнул. Недурно. Наконец он принялся искать меч. Он нашел один с обоюдоострым клинком, который укладывался в расстояние от середины груди до кончиков пальцев вытянутой руки. Рукоять и чашка были украшены более вычурно, чем хотелось бы киммерийцу, но сталь на вид казалась неплохой, и острие было заточено так, что можно было сбривать волоски на тыльной стороне ладони. Лучше всего было бы получить назад его старый меч, но и этот выглядел вполне подходящим.

— Умный выбор, — сказал Золотой Зуб. — Выкован из полос крепкой и надежной стали. Это было далеко отсюда, в Туране, и…

— Ты разбираешься в драгоценных камнях? — перебил его Конан.

— Само собой, само собой. Я-.

— Тогда посмотри на эту игрушку!

Конан вынул из кошелька изумруд, единственный свой трофей, оставшийся после набега на дом Лемпариуса. Он подбросил камень вверх.

Золотой Зуб ловко подхватил его на лету. Он поднес камень к свету и впился в него взглядом. Затем выудил из кармана куртки увеличительное стекло и с помощью этого инструмента принялся исследовать камень. Конан смотрел, как глаза у Золотого Зуба лезут на лоб.

— Ну?

— Он… э… не очень ценный, — сказал Золотой Зуб. Судя по тому, как говорил торговец, можно было решить, что во рту у него пересохло.

— Этого достаточно, чтобы заплатить за наше снаряжение?

Торговец хотел было улыбнуться, но замер, и лицо у него перекосилось.

— Ну… э». он мог бы покрыть стоимости. э-э. — ну, скажем, половины… Где-то так.

Конан довольно часто имел дело с людьми вроде этого Золотого Зуба. Они без длительных раздумий надуют собственную мамашу, прежде всего, конечно, в тех случаях, когда речь заходит о деньгах.

— В Заморе, — заявил Конан, — за камень такой же ценности давали дюжину лошадей и припасов в пять раз больше, чем продал нам ты.

Глаза Золотого Зуба сузились, но голос звучал равнодушно:

— Все может быть, да мы-то не в Заморе! Наверное, я смогу засчитать этот… э… камешек— в уплату трех четвертей той суммы, что вы мне должны.

Конан покачал головой. Его синие глаза прямо-таки сверлили торговца.

— У меня слишком мало времени, чтобы транжирить его на твой убогий блеф Ты можешь взять камень в качестве платы за наше снаряжение. Это последнее слово.

— Ах, так? А мне показалось, что и я могу вставить в разговор словечко, чужестранец. Я ведь могу и не покупать.

Однако, явно противореча собственному высказыванию, он сжал изумруд в кулаке. На хитрой роже торговца была прочно оттиснута алчность.

Конан извлек новый меч из еще жестких кожаных ножен и приставил острие к горлу торговца.

— Прекрати свое елейное нытье, торгаш! Покупай, продавай и живи! Не подвергай себя излишним опасностям!

— Я.» э… могу… э… позвать моих людей. — — Голос Золотого Зуба дрожал.

— Ну так зови! — потребовал Конан. — Это доставит мне несказанное удовольствие. Обильные пятна крови на твоем барахле будут, несомненно, иметь большой успех у покупателей. Давай, зови!

Золотой Зуб глотнул и снова облизал губы.

— Я нахожу— э-э… я готов нести убытки… и согласиться на ваш обмен… э-э… в интересах дальнейших… э… деловых контактов.

Конан ухмыльнулся.

— Я так и думал, что ты не совсем осел.

Он повернулся и в развевающемся плаще вышел на улицу, где его ждали Витариус и сестры.

— На коней! — приказал Конан. — Пора расстаться с этой кроличьей обителью.

Лемпариус поднял левую руку и яростно взревел:

— Пятьдесят золотых тому, кто доставит мне варвара! И медленные пытки тому, по чьей вине варвар умрет прежде, чем я увижу его.

Сто человек посмотрели на сенатора и согласно кивнули. Никто не произнес ни слова.

— Вперед! Я не допущу, чтобы он ускользнул! Вооруженные люди быстрым шагом вышли со двора. Сенатор сжал в кулак левую руку. Правая была туго забинтована и покоилась на повязке, — Лемпариус берег рану, проникшую до кости. Конан распорол сенатору руку от локтя до запястья. Если бы рана была нанесена обыкновенным оружием, от нее бы уже не осталось и следа. Но поскольку речь шла о его собственном ноже, повторяющем по форме

клык саблезубого тигра и скрывающем в себе заклятье Кошки, лечение затянулось, и рана заживала так же медленно, как у любого простого смертного.

Проклятый варвар! Он еще успеет изучить науку боли, как только его доставят сюда. Дювуле больше не понадобится его сердце, в этом Лемпариус был уверен, потому что он сам сможет утихомирить ее бешеный темперамент. А Конан сильно задолжал ему — за рану и за позор.

Логанаро был близок к панике. Конан и его спутники навострились бежать. Это было ясно и идиоту. Как задержать их? Мысль о том, чтобы пойти наперекор Лемпариусу, заставляла толстяка дрожать мелкой дрожью. Но перспектива сцепиться с могучим и диким варваром была еще менее вдохновляющей.

Прямо на глазах у Логанаро эти четверо сели на лошадей. Великий Яма! Он не может дать им просто уйти. Как угодно, но он обязан любыми байками, любым враньем задержать варвара в Морнстадиносе, пока не подоспеет помощь.

С этой мыслью Логанаро побежал вперед. Его мозги работали изо всех сил.

— Господин! Господин! — воззвал он. — Постойте, одно мгновение! Ведь вы вспомнили меня, правда? Я Логанаро. Мы встречались с вами в той деревне…

Он остановился и уставился на Конана. Две вещи мгновенно бросились ему в глаза. Во-первых, варвар угрожающе тронул меч — новый, судя по внешнему виду, — а во-вторых, и это было ужасно, за пояс его был заткнут кривой нож Лемпариуса!

Конан смерил толстяка мрачным взглядом. Охотнее всего киммериец раскроил бы ему голову, но для этого здесь было слишком людно. Кто-нибудь наверняка начнет призывать блюстителей порядка, вмешиваться, все испортит. А у него и без того немало неприятностей. Потом Конан набрел на удачную мысль и припомнил тот разговор, который подслушал в спальне ведьмы, пока притворялся спящим.

— Нет, Жирное Брюхо, — сказал он. — Не стану я марать мой новый меч о твой труп. Много чести.

— Молодой господин, что вы имеете в виду? Я еще ничего вам не сделал.

— Однако нельзя сказать, что ты не пытался! Ты узнаешь этот нож, верно?

— Н-нет. Я никогда его не видел.

— Прежний его владелец — твой господин, подлец! Я говорю о Лемпариусе, сенаторе, пантере-оборотне!

— Пантера-оборотень?

— Ах, ты этого тоже не знал? Ну, плевать. Для тебя это уже неважно, потому что ты почитай уже покойник. Имеется также одна женщина — ведьма…

— Дювула! Конан улыбнулся.

— Так, ее ты тоже знаешь? Очень хорошо для тебя, потому что как раз она собирается сварить суп из твоих потрохов.

— Но… почему, почему?

— Твой прежний повелитель выдал тебя ей, дворняга. Кажется, дама не осталась равнодушной к твоим привычкам менять хозяев, как перчатки. Поскольку ты хочешь служить двум господам одновременно, то оба они решили прикончить тебя, так сказать, совместными усилиями

— Нет!!!

Конан рассмеялся.

— Будь я на твоем месте, Жирное Брюхо, я перенес бы свой бизнес в какой-нибудь

другой город. Или даже в другую страну. Причем быстро.

Логанаро помчался прочь, ругаясь во весь голос. Конану редко выпадало видеть что-либо настолько смешное. Он хохотал так, что едва не рухнул с лошади.

Витариус сказал:

— Я и не знал, что вы знакомы с таким отъявленным плутом, как Логанаро.

— Очень поверхностно, — ответил Конан.

Витариус повел их по узким переулкам к западным воротам Морнстадиноса. Элдия и Кинна следовали за ним, а Конан замыкал процессию и зорко следил за тем, нет ли погони или слежки. Один раз он видел отделение солдат сената, но они только перешли дорогу и двинулись дальше. Вот и хорошо.

Западные ворота охранялись только одним стражником. Он оперся на свою пику и погрузился в оживленную беседу со смуглой, стриженой, обильно накрашенной девкой. Когда Конан проезжал мимо, тот как раз врал насчет денег и вообще никого не замечал.

Солнце уже перевалило за полдень, когда все четверо беспрепятственно покинули Морнстадинос. Конан не мог припомнить места, которое он покидал бы столь охотно. По сравнению с интригами и двоедушием граждан Морнстадиноса, нападение на чародея в его защищенной колдовством цитадели казалось ему детской забавой.

Глава четырнадцатая

Немало часов прошло после того, как четверо путников выехали из западных ворот города, и только тогда они сделали первую остановку, чтобы дать лошадям отдохнуть. Конан не обнаружил на дороге других путников. Коринфский тракт был пуст.

Витариус пил из меха. Вино стекало ему в рот тонкой струйкой и капало с подбородка. Потом он передал мех Конану, который пил много и шумно.

Элдия и Кинна направились к густому кустарнику.

— Будьте осторожны! — крикнул Конан им вслед. Кинна показала на свой шест.

— Не беспокойся. Этой штукой я убиваю кроликов и тушканчиков. Витариус заметил:

— Вы хотели что-то рассказать, Конан.

— Верно.

Конан поведал о своих последних приключениях. Вскоре после того, как он начал говорить, сестры вернулись назад. Когда он закончил рассказ, Кинна покачала головой.

— Мне кажется, Конан, твою жизнь охраняют боги.

— Может быть, и так. Но я не рассчитываю на их помощь. — Он погладил жесткой ладонью свой меч. — Сталь куда надежней. Хороший меч делает все, что потребует от него человек. И сам он — как верный друг. Боги действуют по своему усмотрению, и полагаться только на них в минуту опасности нельзя.

— Ты думаешь, что сенатор отрядил за нами погоню? — спросила Элдия.

Киммериец пожал плечами.

— Возможно. Он не слишком-то меня жалует. Если' любитель потаскушек, который нес вахту у ворот, вспомнит, как мы проезжали мимо, Лемпариус наверняка спустит на нас своих собак. Я смотрел назад с холма, но не видел на дороге никаких облаков пыли. Если нас и преследуют, то у нас, по крайней мере, в запасе несколько часов.

— Это наименьшая из наших забот, — сказал Витариус. — У Совартуса есть некие… дозорные на дороге, ведущей из Морнстадиноса. Мы находимся еще в пяти днях езды до равнины Додлигия, где стоит его отвратительный замок. Прежде чем мы доберемся до нее, нам придется пройти мимо всех его стражей… Я уж молчу о Блоддольковом Лесе.

— Блоддольков Лес? — переспросил молодой киммериец.

— Да. Место, где бродят странные существа и растут еще более странные деревья. Он расположен на севере, немного в стороне от коринфийской дороги. Нам придется идти через него, чтобы добраться до владений Совартуса. Редкий путник выбирает эту дорогу. А из тех, кто отважился на такое, лишь немногие возвратились назад.

Конан пожал плечами. Лес этот был где-то в будущем, и не стоило ломать из-за него голову сейчас.

— Поехали дальше, — сказал он. — Если за нами все-таки гонятся, то к нам подходят ближе, пока мы рассиживаемся.

Все четверо сели на лошадей и двинулись в путь.

Дювула металась по комнате. Ее обнаженное тело блестело от пота. Она стонала и прижимала к себе одежду, которую тискала в руках. Одежду Конана.

Дивул глазел на нее с любопытством. Вид обнаженного женского тела не пробуждал в нем никаких инстинктов. Единственное, что его занимало, была поимка варвара, который посмел поднять на него руку.

Дювула опустилась на пол. Потом поднялась с тяжелым вздохом, швырнула одежду и сказала, обращаясь к своему родственнику из преисподней:

— Он скачет по коринфийской дороге, вместе с девчонкой и двумя остальными. Они уже полдня как в пути.

Дивул кивнул:

— Отлично. Тогда я пошел.

— Будь осторожен, брат! Со времени вашей последней встречи он не стал слабее.

Дивул поднял поврежденную руку. Из обрубка уже начали вырастать новые пальцы.

— Я научился быть осмотрительным, когда встречаю Огненное Дитя. Для нападения я выберу правильный момент.

— Очень советую. И помни вот о чем: я хочу иметь живое сердце варвара

— а как будет выглядеть все остальное, мне безразлично.

Дивул усмехнулся. С его пальцев капала слизь.

— Получишь, сестричка. Ему оно больше не понадобится, если я наконец доберусь до него. Испуская зловещее сияние, Дивул исчез.

Три дня спустя после того, как Конан сбежал из ее будуара, к Дювуле явился посетитель. Собственно говоря, гостей было двое: Лемпариус и с ним Логанаро.

Подталкивая толстяка перед собой, сенатор приволок его в комнату. Руки Логанаро были связаны, жирное лицо покрыто потом и искажено страхом.

— А вот и подарок для тебя, дорогая, — провозгласил Лемпариус.

Дювула улыбнулась, сверкнув ровными белыми зубами.

— Нет, ну как это мило с твоей стороны, Лемпариус! Это как раз то, чего я так хотела!

— Хорошо. Я так и думал. И еще одно, любовь моя. Я тоже кое-чего хотел.

Улыбка Дювулы стала еще сердечнее.

— Понятно. А как твое… ранение?

— Первое… первое зажило. Резаная рана тоже вот-вот заживет. Я велел зашить ее волосами из гривы саблезубой кошки.

— Тогда вперед! Идем в мою спальню, Лемпариус. А Логанаро с удовольствием подождет нас тут, — правда, Логанаро?

Логанаро был чересчур перепуган, чтобы говорить. Он только тупо кивнул.

Дювула взяла Лемпариуса под руку и прошествовала с ним к постели.

Прошло очень много времени. Во всяком случае, так показалось Логанаро. Время от времени из спальни, доносились короткие выкрики, но посредник знал, что кричат не от боли.

Ему чудилось, что он ждет уже годы — хотя прошел всего час, — прежде чем снова открылась дверь и в комнату ввалился Лемпариус. Он выглядел так, словно возвращался с поля боя. Лицо его пылало, обнаженное тело лоснилось потом. Он двигался неверным шагом человека, вдвое старшего, чем он был. Вскоре следом за сенатором в приемную вышла и Дювула. Она тоже была голая.

— Ну что ты, Лемпариус! Идем! — сказала она. — Мы же только начали. Лемпариус затряс головой.

— Нет, женщина! Я полностью выдохся. Ты выпила из меня все соки. Не могу я больше.

— А как же твоя телесная мощь? — Голое ведьмы звучал сладко и нежно, как у девственной послушницы.

Лемпариус глотнул. Он бы лучше прилег сейчас прямо на пол.

— Не издевайся, баба! Ни один мужчина не мог бы сделать больше.

— Ну, здесь ты себя переоцениваешь. Еще как смог — и, кстати, не один! — сказала Дювула. Голос ее стал немного жестче. Она сжала руку в кулак и уперла его в обнаженное бедро.

Лемпариус зарычал. Этот звериный рык нагнал нового ужаса на несчастного посредника.

— Факт остается фактом, — продолжала Дювула. — Евнух с легкостью повторил бы все твои «подвиги». Во всяком случае, я так предполагаю.

Сенатор оборвал ее:

— Ведьма! Ты еще раскаешься!

Полный страха, Логанаро увидел, как человек, которого он знал, начал меняться, постепенно превращаясь в золотистую кошку, яростно хлеставшую себя хвостом по бокам. Хищник зарычал, пристально глядя на женщину.

Логанаро медленно передвинулся к выходу. Сердце его стучало, как взбесившийся барабан.

— Так, — произнесла Дювула, — ты хочешь повесить мне на шею еще и это животное?

Пантера сделала шаг вперед.

Логанаро плотнее прижался к двери. Ему показалось, что оба противника не обратили на это внимания. Во имя Митры, Ямы и Сэта! Если он выберется отсюда невредимым, он лучше станет монахом и никогда-никогда-никогда, покуда жив, не совершит больше нечестного поступка!

Дювула поднесла к лицу сжатый кулак.

— Ты не умеешь проигрывать, сенатор. Превращайся назад в человека и проваливай отсюда! Тогда я, может быть, прощу тебе твое плохое поведение…

Хищная кошка приблизилась еще на шаг. Хвост яростно хлестал по ребрам. Она присела и приготовилась к прыжку.

Логанаро уже добрался до двери. Связанными руками он поднял засов.

Дювула резко выбросила вперед кулак, сунув его пантере под нос, и разжала пальцы. Тонкая белая пыль полетела зверю в морду. *У* Кошка чихнула — один, два, три раза. Потом отвернулась и принялась тереть лапой нос.

— Я заколдовала тебя, киска, бывший сенатор! — сказала Дювула с насмешливой улыбкой. — С этого часа ты не сможешь больше никогда сделать три вещи: ты не сможешь напасть на меня, ты не сможешь изменить свой теперешний облик и стать прежним, и ты никогда не сможешь овладеть пантерой-самкой, если таковую найдешь.

Ведьма засмеялась низким горловым смехом, развеселившись до глубины души.

Пантера фыркнула и подскочила к женщине. Но в двух шагах от ведьмы она наткнулась на невидимую стену. Кошка отскочила и прыгнула снова. И снова невидимая стена отшвырнула зверя назад.

Дювула приложила ко рту руку, издевательски хихикая.

Логанаро больше не медлил. Он рванул дверь и пустился наутек. Кто бы мог подумать, что этот шарообразный пройдоха в состоянии развивать такую скорость! Он остановился только тогда, когда проделал половину пути до западных ворот. Торопливо отдышавшись, он стремительно полетел дальше.

— Здесь мы встанем на ночь, — заявил Конан. Впереди был виден уже край леса, которого так боялся Витариус. Несмотря на свою внешнюю беззаботность, киммерийцу

вовсе не улыбалось разбивать лагерь в подобном месте.

Спустились сумерки. Конан собрал дров для костра. Ему постоянно казалось, что за ним наблюдают. Несколько раз он стремительно оборачивался, но никого здесь не обнаружил. Однако он научился доверять своему инстинкту, поэтому решил держать ухо востро.

Когда он рассказал об этом Витариусу, старик кивнул.

— Я тоже чувствую взгляды невидимых глаз, которые направлены на меня. Может быть, это всего лишь дикие звери, но не надо забывать, что мы уже недалеко оі Леса. Поэтому я и счел необходимым принять меры предосторожности. Я применил одно небольшое колдовство Волшебное кольцо, которое окружает наш лагерь. Если что-нибудь крупнее мыши приблизится к нам, мы это тотчас услышим.

Конан нехотя кивнул. Если бы спросили о его мнении, он бы ответил, что с удовольствием отказался бы от любых видов чародейства. Но если кто-то — или что-то — наблюдает за ним, причем так, что ускользает даже от острых глаз варвара, то это, скорее всего, существо наподобие ламии. Конану и одной-то ведьмы хватило по горло. Витариус может спокойно накладывать свои заклятия — Конан будет спать, не снимая руки с меча. И не слишком крепко.

Когда запылал костер, киммериец почувствовал себя лучше. Ни один зверь не осмелится подойти к огню близко.

После холодного ужина — сушеной свинины и овощей — Витариус завернулся в свое одеяло и тотчас уснул. Элдия вскоре последовала его примеру. Она улеглась поближе к огню. Когда тени пробегали по ее лицу, она казалась совсем малышкой.

Кинна подсела к Конану. Некоторое время оба безмолвно смотрели в костер. Киммериец чувствовал близость молодой женщины и жар ее тела — совсем иное тепло, чем то, которое дает огонь.

Наконец Кинна нарушила молчание.

— Для меня это все так непривычно. Ты много бродил по свету и пережил немало приключений. А я, наоборот, провела всю свою жизнь дома, ведь я дочь крестьянина и никогда еще так далеко не отлучалась. До сих пор.

Конан посмотрел на молодую женщину, но промолчал.

— Я никогда еще не встречала человека, который был бы таким смелым и таким сильным, как ты, Конан. Ты играешь своей жизнью ради того, что не имеет к тебе никакого отношения.

— Совартус задолжал мне за лошадь, — сказал он. — И вообще, он доставил мне целую кучу неприятностей. Из-за него на меня кидаются всякие ведьмы и прочие гнусные бестии. Мужчина приходит за своим долгом.

Кинна ласково положила руку на его сильное плечо.

— Та ночь в харчевне, когда бушевал ураган… Ты помнишь, как мы хотели проверить, плотно ли закрыто окно В твоей комнате — еще до того, как нам помешали?

Конан улыбнулся.

— Ну конечно, разве такое забудешь?

Она провела рукой по его голой спине под плащом.

— Может быть, мы могли бы сейчас…

Конан протянул руку и сгреб Кинну к себе под плащ. Потом заглянул ей в лицо и проговорил:

— Ну вот! Я уверен, что для нашей инспекции все готово.

В двадцати шагах от кольца оранжевого света тихо заворчал Дивул, который без всякого удовольствия глазел на варвара и женщину. Внешняя граница заградительного круга — творения Белой Магии — поблескивала едва заметно на расстоянии вытянутой руки от демона. Любое прикосновение к полосе заколдованного воздуха вызовет такой шум и озарит лагерь таким светом, что все местные покойники повыскакивают из могил. Злобно наблюдая за парочкой, Дивул скрежетал своими похожими на кинжалы клыками.

— Ты еще поглядишь, как я ее истерзаю, прежде чем сам подохнешь, человечишка. Ты еще повизжишь, умоляя, чтоб я добил тебя. Придет, придет твое время. Полуночная луна висела над двумя сонными часовыми у западных ворот Морнстадиноса. На ясном небе горели звезды. Их свет смешивался со светом коптящих факелов на стенах. И тут люди совершенно отчетливо увидели на улице золотистую пантеру, которая двигалась прямо на них. Зверь бежал настолько стремительно, что у стражников не осталось времени даже на то, чтобы спрятаться, и кошка пролетела мимо и пропала в темноте за аркой ворот.

Позднее оба охранника клялись, что они не были пьяны и не накурились конопли, и что пантера не привиделась им в мутных грезах. Такое животное было для этой местности редким, но не невозможным явлением. Никто не мог бросить стражникам упрека в том, что они не изловили хищника, потому что зверь появился неожиданно. Однако оба они в своем докладе промолчали о том, что на передней лапе зверя была глубокая резаная рана, которая выглядела почти полностью залеченной… и зашитой. После долгих размышлений стражники нашли, что этой части их истории лучше оставаться за сценой.

Под бледной луной коринфийской ночи двигалась пантера, которая прежде была человеком; скорее кровопийца, чем хищный зверь, У этой пантеры была цель, и она бежала сквозь тьму, свою родную стихию, с одной-единственной мыслью, засевшей в получеловеческом мозгу; с мыслью о смертельной мести Конану — киммерийцу.

Глава пятнадцатая

Открыв глаза, Конан увидел Витариуса, который с улыбкой глядел на него сверху вниз. Вернее сказать, на них, потому что Кинна спала рядом, завернувшись в плащ киммерийца.

— Доброе утро, — произнес старый волшебник. — Нам нужно пораньше встать, чтобы проехать Лес до того, как наступит ночь. А это при самых благоприятных обстоятельствах целый день быстрого марша.

Конан толкнул Кинну. Она улыбнулась во сне.

— Потом, — пробормотала она. — Я устала. Элдия высунулась из-за спины Витариуса и засмеялась.

Почему-то Конан почувствовал себя не вполне уютно, когда девочка посмотрела на свою спящую сестру. Не то что ему и в самом деле стало стыдно, но почти.

— Просыпайся, Кинна! — резко крикнул он. Кинна продрала глаза и улыбнулась Конану. Потом она увидела волшебника и девочку. Она зажмурилась и наконец с трудом покинула страну сновидений.

— Что уставились? — спросила она. — Вы достаточно взрослый человек, Витариус, чтобы уже повидать на своем веку, как мужчина и женщина спят вместе. А тебе, сестра, не нужно ничего объяснять, ведь ты выросла на крестьянском дворе, верно?

— Да, — ответила Элдия и хихикнула. — Конечно, Кинна.

— Тогда уйдите, чтобы я могла одеться. Конан услышал, как Элдия хихикнула, однако девочка ушла к своей лошади, не возражая. Витариус скатал одеяло.

Кинна и киммериец поглядели друг на друга и прыснули.

В лесу их окутал неприятный затхлый воздух. Пахло плесенью и перегнившими за тысячелетия растениями. Высокие ели стояли стеной. Мощная кора напоминала серую черепицу. Толстые ковры осыпавшихся коричневых игл лежали на земле и скрывали под собой корни. В солнечных местах встречались заросли ежевики. Но света здесь было мало. Зеленая листва, как ни странно, не давала свежести. На путников давил тошнотворный тяжелый дух. Не пела ни одна птица, не жужжало ни одно насекомое, не прошуршал ни один зверек. Конан теперь хорошо понимал, откуда у Витариуса такое отвращение к этой местности. Он высказал свои мысли вслух.

— И это только край леса, — заявил Витариус, — глубже, в чащобе, вообще появляется чувство, что все вокруг отравлено.

Конан содрогнулся. В последнее время он почему-то все время связывается с разнообразными сверхъестественными штуками. Это ему совершенно не нравилось.

Был слышен только стук копыт по дороге, хотя густая растительность, казалось, проглатывала все звуки. Деревья придвигались все ближе. Свет стал совсем тусклым.

Конану показалось, что он видит, как что-то красное мелькнуло между деревьев и спряталось за могучим стволом примерно в тридцати шагах от них. Внимательно посмотрел туда, но ничего не увидел. Почудилось? Он хотел было подъехать и поискать, но оставил эту затею. Лучше поскорей добраться до другого края Леса, пока не наступила ночь.

Около полудня они остановились, чтобы дать лошадям роздых, перекусить и размяться после долгой езды верхом. Густые кроны деревьев загораживали солнечный свет. Довольно неприятно было сознавать, что солнце стоит в зените, яркое и светлое, но **его** лучи почти не проникают сквозь темный колпак леса.

Чувство, что за ним наблюдают, не оставляло Конана.

— Не расходитесь! — сказал он остальным.

— Если я не ошибаюсь, — сказал Витариус, — тут неподалеку течет река. Нам придется переправляться через нее, она пересекает дорогу. Но в такое время года сделать это нетрудно. А вот весной она превращается в ревущий поток.

Конан молчал. Он снова заметил красноватое мерцание между деревьев. Ну, хватит, подумал он и вытащил меч.

— Что ты хочешь делать? — спросила Кинна, почесывая свою лошадь за ухом.

— Кто-то шляется вокруг нас, — ответил киммериец. — Теперь он спрятался в лесу. Хотел бы я знать, кто он и что ему от нас нужно.

Витариус поднял костлявую руку.

— Уберите ваш клинок, Конан! В подобных лесах постоянно видишь, как вокруг выплясывают разнообразные странные создания. Как правило, жители леса безобидны, самое большое — любопытны. Лучше не делать их своими врагами.

Конан опустил меч. Наверное, старик прав. Пусть эти жители Леса глазеют на него, лишь бы держались подальше. А вечером они уже доберутся до равнины.

Через час они вышли к реке, о которой упоминал Витариус. Но как им перебраться на другой берег? Огромное дерево упало на тропу, ведущую к броду, и лежало прямо у кромки воды. Человек еще может вскарабкаться на толстый ствол, но лошадь — вряд ли. Они, конечно, могли бы объехать упавшее дерево, но тогда возникали другие сложности.

— Здесь единственное мелкое место на милю в обе стороны, — объяснил Витариус. — На повороте река намыла песок. По обе стороны от брода глубина достигает двенадцати шагов. Если мы поедем в обход, мы потеряем слишком много времени.

— Мы не можем пережечь ствол? — спросила Элдия.

Конан посмотрел на девочку, потом перевел взгляд на старика. Волшебник покачал головой:

— Нет. Естественному огню на это потребуется несколько дней. А если мы используем известные силы, желая ускорить события, вполне вероятно, обратим на себя внимание, что весьма нежелательно. Кое-какие существа почувствуют притяжение огромной энергии. Существа, с которыми я предпочел бы не встречаться.

— Что же нам тогда делать?

— Ехать в обход, — ответил Конан. — Можно подумать, что наши лошади умеют плавать. Лично мне в этот их дар верится с трудом. Если следующий брод находится всего в одной миле от этого, мы сможем перебраться на другой берег и через один-два часа снова выйти на нашу дорогу.

— Это значит, что нам придется провести ночь в лесу, — добавил Витариус.

Конан пожал плечами. Изменить-то ничего нельзя. Когда они проезжали мимо корней упавшего дерева, ему бросилось в глаза то, что земля на корнях была еще влажная и свежая. Странно. С тех пор, как они покинули Морнстадинос, не было ни одной бури.

После получасового марша путники добрались до излучины, где река была мелкой. Русло было довольно широким, но вода текла медленно, не быстрее, чем на переправе возле упавшего дерева.

— Здесь, — сказал Конан и направил свою лошадь в воду.

— Конан, подождите! — крикнул Витариус. Он указал на дерево, росшее на противоположном берегу.

Конан стал рассматривать дерево. У него была странная форма. В десять раз превышая рост человека, оно, скорее, напоминало колючий кустарник. Ко— ' лючки были невероятной длины. У подножия валялись какие-то отбросы. Киммериец прищурил глаза и разглядел: кости. Скелеты по меньшей мере дюжины зверей — от мускусной крысы до кого-то, кто был размером с собаку…

Витариус выпрямился и взял пустой мех из-под вина. Потом подошел к воде и опустил мех в реку. Поплыли пузыри.

— Что вы делаете? — спросил Конан. Витариус выпрямился и завязал горлышко. Ему .*i* было тяжело держать мешок, полный воды.

— Конан, вы можете бросить вот это через реку с корням?

Киммериец спрыгнул с лошади и взял мех.

— Думаю, да. А зачем?

— Бросайте, тогда увидите!

Конан поглядел на старика. Он что, окончательно спятил? Киммериец покачал головой, но сделал Витариусу знак отойти, собираясь размахнуться как следует. Интересно, что старик хочет ему показать? Мех, конечно, лопнет, ударившись о ствол, и колючее дерево бесплатно получит воду, вот и все.

От места, где стоял Конан, до дерева было около пятнадцати шагов. Он раскрутил над головой кожаный мех и при последнем обороте выпустил сосуд с водой из рук.

Мех двигался медленно, как лист, слетающий с дерева. В нескольких футах от дерева он упал на землю и подкатился к стволу. Мастерица, которая сшила этот мех, заслуживала величайшей похвалы, потому что он не порвался.

То, что произошло потом, разыгралось с молниеносной быстротой. Три ветки стремительно наклонились, словно это были хлысты, сплетенные из ослиной кожи. Дюжина колючек, каждая длиной с палец, проткнула мех, как небольшие копья. Вода брызнула маленькими фонтанчиками. Мех опустел буквально в одно мгновение, и ветви поднялись наверх так же быстро, как и опустились.

Конан повернулся к Витариусу. Лица у Элдии и Кинны были удивленные. Конан мог только надеяться на то, что у него самого был менее глупый вид.

— Я же говорил, что в этом лесу в высшей степени странная флора. Там, на берегу, стоит дерево Поцелуй-Копье, мимо которого пройти довольно трудно.

— Ясно теперь, откуда здесь кости, — сказал Конан.

— Колебание почвы над корнями вызывает ответную реакцию ветвей. Дерево питается кровью и другими соками своих жертв, имевших неосторожность пробежать мимо корней. Чем крупнее добыча, тем больше ветвей направляет дерево, чтобы схватить ее.

По спине Кинны пробежал холодок.

— Ну и что же нам делать? — спросил Конан. Витариус показал на Элдию:

— Малышка-Девочка кивнула, сжала бока лошади пятками и поскакала на мель. Конан хотел было схватить поводья, и Кинна крикнула:

— Нет!

— Ей не угрожает опасность! Пустите ее! — сказал Витариус.

Конан бросил на Элдию вопросительный взгляд. Девочка кивнула:

— Он прав. Со мной ничего не случится.

— Нет!

Кинна тронула лошадь и хотела подъехать к своей сестре, но Витариус преградил ей

путь. Молодой женщине нужно было смести старика с дороги или остановиться.

— Она еще ребенок! Вы же видели, что эта… эта дрянь сделала с мехом!

Но Элдия уже добралась до противоположного берега. Все видели, как вздрогнули ветви дерева при первом прикосновении копыт к земле— …и как они вспыхнули! Ветки, похожие на бичи, угрожающе утыканные острыми шипами, отчаянно раскачивались, но этим они только раздували пламя. Горящее дерево шипело, как жир, капающий в огонь.

Витариус сел на лошадь.

— Маленькая искра, не очень много Силы. Я не думаю, чтобы это выдало нас.

Путь в обход занял у небольшого отряда около двух часов. Когда стемнело настолько, что глаза перестали различать нитку дороги, Конан остановился и обернулся к Витариусу. Тот покачал головой.

— Нам осталось самое меньшее час пути до края леса. Ночью идти опасно.

—Значит, заночуем здесь, — решил Конан.

Дивул присел за деревом, внимательно наблюдая за происходящим. Он не сомневался в том, что Белый Маг снова установит своего магического сторожа. Но избежать разоблачения довольно просто: нужно только заблаговременно попасть внутрь круга. На дороге или позднее, на равнине, будет уже невозможно соблюдать большую осторожность. Для того демон и свалил дерево. Его будущие жертвы, девочка и варвар, потратили из-за этой преграды достаточно много времени, чтобы темнота застала их в лесу.

Дивул пополз поближе к дороге. Хоть он и знал, что темнота делает его почти невидимым, все же он очень старался стать абсолютно бесшумным, насколько это возможно для демона. Трудновато ему пришлось. У демонов мало причин учиться ползать на брюхе. Но ведь было так важно, чтобы его ни в коем случае не обнаружили, и демон был предельно осторожен: ни одна ветка не хрустнула под его тяжелыми мозолистыми ступнями, не зашуршала ни одна травинка. Для того чтобы сделать эти несколько шагов, ему потребовался почти час. Но в конце концов Дивулу удалось оказаться на расстоянии всего двух прыжков от человека, которого он поклялся убить.

— Волшебный сторож установлен, — сказал Витариус. — Теперь мы можем спокойно отдыхать.

Конан кивнул. Однако втайне по-прежнему не доверяя чародейству любого рода, он положил обнаженный меч рядом с одеялом Кинны.

Но когда молодая женщина скользнула ему в руки под шерстяной плащ, он забыл обо всех опасностях, которые таил в себе Лес.

Это был запах. Не шорох, не звук, а именно запах разбудил Конана. Смердящий дух преисподней ударил ему в ноздри. В тот же миг он понял, что демон, с которым однажды он уже сцепился, каким-то образом выследил их. Конан раскрыл глаза и потянулся за своим мечом.

— Ищешь что-то?

Резкий металлический голос демона звучал совсем близко. Конан выбрался из-под одеяла и вскочил на ноги. Красный демон стоял в двух шагах от него. И в руках нечистый держал меч Конана.

Рядом зашевелилась Кинна.

— Конан… что случилось?

Дивул оскалился в усмешке. Он махнул в сторону женщины головой и передразнил:

— «Конан… что случилось?»

Дивул выбросил меч в темноту. Костер уже прогорел, но несмотря на это было так светло, что Конан видел своего врага вполне отчетливо.

— Я — Смерть, Конан, и я хочу взять тебя. Конечно, не здесь. Для начала я приготовил парочку прелестных развлечений.

Кинна села. Конан видел это краем глаза. Меч его пропал, но на месте оставался кривой нож Лемпариуса. Если он сумеет схватить его с одеяла…

— Конан! Где Элдия?

Конан метнул взгляд на одеяло девочки. Пусто. Ухмылка Дивула стала еще шире.

— Я удалил ее. Я не нуждаюсь в том, чтобы она вместе со старой перечницей поливала меня своим огнем. Эдак я не успею закончить мои дела.

Витариус пошевелился.

— Что здесь… о!

— Иди же, оса! — издевался Дивул. — Давай устроим показательное сражение, чтобы я мог позавтракать какой-нибудь оторванной конечностью. Вкуснятина-то, а?

Конан метнулся к своему одеялу и схватил нож. Потом снова встал и направил стальной клык на Дивула.

— Твое жало сильно усохло, оса, — засмеялся Дивул. — Давай, иди сюда с этой штуковиной! Я тебя одной рукой.

Когти Дивула скрежетали, как кинжалы. Конан двинулся вперед.

Дивул прыгнул. Он схватил нож Конана и надавил рукой на спину варвара. Конан почувствовал позвоночником тяжесть демоновой культи. Киммериец хотел пнуть демона коленом в причинное место, но вместо этого врезался в твердокаменное красное бедро. Оба рухнули на землю. Они сплелись, словно действительно устроили состязание в борьбе.

Как бы ни был силен Конан, но в тисках Дивула он казался ребенком. Демон вырвал у него нож и забросил в темноту, где тот, свистнув, и сгинул. Мгновение спустя Дивул отшвырнул от себя молодого великана, как краюху траченного мышами хлеба. Киммериец ударился так сильно, что задохнулся.

Дивул подскочил к нему.

— Ты дался мне слишком легко, оса!

Он хотел схватить Конана. Киммериец увидел, как Кинна раскачивает свой шест, сработанный из тяжелого дерева. Шест просвистел в воздухе, ударил Дивула в спину, в область почки, и разлетелся в щепки. Дивул только хрюкнул и слегка пошатнулся. Потом он повернулся и пошарил вытянутой рукой. Схватив Кинну за плечо, он швырнул ее на землю.

За это время Конан успел подняться на ноги. Он услышал крик Витариуса:

— Конан! Ловите!

Седоволосый волшебник что-то бросил молодому человеку.

Конан ожидал увидеть, как блеснет нож. Но никакого клинка он не обнаружил. На ощупь это было что-то вроде промасленного пергамента, натянутого на деревянную болванку. На одном конце ее было несколько шипов, нечто вроде небольших кинжалов. Конан мгновенно сообразил: отрубленная рука Дивула!

Демон повернулся и взглянул на Конана. Свет костра плясал на его клыках, слизь капала из раскрытой пасти, когда он набросился на человека. Очевидно, он ожидал, что Конан отшатнется, но тот сделал обратное. Он кинулся навстречу чудовищу. У него был только один шанс, и киммериец решил не упускать его. Конан поднял отрубленную руку и изо всех сил ударил когтями по лицу ее бывшего владельца.

Высохшие пальцы растопырились. Указательный и средний пальцы до третьего сустава вонзились в глаза Дивула.

Демон оглушительно взвыл. Вопль его заставил задрожать ночной воздух. В ушах у Конана зазвенело. Он чуть не оглох. Дивул, шатаясь, охватил живой рукой мертвую. Он дергал ужасное оружие, причинявшее ему такие муки, но оно, казалось, приросло к лицу. Все еще завывая, демон упал на колени. Странный оранжевый свет, пронизанный копотью, струился от его лица. На глазах у потрясенных зрителей это сияние охватило все тело демона. Окутав Дивула с головы до ног, оно внезапно погасло. Дивул ничком рухнул на землю. Его тело растеклось, как жидкий воск, и превратилось в красную кипящую лужу, которая расползлась по хвое, и от нее осталось просто жирное пятно— В одной из комнат замка Слотт неожиданно вспыхнула ярким оранжевым огнем тщательно начерченная на каменных плитах пентаграмма. Когда пламя погасло, пентаграмма исчезла вместе с ним…

И в городе Морнстадиносе ведьма Дювула распахнула глаза, внезапно вырванная из своего легкого сна без сновидений. Она закричала; но напрасно было теперь все. Ее брата не существовало больше на земле.

Глава шестнадцатая

В свете костра, разложенного снова, сидели Конан, Витариус и вернувшаяся Элдия. Девочка была перенесена с того места, где она спала, совсем недалеко, в пределах заградительного круга.

— Он должен был находиться совсем близко от нас, когда я читал заклинание, — сказал Витариус. — Граница не была нарушена.

Конана эти подробности не интересовали.

— Что с ним произошло?

Он покосился на жирное пятно, которое раньше было Дивулом.

— Поскольку я принадлежу к Белым, я не мог использовать против Дивула его имя. Демон знал это. Но плоть от его плоти, как выяснилось, — куда более мощное оружие.

Кинна спросила:

— Откуда вы знали, что случится? Витариус покачал головой.

— Я ничего не знал. Белый Круг не учит подобным вещам. Но кое-какие слухи до меня доходили. Когда живешь так долго, то рано или поздно, так или иначе узнаешь что-нибудь эдакое. Много лет назад я наткнулся на древний пергамент, страницу из огромного труда. Одна мудрая душа сожгла его почти без остатка. На этой странице было написано, что плоть, отрубленная от тела демона, вновь воссоединится с прежним своим владельцем, если коснется его. Если бы Конан приложил мертвую руку к обрубку, демон излечился бы от своего уродства. Но, кажется, плоть демона не слишком разборчива — рука приросла к первому же месту, которого коснулась.

Кинну передернуло.

— Вы хотите сказать, что рука пустила корни… в лицо этой твари?

— Кажется, так. Поскольку глаза — вопиюще неподходящее место для руки, то она попросту убила демона.

— По заслугам, — сказал Конан. — Я буду спать спокойнее, зная, что этот выродок из преисподней не наступает мне на пятки.

На обочине коринфийской дороги спал Логанаро, посредник. Спал он беспокойно. Ночной холод пробирал его до костей, несмотря на то, что посредник накопил солидный жирок. У него не было ни одеяла, ни припасов. Все это он в страшной спешке бросил в Морнстадиносе. Ему удалось перегрызть веревки на руках. Но кроме той одежды, что была на нем, он не имел больше ничего.

Толстяка разбудило что-то невидимое глазу. Он проснулся и стал напряженно вглядываться в темноту. До его слуха доносился лишь далекий крик ночной птицы, которая звала подругу. Ночные шорохи, больше ничего. Морнстадинос (и страшный сенатор) далеко, он может не бояться. Здесь он в безопасности.

Он немного успокоился. Конечно, он привык путешествовать в более комфортабельных условиях, но ему недолго быть беглецом. Во многих городах Коринфии у него большие связи. И даже в некоторых маленьких королевствах, расположенных к югу отсюда. Кого-нибудь из своих знакомых он вмиг уговорит снабдить его лошадью. А после этого он уже сможет податься в одно из многих укромных мест, где у него припрятаны сокровища.

Разумеется, Морнстадинос — Алмаз Коринфии, но это же не единственный город на свете. Может быть, он отправится в Немедию или в Офир, а может быть, даже в Коф. Во всех

этих краях у него прочные и солидные связи.

Свое поспешное обещание жить честно и даже уйти в послушники в храм Логанаро вспоминал с усмешкой. Экая глупость! Все призывают богов в минуту большой нужды. Если боги кому-нибудь и помогают, то это их дело, не его. Он уже давал дюжину подобных обетов и тут же нарушал их. Боги, как правило, не проявляли интереса к клятвопреступлениям. Логанаро имел обширный опыт по этой части. Человек делает то, что считает нужным делать в определенной ситуации. А положение меняется быстро, как ветер. Важно только одно: он жив и может снова приступить к своим делам. В преисподнюю богов!

Медленно исчезала на лице Логанаро улыбка, когда он снова заснул, убаюканный криками далекой птицы.

По дороге, освещенной звездами, бежало золотистое существо. Близился рассвет. Пантера дышала устало. Кроме того, она была голодна. С тех пор, как она покинула город, она бежала без передышки. Она поймала только кролика и одного крота. Это не еда даже для дикой кошки и тем более для такого огромного зверя, как пантера. Хищника окрыляла месть, но месть не насыщает, как мясо и свежая кровь.

Словно благосклонные божества услыхали на небесах пантеру. Внезапно в чуткий нос зверя ударил запах свежего мяса. Здесь, прямо перед ней, возле этого дерева? Кошка пошла медленнее и, наконец поползла к своей добыче на брюхе.

Мясо спало. Хорошо! Это упрощает дело. Теперь можно беспрепятственно добраться до глотки и впиться в нее. А если человек окажет сопротивление, то разорвать ему когтями живот и вытащить кишки.

Тихо, как призрак, подкрадывалась страшная кошка. Но несмотря на это, мясо вдруг испугалось. Может быть, интуитивно оно ощутило свой близкий конец. Человек распахнул глаза и попытался вскочить на ноги. Потом вскричал:

— Нет! Только не это! Простите меня, о боги, я выполню обет! Я сделаю все, в чем поклялся! Клянусь!

Хищный зверь, который прежде был человеком, оскалился, показывая длинные клыки. Вот и славно! Именно жирный предатель и послужит ему завтраком! Необычайно все это ко времени, думала пантера, изготовившись к прыжку.

Птица, зовущая в ночи свою подругу, вдруг замолчала. Воцарилась глубокая тишь.

…Если не считать звуков, которые доносились с обочины, где пантера торопливо заглатывала свою жертву.

Когда деревья Блоддолькова Леса остались позади, Конан почувствовал себя намного лучше. Перед ним простиралась большая равнина. Кое-где поднимались холмы и скальные обнажения. Здесь ему нравилось. Здесь человек может заметить опасность еще издалека и подготовиться встретить ее достойно и заблаговременно. И никто не сможет следить за ним, притаившись в двух шагах за деревьями и кустами, от которых отвернулись боги.

Витариус и Элдия ехали бок о бок и негромко переговаривались. Лошадь Кинны следовала за ними, При случае молодая женщина оборачивалась через плечо и улыбалась Конану. Женщина такой редкой красоты и такого страстного темперамента, — нет, Конану не на что жаловаться. Напряжение, мучившее Конана с первой же минуты его встречи с ведьмой, исчезло. Улыбаясь себе под нос, он толкнул лошадь, желая подъехать ближе.

— Эй, Витариус! — крикнул Конан. — Может быть, теперь, когда проклятый лес остался позади, нам сделать привал и позавтракать как следует?

— Считайте, что нам очень посчастливилось проехать лес так беспрепятственно, —

сказал Витариус.

— Посчастливилось? Беспрепятственно? Дерево, явно страдающее какими-то извращениями, чуть не сожрало нас, а красный демон едва не прикончил!

— Это сущие пустяки по сравнению с тем, что выпадало другим. По меньшей мере, мы остались живы и можем рассказать о пережитом, Конан кивнул — здесь старик прав.

Четверо путников остановили лошадей и вытащили солонину и сушеные фрукты, намереваясь закусить. Во время завтрака Конан поделился с Витариусом своими соображениями насчет того, насколько эта местность милее ему, чем коварный лес.

Витариус задумчиво жевал какие-то коричневые слипшиеся в комок плоды.

— Да, в обычной ситуации я бы с вами согласился. Но эта равнина называется Додлигия. Она далеко не так проста, как выглядит теперь. Полдня пути — и мы будем в пределах видимости из замка Слотт. А до него еще один день ехать. На этой равнине тоже встречаются препятствия. Я подозреваю, что мы не сталкивались с часовыми только потому, что едем к самому Совартусу, иначе мы имели бы с ними дело еще на коринфийской дороге. Он просто не ожидает, что муха сама полетит прямо в его паутину. Старик еще раз откусил от своего фрукта.

— Но можете быть уверены, что Совартус не оставит свой замок без охраны, даже если он и не ждет нас. Он наделал себе немало врагов. Слишком многих он с удовольствием бы увидел болтающимися на виселице. А если бы все, кто охотно плюнул на его труп, выстроились друг за другом, то процессия ушла бы далеко за горизонт.

— Я стояла бы первой, — сказала Элдия, чересчур сурово для маленькой девочки.

— А я опередил бы тебя, чтобы успеть забрать причитающуюся мне лошадь прежде, чем остальные разграбят замок! — Конан засмеялся.

Витариус нахмурил лоб.

— Поберегите вашу веселость до тех времен, когда мы завершим нашу миссию. Если я не ошибаюсь, у Совартуса всегда было плохо с чувством юмора. Кроме того, нам нужно помнить, что у земли здесь тоже есть уши и что скоро нас увидят из замка.

Конан приложил ладони ко рту, сложив их рупором.

— Эй вы, в замке! Чтоб лошадь была готова к моему прибытию! — крикнул он.

Потом, смеясь, повернулся к своим друзьям. В его глазах вспыхнул синий огонь.

Но никто не улыбнулся в ответ.

Когда солнце проделало половину своего пути над землей, четверо путников увидели вдали вершину. Удивительная скала, подумал Конан. Она стояла прямо на плато, возвышаясь одиноко и напоминая по форме конус. Ни горных отрогов, ни холмов. Вершина скалы была еще более странной. Она расширялась над узкой перемычкой, как верхняя часть песочных часов.

— Замок Слотт, — объявил Витариус. Конан покосился недоверчиво.

— Так это скала, что ли?

— Большая ее часть. Скала пронизана коридорами и пещерами, которые соединены между собой переходами. Эта выпуклая вершина создана не природой. Ее творцы — магия и человек. Отсюда она кажется маленькой, но когда подходишь ближе, то видишь, что она в десять раз больше самого большого дворца в Морнстадиносе. Верхние комнаты сообщаются с нижними с помощью тоннелей. Если иметь с собой достаточно припасов, то можно бродить по замку годами и никогда не повторять уже пройденной дороги. Начиная с этого момента мы должны быть настороже, — предупредил Витариус.

Конан уставился на замок. Разглядывая это строение, навевающее безотчетный ужас, киммериец почувствовал, как его веселье улетучивается.

Дювула надзирала за тем, как ее Принца Копья перекладывают в экипаж.

— Осторожней, ты, балбес! Если ты уронишь ящик, я тебе все поотрываю! Оно тебе явно лишнее!

Рабочий раскрыл глаза и удвоил осторожность. Дювула направилась в дом, чтобы запаковать свой сундучок с порошками и растворами.

Бережно перебирая пузатые сосуды, заполненные светящимися разноцветными жидкостями, чародейка покачивала головой. Ей вовсе не светило шляться по пыльным дорогам, но тут уж ничего не поделаешь. Дивул мертв. Хотя причин для его кончины нашлось бы немало, в глубине души Дювула была уверена, что ее братец-демон принял смерть от рук варвара, старого волшебника и огненной девочки. Теперь ведьмой руководила не только алчность, но и желание отомстить. В любом случае, она не собирается просто сорвать на варваре злобу. Ее отношения с Дивулом базировались больше на взаимной выгоде, чем на искреннем чувстве. И все же демон был ее родственником. Еще один счет, который она предъявит своим жертвам.

После блистательного провала великого борца на арене любви Лемпариуса стало еще важнее заполучить Конана — ради Принца.

И конечно, девчонку ни в коем случае нельзя упускать. Если бы огненный ребенок попал в руки ведьме, она могла бы получить взамен услуги Совартуса. Теперь, когда Дивул мертв, ведьма так нуждалась в сильном покровителе! По всем этим соображениям она ни решила идти по следам варвара и девчонки, которую тот оберегает.

Колдунья улыбнулась. К счастью, ей не придется долго тащиться по коринфийской дороге. Она владела могущественным заклинанием, которому научил ее Дивул и с помощью которого она могла проходить сквозь пространство. Несколько часов по тропам преисподней соответствуют долгим дням езды по хорошим дорогам этого мира.

Путешествие небезопасно даже для ведьмы с ее опытом. Между пространств, по Срединным мирам, бродят существа, которые вызывают ужас у любого демона, не говоря уж о женщине. Под серым солнцем опрометчивого путника поджидает тысяча смертей тысячи жутких видов. Но Дювула не раз уже ездила этой дорогой. Она была осторожна. Ей приходится идти на риск, чтобы не упустить свою добычу.

При последней мысли неутомимая сладострастница улыбнулась и снова взялась за упаковку магического снаряжения.

Вечером Конан обнаружил новую неприятность. Насколько видел глаз, до самого горизонта, равнина слева от киммерийца была совершенно пуста. В следующее мгновение в двадцати шагах оказалось какое-то существо. Оно было выше Конана на фут и напоминало огромную собаку, стоящую на задних лапах. Лапы эти были похожи, скорее, на человеческие ноги, а передние конечности тоже напоминали руки человекообразной обезьяны. Но в целом чудище выглядело все же как собака: острые уши, длинная морда с острыми клыками, черный нос.

Конан хотел было обернуться к Витариусу, но зверь мгновенно исчез. Конан выругался. То есть, то нет — в воздухе он растворился, что ли?

Киммериец окликнул Витариуса и кратко описал ему странное явление. \

— Полуволк, — кивнул старый волшебник. Зверь Земли, через брата Элдии ее контролирует Совартус.

— Это существо магическое? Он так странно исчез…

— Нет, полуволки живут в тоннелях под землей. Полуволк, которого вы видели, как раз вышел из потайного лаза и поэтому попался вам на глаза.

— Ага… — Такое объяснение понравилось Конану. Зверя — контролирует его там волшебник или не контролирует — можно прикончить мечом.

— Без сомнения, Совартус тут же будет извещен о том, что мы здесь, — сказал Витариус. — Лучше всего просто продолжать путь. Эта земля вся изрыта волчьими тоннелями, как улей.

— И что же эти волки будут делать? Витариус пожал костлявыми плечами. Его плащ слегка шевельнулся при этом движении.

— Они в любом случае попытаются связаться со своим повелителем. Гонца пошлют, а может быть, с помощью магии. Полуволки не обладают развитым сознанием. Но того, что у них имеется, будет довольно, чтобы доставить вполне точное описание нашей внешности. Я не сомневаюсь ни секунды, что Совартус уже знает о нашем появлении.

— И что этот чернокнижник предпримет? — спросила Кинна.

Старик качнул головой.

— Не знаю. Мы поедем дальше к его гнезду. Он может напасть на нас сейчас или подождет, пока мы прибудем.

— Тогда на нашей стороне больше не будет преимущества внезапности, — заметил Конан.

— На это я и не рассчитывал, — ответил Витариус.

— Может быть, вы все-таки поделитесь со мной своим планом, волшебник?

Конану вообще ужасно не понравилось появление полуволка.

— Когда мы будем возле замка, я использую свою магию для отвлекающего маневра. Я высвобожу много энергии и взорву огромные запасы Силы, чтобы обратить все внимание Совартуса на себя. Пока он будет занят этим, вам останется только проникнуть в замок, найти и освободить детей.

— И это — ваш план? — Конан покачал головой. — Я должен вскарабкаться по гигантской скале, вломиться в замок, обыскать никак не меньше тысячи комнат, пока не найду детей, раскидать стражников, которые там, несомненно, кишат, охраняя могучего. чародея, и вернуться назад, имея на руках троих детишек?

— Да, это мой план.

— Ах, вот как? А я-то боялся, что наше предприятие может оказаться трудным! Какая глупость с моей стороны! Тут всего-то кота за хвост подергать…

— Оставьте сарказм при себе, Конан. Я готов принять любое разумное предложение. Киммериец покачал головой.

— Да ладно… Ваш план показался мне не таким уж отвратительным. — Он ударил ладонью по рукояти меча. — В любом случае, я положусь лучше на мой клинок, чем на сложные стратегические маневры.

— Я пойду с тобой, — заявила Кинна. Конан засмеялся.

— Я еще раньше говорил и повторяю опять, что предпочитаю работать в одиночку.

Кинна яростно возразила:

— Если бы я была мужчиной, ты взял бы меня с собой!

— Я не взял бы тебя даже в том случае, если бы ты была ручным драконом, который по команде изрыгает потоки пламени. Лучше всего мне работается, когда я один. Кроме того, я

действительно рад тому, что ты женщина, Кинна. Ничего иного я бы и не хотел.

Конан читал на ее лице, как гнев уступает место другому чувству. Наконец она сказала:

— Да, я тоже рада тому, что я женщина, Конан.

Серые Страны, лежащие между пространствами, никогда не отличались приветливостью, по меньшей мере, такими знала их Дювула. Штормовые дожди с громом и молниями бушевали, уносясь на юг и восток. Атмосфера вокруг ведьмы была насыщена электричеством. Срединные миры закручивали прямые линии в спирали, округляли углы. Здесь царил бесконечный, всеохватывающий обман, сплошное искажение.

Дювула понукала испуганных лошадей, запряженных в экипаж. Внезапно что-то темное пролетело перед ней, громко скрежеща на ходу. Лошади споткнулись и хотели повернуть назад. Только пустив в ход длинный бич, Дювула смогла заставить их двигаться вперед Несмотря на шоры, несмотря на успокаивающие заклинания, животные сильно пугались. Может быть. они чувствовали опасность, которая когда-то погубила одну из пристяжных Дювулы. Тогда ведьму спас покойный Дивул — она едва не разделила судьбу своей лошади и не оказалась в брюхе безобразного чудовища.

У Дювулы похолодела спина. Ей страстно захотелось, чтобы Дивул был жив и сейчас сидел бы рядом с ней.

По ее подсчетам, она должна была еще минут десять находиться на этой адской дороге, прежде чем вернуться назад, в свой собственный мир.. и оказаться впереди своих жертв. У нее был уже готов четкий план. как обращаться с варваром и волшебником Только бы все получилось!

Не успела она это подумать, как земля вздыбилась Перед колдуньей выросла башня, как будто взлетела и застыла струя фонтана. Потом земляной пузырь лопнул с оглушительным треском, словно из куска дерева вырвали огромный гвоздь. Перед волшебницей распахнулась зияющая пропасть с рядом острых каменных зубов, уходящих в черную глубину. Дювула не сомневалась ни мгновения, что этот подземный демон проглотил ее вместе с лошадьми и повозкой.

Лошадей не нужно было упрашивать остановиться. Пока они находились вне пределов достягаемости дорожного проглота, Дювула предпочла не двигаться дальше. Доверять безопасности этой дороги было совершеннейшим легкомыслием. Как ни хотелось ведьме опередить преследуемых, ей пришлось покинуть Серые Страны раньше времени. У подземного чудовища, видимо, были свои взгляды на гастрономию, поскольку оно довольно быстро придвигалось к ведьминой повозке, раскрыв пасть, как аллигатор. Быстро, но четко перепуганная чародейка выговорила заклинание. Все вокруг завертелось, яркие молнии вывели в воздухе свои огненные кривые…

…И Дювула оказалась на узкой тропинке на краю сумрачного леса. Она мгновенно сообразила, что добралась до северной околицы Блоддолькова Леса. С помощью чародейства, наведенного на одежду Конана, ведьма определила, что варвар имеет преимущество, по меньшей мере, в полдня. Проклятье! Теперь ей придется заколдовать лошадей, чтобы они могли скакать всю ночь и догнать в конце концов этих людей. Или опять заглянуть в Срединные Миры? Но воспоминание о чудовище быстро обуздало чересчур резвые мысли.

Ведьма хлестнула коренного между ушей. Животные помчались галопом. Одна лошадь заржала и нервно задрала голову. Дювула бросила взгляд в сторону.

Устроившись на полой ветке кривого дерева, лежала спящая пантера. Дювула

выругалась:

— Вот ведь глупая скотина! После всех кошмаров которые ты видела в преисподней, шарахаться от спящего зверя?

Она угостила лошадь хлыстом, и экипаж покатил дальше, мимо неподвижного хищника, которого Дювула тут же выбросила из головы.

Глава семнадцатая

Лагерь уже спал, и костер догорел. Витариус снова поставил свою магическую охрану. Конан пристроился рядом с Кинной и погрузился в легкую дремоту.

Вдруг невероятная какофония вырвала его из объятий сна. Гремело и завывало так, словно наступил конец света. Скрежет разрывал барабанные перепонки — он был громче, чем вопли умирающего демона. Рев сопровождался ослепительными вспышками разноцветных огней. Конану потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что случилось: кто-то коснулся магического круга.

Киммериец откатился в сторону, схватил свой меч и легким прыжком вскочил на ноги. Ночное небо было затянуто облаками, но вспышки света оказались достаточно яркими для того, чтобы увидеть, что произошло: полуволки наступали!

Витариус выбрался из-под одеяла и помчался к Элдии, которая стояла со своим коротким мечом наготове. Кинна держала кривой нож Конана. Киммериец бросился навстречу первому волку, ворвавшемуся в лагерь. Мышцы зверя заиграли под темным мехом, когда он прыгнул на Конана, выставив сверкающие клыки и пытаясь вцепиться человеку в горло.

Но эти клыки сомкнулись в смертельном оскале, когда Конан одним ударом меча отрубил волку голову. Не останавливаясь ни на миг, киммериец ловко повернулся на пятках и встал лицом к другой бестии. Эта сама напоролась на острие и громко взвыла, повиснув на клинке.

К несчастью, умирающий полуволк упал так резко, что рукоять меча выскользнула из сильной руки киммерийца. Конан выругался и наклонился, желая вытащить меч из трупа, из-за чего третий волк, напавший на киммерийца, промахнулся и, вместо того чтобы впиться клыками в его горло, сделал в воздухе сальто и сильно ударился хребтом о землю.

Конан потянул меч, но тяжесть мертвого волка крепко держала сталь. Опомнившийся от удара зверь снова поднялся и изготовился к прыжку.

Киммериец отказался от своего прежнего намерения и все внимание сосредоточил на нападающем звере. Конан зарычал, подражая волку. Внезапно лохматая тварь отвлеклась от него и переключила свое внимание на нечто иное: коротенький меч Элдии вонзился в его брюхо, а Кинна в тот же миг разрезала лапу до кости кривым ножом. Зверь отчаянно взвыл.

Конан не медлил ни секунды. Он уперся ногой в мертвого волка и дернул свой меч изо всех сил.

В этот момент Витариус наконец добрался до Элдии. Старый волшебник положил руку на голову девочки и послал в небо слова защитительного заклинания, перекрывая грохот разорванного магического круга.

У Конана не было времени глазеть на магическое действо, потому что в лагерь ворвалась новая когорта полуволков, которые явно намеревались закусить свежей человечиной. Конан зло рассмеялся и побежал навстречу новым ночным визитерам, весь в крови **их** убитых собратьев.

Свистящий меч Конана раскидал целую стаю. Звери были стремительны, но они слишком суетились и толкали друг друга в нетерпении напасть. Их было чересчур много. Один из волков не успел вовремя отступить за пределы досягаемости меча и в результате стал собратом по увечью покойного демона Дивула.

И тут вспыхнул сверхъестественный синий свет. Постепенно превращаясь в узкий луч, он пронзил одного из волков. Второго. Третьего. Как сказочное копье, синий луч протыкал зверей насквозь. Густой дым и вонь поднялись от трупов волкоподобных чудищ.

Элдия!

Оставшиеся в живых волки завопили от страха и рассеялись. Конан повернулся очень своевременно: темная тень, как призрак, притаилась за спинами Элдии и Витариуса. Киммериец выкрикнул предостережение и кинулся к ним. Но он опоздал. Рука, сжимающая дубину, ударила старика по уху, и он упал. Связь между волшебником и огненной стихией была прервана. Голубое пламя погасло, словно кто-то сжал пальцами фитиль горящей свечки. У Конана все еще было темно в глазах, когда он подбежал к неизвестному, пытавшемуся схватить Элдию. Короткий меч девочки свистнул в темноте. Волк отскочил на шаг назад.

Короткого замешательства в стане врага было достаточно. Конан с лошадиным топотом помчался вперед, не переводя дыхания, пока не налетел на полуволка. Молодой великан резко ударился плечами о грудь зверя, швырнул его на землю и ткнул мечом. По крайней мере, эта бестия больше не будет доставлять хлопот!

Обернувшись, он увидел, что Витариус с трудом пытается встать. Он торопливо помог старику подняться на ноги.

Контуженный волшебник прошептал:

— Что… что произошло?

— Вас ударили сзади. Зверя я прикончил.Витариус потряс головой.

— Волки?

— Большинство из них мертвы, остальные удрали. Я не вижу ни одного, который бы шевелился.

Старик кивнул. И вдруг ужас появился на его лице.

— Элдия! Кинна? Где они?

Конан посмотрел кругом. Обеих сестер не было и следа.

В темной вышине замка Слотт ликующий Совартус из Черного Квадрата хохотал, как безумный. Она принадлежит теперь ему! Его рабы, его полуволки схватили ее! Только что прилетел ворон, принес донесение от повелителя полуволков: дитя Огня находится на полпути в замок, ее ведут по подземным переходам — плоду трудов тысяч поколений полуволков.

Совартус стоял в пустом зале своей башни. Повсюду гирляндами свисала паутина. Этим помещением не пользовались уже много лет; но темные пятна на каменных плитах пола безмолвно свидетельствовали о его жутком предназначении. Этот круглый зал находился на самом верху. На каждую из четырех сторон света выходило окно. Именно здесь хотел Совартус соединить стихии и стать могущественнейшим чародеем со времен гибели Атлантиды.

Он прошелся вдоль стены, останавливаясь возле каждого из четырех полукруглых окон и выглядывая наружу. Скоро каждое окно станет рамой для каждой из стихий. На востоке будет взвиваться ураганный ветер, на западе вставать на дыбы земля, с севера будут изливаться вселенские потопы, а с юга

— да, наконец-то! — с юга поднимутся огненные столбы, такие горячие, что сожгут обитателей ада. Когда стихии займут свои места, он, Совартус из Черного Квадрата, повелит им соединиться. Так родится Создание Силы.

Да, так сольются воедино Четверо, и будет у них силы гораздо больше, чем прежде, когда они были разделены. Идея была зачатием, воплощение ее — рождением. Мир задрожит и содрогнется при этом рождении — и падет перед человеком, который станет дирижером вселенского оркестра!

Совартус рассмеялся и ударил в ладоши. В зал немедленно вошли несколько фигур в черных одеяниях. В тени капюшонов лица их были не видны. Они безмолвствовали и лишь низко склонились перед чародеем.

— Приведите Троих! — приказал Совартус. — Мой стол-талисман, мои приборы. И, разумеется, мой плащ, сотканный из волос молодых девушек.

Фигуры в черном опять поклонились и выскользнули из зала. Совартус снова остался один. Когда слуги удалились, он задумчиво посмотрел на темные пятна, покрывавшие пол. Скоро, думал он, города людей станут подобны этим пятнам, если не подчинятся его воле. Имя «Совартус» будет вызывать страх и трепет у любого мужчины и любой женщины. Да, скоро. Скоро!

Конан нашел окровавленный нож возле одной из дыр в земле. Это был тот самый нож, которым так мастерски владел Лемпариус-оборотень и которым Кинна сражалась с полуволками. Он посмотрел на отверстие в земле, которое было достаточно большим для того, чтобы туда мог проникнуть человек.

Рядом оказался Витариус.

— Один из входов в подземные тоннели полуволков. Они утащили сестер под землю.

Конан кивнул и, не раздумывая, полез туда. Витариус сжал плечо молодого человека своей костлявой рукой.

— Нет, Конан. Возможно, ваш Кром и живет внутри горы, но эта земля принадлежит волкам. Вы никогда не выследите их в подземном мраке. Да и кроме того, они, несомненно, уже далеко продвинулись к замку.

Конан отвернулся от входа в царство полуволков.

— Тогда едем к замку. Им придется преодолеть то же расстояние, что и нам, независимо от того, под землей это или на земле. А если мы поспешим, то будем там раньше их, и сестры не попадут в лапы к Совартусу.

— Сейчас темно, — начал Витариус. — Утром…

— Лично я темноты не боюсь, — перебил его Конан. — Если какие-то твари передвигаются во мраке, то мы тоже сумеем сделать это. Если вы желаете остаться, я поеду один.

— Нет, — просто сказал Витариус. — Я с вами. Оба направились к своим лошадям.

Экипаж ведьмы Дювулы был окутан волшебным покрывалом темноты, так что для обыкновенных глаз он оставался невидимым. Женщина с огненно-рыжими волосами стояла, выпрямившись, и следила за тем, как Конан и Волшебник Белого Круга садятся на лошадей. Когда они ускакали прочь, ведьма вполголоса выругалась: ее охватило бешенство против тех сил, которые так испортили ее путешествие.

То, что здесь произошло, было ясно с первого же взгляда, потому что вокруг повсюду валялись трупы полуволков. Нападение увенчалось успехом, и девчонка, дитя Огня, принадлежит теперь обитателям подземелий, а вскоре она окажется у Совартуса. Проклятье! Быть почти у цели — и все напрасно!

Дювула перебрала все имеющиеся у нее шансы. Она все еще не потеряла надежды получить сердце варвара, что было немалым утешением. И, вероятно, она все же сумеет

немного погреться в сиянии восходящего Совартусова солнца. В конце концов, он всего лишь мужчина и поэтому вполне может стать жертвой вожделения, которое обуревает всех людей, способных еще хоть на что-нибудь и не страдающих извращенными желаниями. О Совартусе рассказывают множество скверных историй, но Дювула никогда не слыхала, чтобы он отдавал предпочтение мальчикам. В своих же собственных талантах она не сомневалась.

Да, лучше всего будет ехать дальше. Она вернулась к экипажу и забралась на козлы.

В темноте, под высохшим кустом, лежала пантера, которая прежде была человеком, и смотрела на разгневанную женщину. Вот она садится в свой окутанный искусственным мраком экипаж и трогает с места. Даже обыкновенная кошка хорошо видит в темноте. А эта хищная тварь видела особенно хорошо. За звериным лбом скрывался мозг человека. С каждым часом разум чудовища становился все примитивнее, так что по прошествии определенного срока эта пантера станет обыкновенным зверем; но сейчас в животном еще вспыхивали искры человеческого сознания.

У него не было иного выбора, как только преследовать своих врагов. Напасть на ведьму прямо он не мог, но, возможно, найдется способ уничтожить ее каким-нибудь хитроумным трюком. А варвар — всего лишь человек, и несмотря на то, что он владеет волшебным ножом, может быть испуган, удивлен

— и побежден.

Впервые с того момента, как Лемпариус, обреченный доживать жизнь в шкуре хищного зверя, стал пантерой навеки, он почувствовал прилив счастья. Холодная вода мести стала теплее.

В самой высокой башне замка Слотт начались приготовления. Фигуры в черных одеяниях с капюшонами сновали туда-сюда, выполняя распоряжения Совартуса. Под окнами были прикованы дочь и оба сына Огистума. Три из четырех стихий уже находились здесь, а четвертая скоро прибудет.

Совартус подошел к окну. Возбудившиеся было стихии снова стали спокойны, словно и они ожидали окончательного торжества чародея. Ни ветерка, ни дождика, ни маленького землетрясения. Все тихо.

В центре зала стоял стол — талисман. Он был четырехугольным; резьба одновременно украшала его и заключала в себе магические символы. Четыре точеных ножки, напоминающие по форме струи воды, покоились на четырех кубах

— это были черный оникс, черный жемчуг, черный жад и огненный опал. В центре магического стола лежала книга, переплетенная в кожу, цвета воронова крыла и тоже квадратная. Полночь была главенствующей краской этого зала, но еще темнее было его мрачное предназначение.

Совартус находил, что дела идут превосходно. Улыбка не исчезала с его лица. Скоро его титанический труд будет завершен. И тогда начало нового труда потрясет Вселенную.

Глава восемнадцатая

Витариус и Конан были еще довольно далеко от замка, когда старик натянул поводья и сделал Конану знак последовать его примеру.

— Почему мы остановились? Мы еще не…

— Молчите! — оборвал его Витариус. В его голосе послышались властные нотки, которые еще ни разу не звучали в присутствии Конана. Сила, вложенная в •.одно-единственное слово, удивила киммерийца. Старый волшебник спешился и сделал несколько шагов вперед к какой-то незримой цели. Затем он протянул руки, словно хотел нащупать что-то в ночном воздухе. Конан ровным счетом ничего не видел. Мгновение спустя Витариус кивнул и отступил назад.

— Совартус поставил волшебное заграждение. Мы как раз на границе.

Конан напряженно посмотрел в темноту.

— Но до замка еще далеко.

Витариус что-то забормотал и начал выписывать руками странные фигуры. В воздухе перед обоими путниками стало заметно слабое красноватое сияние.

— Как вы видите, волшебство охватывает значительную территорию. Как только мы на нее ступим, нас сразу заметят в замке. А я с моей магией привлеку к себе внимания еще больше, чем обычный путник. Прежде чем мы шагнем на эту землю, я должен подготовиться. Здесь наверняка имеется охрана, натравленная на людей, и — если Совартус не дурак, конечно, — прежде всего на таких, которые разбираются в магии и могут использовать ее во вред Черному Квадрату. Я должен вооружиться.

Конан слез с лошади и растянулся на земле. Витариус уселся, скрестив ноги, и начал тихо выпевать заклинания. Киммериец изнемогал от нетерпения. Он хотел поскорей пустить в ход свой клинок. Он сыт по горло всем этим чародейским идиотизмом. Если Совар-туса покрошить в капусту с помощью обыкновенной холодной стали, он очень быстро испустит дух без всякой там магии. Вот здесь Конан был готов поспорить на что угодно. Различные гороскопы и прочая дребедень действовали юноше на нервы, словно его гладили против шерсти. Он хотел разобраться с этим делом как можно быстрее и был более чем готов прорубить себе путь мечом, без хитрых затей.

Время шло, и Конан терял терпение. Что он там бормочет, этот старик? Кром, так они досидят здесь до зимы!

— Я готов, — заявил Витариус.

Снова Конана поразил звук его голоса. Это был все тот же знакомый киммерийцу сильный низкий голос, но теперь он звучал иначе. Казалось, он принадлежит молодому человеку. И хотя Конан не замечал в облике Витариуса явных перемен, волшебник даже двигался теперь иначе — легко и ловко. В нем появилась уверенность, которой не было прежде.

Они вскочили в седла и приблизились к полосе светящегося воздуха.

Когда они прошли сквозь волшебное кольцо, Конан не заметил никаких изменений. Не засверкали огни, и никто не закричал в ночи на разные голоса. Но Витариус произнес:

— Он знает, что мы пришли. Будьте начеку. Он не может уделять нам все свое внимание, потому что занят подготовкой к своему отвратительному эксперименту. Но он располагает большими силами — и нам еще предстоит опасная работенка-Киммериец вынул меч из

ножен и положил его поперек седла.

— Вот и хорошо, — сказал Конан.

Порыв ветра швырнул горсть песка в лицо Конану. Лошадь заржала и шарахнулась в сторону, но киммериец удержал ее и заставил идти вперед.

— Совартус, — сказал волшебник. — Он хочет испытать нас. Конан кивнул.

— Такой-то ветерок нас не остановит. Вдруг ветер стал сильнее. Внезапный шквал заставил Конана качнуться в седле. Он зажмурился, отворачиваясь от песчаного вихря и прикрывая свободной рукой глаза лошади от песка. Неожиданно ветер улегся.

— Это Люфт, — объяснил Витариус. — Но сегодня не так сильно. Мне кажется, он считает нас сравнительно безобидными существами.

— Я заранее радуюсь тому, что этот болван впал в такое прискорбное заблуждение, — заметил Конан.

— Возможно, ваш оптимизм имеет какие-то основания, — отозвался Витариус.

Дювула потуже затянула шаль и прикрыла от песка лицо. Она не хотела применять против Совартуса никаких заклинаний. Поскольку оба они практиковали Черную Магию, ведьма считала весьма маловероятным, чтобы колдун нападал на нее непосредственно. А перед смертными стражами, которых она замечала на всей дороге через равнину Додлигия к замку Слотт, она не испытывала страха.

Дювула ощутила силу Белой Энергии старого волшебника, под воздействием которой ветер улегся. Так у старика-то сил побольше, чем она предполагала! Каким же могущественным был он на самом деле, если сумел так лихо связать воедино силы Белых Энергий и отклонить ночной шторм Совартуса, сметающий с пути людей, как надоедливых насекомых! Интересно!

Однако неплохо бы позаботиться о том, как самой избежать воздействия Белых Сил, если волшебник вдруг обнаружит, что она следит за ним. Ей нужно дождаться момента, когда Конан и старик из Белого Круга отъедут друг от друга на достаточно большое расстояние. Тогда она сможет нанести варвару долгожданный удар.

Замок становился все ближе и ближе. Как же ей встретиться с Совартусом? Впрочем, у нее еще достаточно времени, чтобы обмозговать свои дела.

Пантера бежала по следу экипажа. То и дело грязь с дороги летела зверю в глаза. Пантера останавливалась и терла морду лапой. Хищник двигался осторожно, чтобы не попасть под тень магического покрывала, которое окутывало ведьму и ее экипаж. По его расчетам, колдунья не знала, что гигантская кошка преследует ее. Не должна — ни в коем случае не должна. Один раз уже Дювула унизила оборотня своей страшной магией. Второго раза он не переживет.

Двигаясь следом за экипажем, оборотень-неудачник в сотый раз прикидывал, как ему уничтожить ведьму. Она сделала его бессильным, но он может избрать другие пути для своей мести и уничтожить ведьму каким-то иным, косвенным образом, не прикасаясь к ней непосредственно. Но как?

В какой-то миг зверь был на расстоянии вытянутой руки от экипажа. Против своего желания Лемпариус зарычал. Ему пришлось напрячь всю свою волю, чтобы не прыгнуть на запряженных в повозку лошадей и не разорвать их на части» , чтобы напиться крови, а потом наброситься на Дювулу и придать ее смерти.

Но кровавый порыв прошел, и сознание человека вновь взяло верх над дикими инстинктами животного. Было бы абсолютным слабоумием поддаться страстям,

обуревавшим хищного зверя. Это была бы бесцельная трата сил, с самого начала обреченная на поражение.

Оборотень потряс головой. Он должен что-то предпринять как можно скорее, пока окончательно не потерял в себе человека и не превратился в обычную пантеру не только внешне, но и разумом. А надежда у него осталась только одна: если Дювула умрет, — возможно, вместе с ее жизнью закончатся и наложенные на него чары. И, может быть, тогда он вновь обретет свой человеческий облик. Эта надежда была слабой, в чем он отдавал себе ясный отчет, но она же была и единственной.

А Конан должен умереть в любом случае. И кем он будет убит — пантерой или человеком — не играет никакой роли. Главное, что он умрет. Но это должно произойти таким образом, чтобы Дювула — если она все-таки будет еще жива — не смогла заполучить его сердце. Эту радость он сумеет у нее украсть. Пусть даже она переживет свое поражение лишь на секунду.

Месть была деликатесом, которым нужно наслаждаться медленно, считал Лемпариус. Нужно мстить обстоятельно и с расстановкой, прежде чем нанести окончательный удар.

Пыльная буря улеглась; но чуткий нос оборотня чуял в ночном воздухе что-то неприятное. Скоро пойдет дождь.

Лемпариус подавил в себе желание зафыркать и зарычать. Проявлять неудовольствие — это он мог позволить себе только мысленно, но отнюдь не вслух.

Ливень отвесно хлестал по равнине. Его сопровождали раскаты грома и вспышки молний. В их ярком свете Конан увидел, как первые крупные капли дождя тяжело упали на иссохшую землю, поднимая облачка пыли. Потом на путников, казалось, обрушилась стена воды, которая грозила опрокинуть обоих.

Несмотря на то, что воздух был тяжелым от воды, волосы на руках и затылке Конана поднялись, как это иногда бывает, когда зимним днем стаскиваешь с себя шерстяной плащ. Лошадь его зашаталась, и Конану стоило немало сил ее успокоить.

Витариус простер *к* небу руки с растопыренными пальцами и выкрикнул несколько слов.

Острое копье света сорвалось с неба прямо возле обоих всадников. Конан видел, как это огненное лезвие таинственным образом разлетелось над их головами на множество кусков. И гром, который последовал за этим, прозвучал несколько приглушенно, так что они его скорее почувствовали, чем услышали.

Витариус был теперь окружен слабым сиянием, напоминающим то, которым озаряют небо зарницы. Дождь, обещавший промочить их до нитки, падал по обе стороны от всадников, словно над ними был натянут невидимый навес. Ливень бушевал над щитом, молнии яростно дубасили в него, гром грохотал, град размером с Конанов кулак барабанил по чистому воздуху, как по крыше. Земля, не попавшая под защитный навес Витариуса, превратилась в топь, но Конан дышал пылью, которую вздымали копыта его лошади.

Ненастье было вызвано сверхъестественными силами, Конан знал это. Если бы он встретил такой ураган беззащитным, ему пришлось бы дорого заплатить за свое легкомыслие. Может быть, даже жизнью. Несмотря на отвращение, которое он питал к любого рода магии, сейчас Конан был рад тому, что старый волшебник оказался рядом. И кстати, очень рад. Как ни странно…

Дождь, обрушившийся с небес отвесным потоком, просочился сквозь льняной навес, который был натянут над экипажем Дювулы, хотя ткань и была очень плотной. Ведьма не

решилась прибегать к помощи чародейства, чтобы случайно не привлечь к себе внимание Витариуса. Она отважилась только на то, чтобы создать укрытие для «лошадей, опасаясь, что иначе град забьет животных до бессознательного состояния. Зерна градин гремели пс крыше экипажа и в некоторых местах пробили большие дыры, а когда кусок льда ударил по планке колеса, послышался сильный грохот.

Дювула лежала на постели рядом с ящиком, в котором она хранила своего Принца. Она гладила полированное дерево и разговаривала с фигурой, скрытой внутри, словно та была живой.

— Не бойся ничего, возлюбленный! Мы, может быть, немного промокнем, но это ненадолго. Пусть этот шум не тревожит твоего сна.

Пантера прокралась под экипажем ведьмы и лежала там тихо-тихо. Она даже дышала мелко. Дювула вряд ли что-нибудь услышит в грохоте бури, но это вовсе не означает, что можно забыть об осторожности.

В этой части равнины негде было спрятаться от простого дождя, не то что от урагана, который наслала волшебная сила. Несмотря на то, что пантера легко осваивалась с любыми обыкновенными опасностями, против магии Сорвартуса она была явно слаба. Тяжелый град, пробивающий дыры в земле, мог также с легкостью наделать дырок в черепе. В его собственном черепе!

Тем временем возле колес образовалась большая лужа. которая грозила потечь под экипаж. Лемпариус бы отодвинулся, но град прекратился. В относительной тишине ведьма запросто может услышать его. Так что пантера осталась лежать, а холодные струи воды подтекали ей под брюхо.

Ноздри зверя расширились, он яростно прижал уши. Еще одно унижение, за которое заплатит Дювула. Он мысленно проклинал все на свете; но с виду оставался неподвижен, как каменная статуя, а холодная мутная вода между тем пропитывала светлый мех.

Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался. На небосклоне в просветах между облаками открылись звезды и серебрянный серп луны. Сияние вокруг Витариуса становилось слабее. Какое-то мгновение волшебник выглядел усталым. Он глубоко вздохнул, выпрямился и стряхнул с себя усталость, как собака отряхивает воду.

— А мы тут довольно долго развлекались, — заметил Витариус, — Я уж отвык от таких игр. Несмотря на то, что Конан никоим образом не разделял интереса волшебника к магии, киммериец счел своим долгом сказать:

— Вы проделали великолепную работу,

— Ну да, это всего лишь небольшая проверка на прочность. Если Совартус действительно соберет свои силы, мне придется поднапрячься.

Киммериец кивнул.

— Чем скорее мы доберемся до замка, тем быстрее эта проклятая равнина останется позади.

— Да, Конан, вы правы. Вперед!

Они снова тронули лошадей.

Сидя высоко наверху в своем замке, Совартус заметил какие-то помехи. Что-то было не так в действии мистических сил, которыми он повелевал. На равнине Додлигия возникло слабое свечение противодействующих энергий, которым там быть не полагалось. Странный зуд на совершенно здоровой коже. Ну да ладно. У него нет сейчас времени этим заниматься. Он послал туда ветер, чтобы стереть с равнины все лишнее.

Совартус снова полностью погрузился в приготовления к встрече огненной девочки. Он возложил на себя покрывало, сотканное из волос девственниц, и ощутил знакомую силу, которую заключала в себе ткань. Затем он велел принести себе лучшего старинного вина. Потягивая его маленькими глотками, он размышлял о своем новом месте в космическом порядке вещей. О, какой властью он будет обладать!

Что-то засвербило у него в боку, но это был не зуд телесный, а внутренний. Он снова переключил внимание на равнину и начал искать источник досадного ощущения.

Проклятье! Несмотря на то, что он подмел свои владения ночным ураганом, свечение на равнине не погасло. Ну что ж, придется оторвать еще один миг от своего грядущего триумфа. Внутри территории, полностью подчиненной его влиянию. Совартус не обязательно должен был обращаться к тем Троим, которых держал взаперти. Он располагал и своими собственными силами, особенно здесь, у самого своего гнезда. Он вызвал бурю и насытил ее дьявольской силой. А потом швырнул тропический ливень в то место, где предполагалось наличие неприятности, как мальчишка бросает мяч в сетку Уничтожить назойливое насекомое!

И тут же зуд стал намного острей. Подавив приступ изумления по поводу того, что какое-то ничтожество продолжает существовать вопреки его желанию, Совартус наконец сообразил, с кем имеет дело. Витариус из Белых выступил против него!

Поистине удивительно! Старик-то мог бы знать расклад сил и получше! Он уже не раз попадал впросак со своей магией — эти Белые используют Силу в личных целях крайне редко. Но даже если он впал в старческое слабоумие, то все же должен знать, насколько нелепо идти против Черного, пытаясь захватить его в его же собственном Квадрате Силы.

После того, как дитя Огня было захвачено, Совартус выбросил из головы все мысли о Витариусе, поскольку тот уже никогда не посмеет даже надеяться опробовать свои слабенькие силенки на вселенной мощи Совартуса. Подобный поединок — чистейшей воды самоубийство, и старику неплохо бы иметь это в виду. Даже в том случае, если бы Совартус не владел Созданием Силы, здесь он непобедим. Белый Круг может оказывать лишь еле заметное влияние там, где Черный Квадрат почти всемогущ. Их учитель, Огистум, учил их обоих, что у Черного и Белого разные места на земле. Равнина Додлигия принадлежит Полночи, и это непреложно, как непреложно то, что следом за ясным днем наступает темная ночь. Витариус был лучшим из учеников великого чародея. Он должен все это знать!

Однако складывалось такое впечатление, что Витариус располагает неким скрытым источником Силы, какой-то хитростью, которую он применит, чтобы в последний момент сокрушить ничего не подозревающего противника.

Сорватус провел рукой по лицу. Вероятно, так и есть! У старика имеется еще какой-то неучтенный туз, которого он приберегает.

«Лучше выяснить, что это такое, прежде чем я совершу промах, — подумал Совартус. — Попробуем посмотреть, как будет реагировать Витариус».

Совартус улыбнулся, довольный собой. У него как раз есть то, что нужно, чтобы раскрутить своего старого товарища по учебе. Как раз то, что нужно.

Уже занимался рассвет, когда Витариус сделал Конану знак остановиться. Оба они стояли недалеко от подножья горы, на которой высился замок. Конан надеялся, что туда они заберутся без дальнейших колдовских манипуляций. Однако этому не суждено было сбыться.

Витариус сказал:

— Наш враг хочет пощупать нас еще раз. И нас ожидает теперь уже не мелочь, вроде

дождика. Я считаю, что будет лучше, если мы разделимся, Конан. Вам нужно скакать к замку и искать детей и Кинну. А я между тем приложу все свои силы для того, чтобы отвлечь Совартуса. И да защитит вас Белая Сила, Конан из Киммерии!

Конан ударил по рукояти меча.

— Я возлагаю свои надежды на нечто иное, старик. Но я желаю вам удачи. Я вернусь с детьми и Кинной так быстро, как это только возможно.

Старый волшебник слез с лошади и уселся на земле, скрестив ноги. Конан бросил на него еще один прощальный взгляд, прежде чем его внимание полностью сосредоточилось на замке Слотт… и на лошади.

У Дювулы мурашки побежали по коже, когда она приблизилась к старому волшебнику. Воздух был пронизан лучами энергии. Даже под своим покрывалом темноты, окутавшем экипаж, ведьма почувствовала озноб.

Она почти было миновала старика, сидевшего на земле с закрытыми глазами, — и тут он окликнул ее. При звуке этого голоса Дювула вздрогнула.

— Эй, ведьма! Ступай-ка ты прочь из этих мест! Мое столкновение с Совартусом легко может вылиться в повсеместное крупное безобразие.

Дювула хотела было ответить, но вовремя спохватилась. Неужели он и в самом деле ее видит?

Витариус немедленно ответил на ее невысказанный вопрос:

— Разумеется, ведьма. Я уже сто лет как знаю, что ты преследуешь нас. Я вижу и то, что скрывает тебя. Каковы бы ни были твои цели, гораздо лучшую службу ты сослужишь себе, если немедленно уберешься отсюда. Мои предчувствия будущего, как правило, не очень отчетливы, но в данном случае я вижу останки многих и многих, оказавшихся поблизости от того, чем я собираюсь заняться.

Дювула уставилась на Белого Мага. Что он хочет сказать словами: «то, что скрывает тебя»? И что означает его неприятное предсказание? Дювуле стало еще холоднее. Она даже заглянула за угол своего экипажа — не подкрадывается ли кто-нибудь сзади с предательским камнем за пазухой? Никого не видно.

Она немного подумала над словами старика, но в конце концов решила не обращать на них внимания. Скоро он пожнет плоды магического гнева Совартуса. Ей ничто не грозит. Куда важнее было то, что варвар больше не находится под защитой Белого.

Ведьма улыбнулась. Конан наверняка помчался вперед, к замку. Он близко, и она его обязательно найдет. Ведьма хлопнула бичом.

Белый волшебник, не открывая глаз, проговорил проезжающей мимо Дювуле всего три слова. Всего три слова, которые он словно выжег в ее мозгу раскаленным железом:

— Я — тебя — предупредил.

Глава девятнадцатая

В первых лучах утреннего света Конан рассматривал вход в огромную пещеру у подножия гор. Отверстие в скале было достаточно большим, чтобы в него мог проехать всадник. Это было нечто вроде приглашения посетить обитель чародея.

Конан хмыкнул. Вход в пещеру казался чересчур уж приветливым и открытым. Воровской опыт многое дал киммерийцу и, между прочим, научил беречься того, что кажется слишком простым. В памяти Конана было еще свежо воспоминание о легкомысленной прогулке по дому сенатора Лемпариуса. Только дурак не извлечет урока из своих же ошибок. А уж Конан из Киммерии не полезет в такую коварно раскрытую дверь.

Но как же ему попасть в замок? Он улыбнулся и взглянул наверх, на отвесную скалу. В конце концов, он все же киммериец! Еще не возникли в мире те горы, на которые нельзя забраться, а Конан ведет свое происхождение от суровых людей севера. Он найдет дорогу и залезет наверх.

Но в этот момент что-то еще возбудило его любопытство. В лесочке неподалеку от того места, где он теперь стоял, он отметил нечто подозрительное. Топотали какие-то животные, и остро пахло потом.

Конан спрыгнул с седла и придавил большим камнем к земле поводья своей лошади. С кошачьей ловкостью он проскользнул к деревьям, чтобы выяснить, кто же за ними скрывается.

Лошади! Целый загон, полный пасущихся лошадей. Их охранял всего один человек, который был одет в длинный черный плащ. На одной стороне загона находился> плетеный навес, обмазанный глиной, где лежали кучи овса и сена.

Скрытый густым кустарником, Конан ухмылялся от уха до уха. Превосходно!

Киммериец ушел от загона. Но он сюда непременно вернется, как только покончит с этим Совартусом. И именно поэтому в первую очередь он займется чародеем.

Конан снял со своей лошади седло, поводья и отпустил ее пастись. Он не имел ни малейшего представления о том, сколько времени займет его миссия, поэтому не хотел, чтобы животное мучилось, пока хозяин шляется неизвестно где. Он заботливо спрятал седло и взял с собой фляжку с вином и немного солонины, чтобы пожевать по дороге. Напоследок он удостоверился в том, что его меч и нож Лемпариуса крепко сидят в ножнах.

Приблизившись к скале, Конан снял сандалии и начал свое восхождение.

Совартус сидел у стола-талисмана, полностью погрузившись в сложные чары вызывания космического огненного дождя. Эти чары означали для объекта **их** приложения полное уничтожение. И мощная, отягощенная проклятием энергия сейчас концентрировалась на Витариусе из Белого Круга. Очень редко эти смертоносные дожди не достигали своей цели, очень редко…

Поглядим-ка, как ты ускользнешь на этот раз, старый школьный друг!

Один из слуг в черном капюшоне вошел в зал и оторвал Совартуса от заклятий. Капюшон низко поклонился и безмолвно указал на вход. Совартус обернулся.

Там стояла толпа полуволков. Они были очень взволнованы, оказавшись в самом замке Слотт. Но самым важным было то, что они привезли с собой ребенка. Девочку! Дитя Огня — наконец-то!

Совартус был так захвачен этим упоительным мгновением, что лишь потом увидел

рядом с девочкой молодую женщину и спросил:

— Кто ты?

Женщина выпрямилась и резко ответила-

— Я — Кинна, сестра тех детей, которых ты похитил!

Совартус широко улыбнулся, показывая все свои зубы, сверкающие, как кости, выбеленные солнцем.

— Ага, — сказал он, — тогда ты и мне приходишься сестрой.

— О нет, черная душа. Тебе я не сестра. Самое большее — сводная, да и то с большой неохотой. Взгляд Совартуса ползал по красивому лицу Кинны.

— Неважно, — сказал он, — зато я уверен, что найду тебе хорошее применение, моя дорогая. Правда, наши отношения мы можем выяснить позднее — сейчас мне нужно позаботиться о другом.

Он хлопнул в ладоши, и на призыв явилось еще несколько слуг в капюшонах. Совартус указал им на девочку.

— Вы двое доставите Элдию к братьям. Потом он обратился к Элдии:

— Я ждал тебя с того часа, как ты родилась, моя девочка. Несомненно, ты очень обрадуешься возможности повидать своих братьев и сестру, пусть даже на несколько мгновений.

~ Что ты хочешь делать с ними? — спросила Кинна.

Сорвартус пожал плечами.

— После того, как из них будет извлечена квинтэссенция Силы, я больше не вижу им применения. Во всяком случае, для моей магии. Но предполагаю, что мне может прийти в голову какое-нибудь развлечение, для которого потребуются нежные и хрупкие создания. — Он сделал знак остальным слугам.

— Заприте ее где-нибудь понадежнее, не давайте ей есть и пить, чтобы она была в порядке, когда я позднее захочу… побеседовать с ней. — Затем чародей повернулся к полуволкам. — Вы можете идти. И дайте совет остальным: было бы неплохо на какое-то время спуститься в нижние тоннели. Поверхность равнины Додлигия в ближайшие часы станет местом, не очень полезным для здоровья.

В развевающемся плаще Совартус побежал к башне. Наконец! Наконец!

Утреннее солнце светило ярко, но не так ярко, как пожирающий огонь, который низвергается с неба на равнину. Пантере приходилось метаться, уклоняясь от него. Если бы хищник был сейчас в своем человеческом обличий, он бы отчаянно ругался. Это все ужасно его задерживает! Первую глупость он сделал, заснув не ко времени, и ведьма проехала мимо него. Он просто ничего не мог поделать. Даже его сверхъестественные звериные силы имели свои границы, а он не отдыхал и не ел уже целые сутки. Теперь ему нужно было торопиться, чтобы догнать Дювулу; но это нашествие чар снова его задерживает…

Спасаясь от ослепительных красных и оранжевых потоков огня, пантера зажмурила глаза. Но что это? Равнина не была пуста! Хищник увидел сидящую фигуру, отгородившуюся от жара белым сиянием. Старый волшебник! Должно быть, это он, хотя кошачьи глаза не могли различить деталей в столь ярком свете.

Пока пантера, прежде бывшая сенатором, напряженно всматривалась в незнакомца, тот поднялся и воздел руку. Ладонь, казалось, сама собой зажгла холодное синее пламя. Пламя увеличивалось и превращалось в шар, размером в половину роста чародея. Из шара вырвался луч цвета индиго, и огненный дождь ни каплей не задел его. Пылающий луч прочертил дугу

от своего создателя до замковой горы. Там, где он вонзился в скалу, брызнул фонтан синих искр.

Пантера отвернулась и прыгнула прочь. Что бы здесь ни происходило, она не собиралась принимать в этом участия! У нее свои собственные планы, и в них явно не входит дать себя изжарить заживо.

Дювула стояла перед пещерой и всматривалась в темноту. Она была уверена, что вход охраняется. Ведьма понимала также, что пройти мимо стражников без чьей-либо помощи ей не удастся. Совартус наверняка охраняет свои личные покои даже от тех, кто ходит по Черным Тропам. Ее возможности — и это однозначно — нельзя даже сравнивать с силами Совартуса. Женская хитрость не поможет ей против фигур в капюшонах, которые служат повелителю Черного Квадрата, потому что эти твари созданы не так, как обыкновенные мужчины, которым время от временя до зарезу нужна женщина. Но тем не менее выход из ситуации имелся. Капюшоны обладали совершенно неразвитым сознанием, и ими можно было управлять с помощью самого примитивного колдовства. К этому и собиралась прибегнуть Дювула, невзирая на то, что Совартус не придет в восторг от ее самоуправства. Самый быстрый и верный путь в замок Слотт — найти себе эскорт из тех созданий, которые охраняют его. А одно из этих существ как раз стояло неподалеку, возле лошадиного загона.

Дювула направилась к своему экипажу.

Конан висел на голой скале. Прилепившись к ней, как муха, он цеплялся пальцами рук и босых ног за едва приметные трещинки. Над ним на высоте его роста зиял узкий проход в маленькую пещеру. «Как раз то, что я искал», — подумал он.

Киммериец забрался уже довольно высоко и теперь находился по меньшей мере на высоте тридцати человеческих ростов над землей. Сорваться отсюда означало верную смерть. Но Конан не испытывал страха. Еще никогда, забираясь на скалы, он не боялся упасть, поскольку начал заниматься этим, едва научившись ходить. А взрослые киммерийцы крайне редко срываются со своих холодных круч.

Когда Конан схватился за очередной выступ, гору неожиданно затрясло, словно какой-то великан ударил по ней гигантским кулаком. Уголком глаз киммериец видел, как брызги синего огня ударились о скалу над его головой. Потом он был слишком занят тем, чтобы не потерять равновесие. Одна рука сорвалась; вибрация скалы выбила упор из-под ног. Мгновение Конан висел всего лишь на четырех пальцах, и только сила мышц спасла его от смертельного падения. Он не тратил энергии на брань. Прижав ноги к скале, он отчаянно искал, где бы их утвердить. Прижав ноги, он просунул пальцы ног в трещину. Левая рука нашла выступ и уцепилась за него. Снова в безопасности! По крайней мере, на эту секунду.

Конан быстро полез наверх. Усталости он позволит подобраться чуть позже. Он не знал, что означает этот синий свет, да и не хотел знать. Теперь он хотел только одного: поскорей добраться до безопасного места. То, что произошло минутой позже, может и повториться, а в следующий раз синий огонь ударит сильнее или окажется ближе.

Подстегиваемый этими мыслями, Конан добрался до пещеры. Он втянул туда свое тело и только тогда перевел дыхание. Потом отвязал от пояса сандалии и надел их.

Ну, посмотрим, куда ведет эта пещерка! Он обнажил меч и шагнул в темноту.

Совартус вздрогнул, когда земля под его ногами зашаталась. Он бросил подозрительный взгляд на детей, которые были прикованы каждый к своему окну, но от них к колдуну не текло пока никакой энергии… Правда, новенькая девочка пыталась испепелить его, но это ей не удалось. Силенки слабоваты. Многоопытный волшебник так просто не поддается.

Значит, сила, которая встряхнула замок, пришла извне…

Витариус! От радости, что девочка наконец-то в его власти, он совсем забыл о Волшебнике Белого Круга. Совартус поискал старого чародея.

Да, это был Витариус. Это он направил против замка Слотт луч Белой Магии. Он и в самом деле намного сильнее, чем предполагал Совартус. Космический огонь сыпался на старика сверху, и, несмотря на это, у него еще хватает наглости отвечать. Удивительно!

Совартус был крайне раздосадован тем, что на его замок покушаются. Но с другой стороны, стены замка могли выдержать гораздо большее.

И вообще, у него есть дело, о котором он должен беспокоиться в первую очередь. Да, несомненно, времени заниматься каким-то Витариуеом у него нет.

Так что старик может спокойно бушевать и дальше. Скоро все это будет бессмысленно. Как только Создание Силы начнет действовать, весь Белый Круг вместе взятый не сможет ничего с ним поделать. Поэтому старика можно в расчет не принимать. Когда он воплотит свой замысел, раздавить Витариуса будет не сложнее, чем прихлопнуть комара.

Совартус подошел к своему столу и возложил на него ладони. Он проговорил первую часть заклинания, которое за долгие годы выучил наизусть. Стол засветился адским красным светом.

Когда колдун произнес вторую часть, четверо детей тихо застонали. Их тоже охватил тот же кровавый неземной свет. Совартус улыбался. Он с трудом подавил желание громко расхохотаться.

Конан снова почувствовал колебание горы. но на этот раз сила толчка показалась ему слабее. Может быть потому, что теперь он не висел на скале.

Пройдя по темному узкому тоннелю, где временами приходилось протискиваться боком, он вышел к освещенному коридору. Факелы коптили в своих гнездах, удаленные друг от друга на двенадцать шагов. Этот новый ход разбегался в обе стороны. Конан не имел ни малейшего представления о том, какое направление выбрать. Он решил пойти налево, потому что. дорога шла слегка в гору и в конце концов должна была вывести наверх, к самому гнезду чародея.

Конан прошел мимо множества узких коридоров, которые ответвлялись от главного хода в обе стороны. Киммериец все больше убеждался в том, что он на правильном пути, потому что этот коридор был, судя по всему, главным, связывающим между собой все остальные.

То и дело пол под ногами колебался, как при слабом землетрясении, но толчки были так незначительны, что для Конана не составляло труда крепко стоять на ногах.

Через некоторое время тоннель стал шире и, наконец, привел взломщика в огромный зал, высеченный в скале. Потолок его был так высок, что свет факелов терялся где-то под невидимым черным сводом, а сами факелы на стенах казались крошечными свечками.

Киммериец посчитал за глупость идти по пещере таких размеров практически в полном мраке. Он вернулся на несколько шагов назад и взял со стены факел. Не успел киммериец сжать в руке гладкое дерево, как увидел несколько коптящих огоньков, которые двигались прямо в его сторону. Он быстро сунул факел назад и пристроился таким образом, что глубокая тень укрыла его целиком. Там он стал ждать с мечом в руке.

Фигура в черном одеянии, с лицом, скрытым под капюшоном, медленно прошла по коридору. То и дело она останавливалась. Конан видел, как человек

— если это только был человек — заменял прогоревшие факелы новыми. Свежие он вынимал из большого мешка, висевшего у него на спине. Он… оно?.. задерживалось лишь

настолько, сколько требовалось для того, чтобы зажечь новый факел, а потом двигалось дальше.

Первой реакцией Конана было острое желание отрезать существу в капюшоне голову, потому что внезапно его охватила уверенность в том, что создание в черном балахоне не было настоящим человеком. Тот способ, каким передвигалась эта тварь, показался наблюдательному киммерийцу неестественным и фальшивым. Ну, в том, что подручные Черного Мага окажутся мерзкими и злобными гадинами, нет ничего удивительного.

Молодой киммериец отступил еще дальше под прикрытие темноты. Он. конечно, мог зарубить одетую в черное фигуру. Но, с другой стороны, он мог оставить ее в живых и проследовать за ней. Когда-нибудь у нее закончатся факелы, и ей придется взять новые на складе. Если она не идет туда уже прямо сейчас. Да, неплохо он придумал — взять себе провожатого!

В темноте черная фигура прошла мимо и медленно прошествовала в огромную пещеру. Бесшумно, как тень, следовал за ней Конан.

Дювула легко шла за своим заколдованным провожатым по переходам замка Слотт, постепенно поднимающимся в гору. Из страха быть обнаруженной Совартусом, она не решалась использовать магию, если не считать чар, наложенных на прислугу. Эту тварь она подобрала возле замка. Существо находилось за пределами крепости, и к тому же все разыгралось так стремительно, что Совартус, вероятно, проглядел ее вторжение.

Дювула предусмотрительно захватила с собой меч и одежду Конана, чтобы время от времени наводить на них чары и выяснить таким образом точное местопребывание варвара. С какой охотой она проделала бы это и сейчас! Тюк с одеждой и оружием киммерийца она навьючила на спину существа, которого избрала себе в спутники. Однако заняться колдовством в самом сердце замка Слотт она не отважилась.

Она знала только одно: варвар проник в замок. Где-нибудь здесь она его и отыщет.

Острый запах, исходивший от существа в черном одеянии, ударил в ноздри пантере, когда она прыгнула на скалистое основание замка. Пестрый мех и густая тень спасали ее от наблюдателей. Черные стражники были смердящими нелюдями, и к тому же не слишком бдительными. Дюжина этих существ стояла на страже у входа в пещеру. Каждый был вооружен обоюдоострой пикой и клинком длиной в человеческую руку. Наверняка эти клинки смочены каким-нибудь волшебным раствором, так что одного удара вполне хватит, чтобы ранить даже пантеру-оборотня. Но не могут же они зарубить то, чего не видят! Зверь, наделенный способностями хищной кошки и разумом человека, легко обведет их вокруг пальца. Лемпариус проскользнул мимо стражей, невидимый, беззвучный, незаметный.

После того, как запах закутанных в плащи нелюдей рассеялся, пантера опять взяла след своей добычи — благоухающей всеми возможными духами и притираниями ведьмы. А поскольку милая дама выслеживает варвара, этот великан-человекоубийца тоже должен находиться в замке. Скоро, думала пантера, теперь уже скоро!

Глава двадцатая

Существо в черном балахоне двигалось методически-тупо. Вскоре Конан убедился, что оно его, скорее всего, не обнаружит: эта тварь не смотрела по сторонам.

Конан начинал проникаться большим уважением к тому, кто создал этот лабиринт тоннелей и пещер, которому, казалось, не предвиделось конца. Здесь ощущались столетия упорного труда — либо же сильнейшая магия. О второй возможности Конан предпочитал не думать.

Следуя по вьющейся дороге, киммериец установил, что она действительно поднимается. В тоннеле, по которому они шли, каменные плиты пола отчетливо указывали наверх. Хорошо. Конан надеялся только на одно: найти Кинну и детей прежде, чем его накроют.

Перед ним промелькнул яркий свет. Конан немного поотстал от своего провожатого. Он не хотел терять слугу Совартуса из виду, но совсем не был готов к тому, чтобы кто-то увидел его самого. Еще рано.

Снова открылась большая комната, высеченная в граните скалы. Она была ярко освещена факелами на стенах и свечами в канделябрах, достигших высоты человеческого роста.

Факельщик остановился посреди помещения. Рядом с ним появились две фигуры, выглядевшие точно так же, только вместо факелов у них были длинные пики. Эти трое явно о чем-то разговаривали между собой, несмотря на то, что даже изощренный слух Конана **не** мог уловить ни звука.

Теперь киммериец стоял перед новой проблемой. Если он последует за своим вожатым, ему придется пройти мимо вооруженных стражников. Это непременно вызовет беспокойство, которое обратит на себя внимание проводника.

Конан осторожно заглянул за угол и посмотрел в комнату. Слева от него в стене было множество дверей, забранных железными решетками. Напротив них начинался еще один освещенный тоннель, который уводил прочь — неизвестно куда…

На противоположной стене висел огромный гобелен с волнообразным орнаментом по краю. На темном фоне была изображена адская сцена: демоны гонятся за перепуганными людьми.

Конан покрепче сжал рукоять меча. Он был человеком действия. Со времени его знакомства со старым волшебником и сестрами он чересчур много имел дел с магией и маловато честного боя. Демоны, чародеи, твари в капюшонах — с него довольно. Он предпочитает проблемы, которые можно разрешить клинком и железным кулаком, а не темными чарами.

Что-то светлое мелькнуло в темноте, привлекая его внимание. Лицо? За одной из решеток? Тогда это своего рода темница — еще одна вещь, которую он терпеть не мог. Если враг его врага, возможно, и не друг Конана, он все равно может оказаться полезен…

Кинна! Конан узнал молодую женщину в тот самый миг, как она увидела киммерийца. Он сделал ей знак молчать, но было слишком поздно. Она удивленно вскрикнула.

Трое в капюшонах обернулись одновременно и посмотрели на узницу. Потом

— снова как один человек — поглядели по сторонам, отыскивая причину ее удивления. Сначала Конан хотел отскочить в сторону, чтобы они его не заметили, но в следующий миг решил поступить иначе. Хватит прятаться! Он выхватил меч и вышел вперед.

Трое его противников мгновенно отбежали друг от друга, словно один большой разум велел им разойтись. Пикинеры склонили свои пики, направив их на незваного пришельца. Факельщик, стоявший прямо напротив Конана, вынул два факела из связки на спине и прикоснулся ими к уже горящим. Новые факелы запылали. В первый раз Конан отчетливо, увидел руки этого существа. В свете огня они отливали зеленью. Кожа была чешуйчатой, как брюхо змеи.

Киммериец тряхнул головой. Что же это за человек, который держит у себя подобных слуг? Совартус был ему более чем отвратителен.

Стражник, стоявший с правой стороны от Конана, придвинулся к нему ближе. Конан сделал три быстрых шага вперед и опустил свой меч с силой, которая разрубила бы пополам обыкновенного человека. Но тварь в капюшоне отразила удар. Сталь зазвенела о сталь, брызнули искры. Силу ответного удара Конан ощутил всей рукой, до самого плеча. Он не мог вонзить в своего противника меч, потому что этому помешала пика. Для такого маневра потребовалась бы уже сверхсила. А бестии в капюшонах были кем угодно, только не слабаками.

— Конан! Сзади!

Киммериец оправился от своего удивления как раз вовремя и сумел отскочить в сторону, когда вторая пика просвистела в воздухе. Конан резко повернулся и ударил мечом сверху вниз, как человек, который рубит дрова. Его клинок встретил на своем пути пику. Несмотря на свою фантастическую силу, человек-ящерица вынужден был выпустить из рук ствол пики, и та упала. Из-под капюшона донеслось рассерженное шипение, когда зеленая тварь отпрыгнула назад, избегая удара.

Факельщик тут же отступил за пределы досягаемости Конана. Киммериец улыбнулся. Вот и хорошо. Они хотели тягаться с ним и пришли к выводу, что к нему нужно относиться с уважением.

Первый стражник замахнулся пикой, чтобы всадить ее Конану в спину. Но киммериец краем глаза уловил это движение. Его положение было таково, что требовалась исключительная точность движений. Он слегка согнул колени и подпрыгнул прямо вверх.

Пика просвистела под ногами Конана. Когда существо беспомощно наклонилось вперед, Конан ударил нападавшего. Прежде чем человек-ящерица смог подняться, Конан дотянулся клинком до его горла. Бестия пронзительно вскрикнула, и зеленая жидкость хлынула из раны на каменные плиты.

У Конана не было времени удивляться. Он отбежал от убитого ко второму стражнику, который уже поднимал свое оружие. Человеку-ящерице тут же стало ясно, что дальнейшая попытка сделать это означает верную смерть, поэтому вместо того, чтобы поднимать пику, он бросился к Конану, изловчился и схватил его запястья своими чешуйчатыми руками.

Киммериец ощутил жесткость его крепкой хватки, когда попытался пустить в дело свой меч. Руку словно зажали в тиски. Киммериец выпустил меч, который . упал на пол, задев по пути обнаженную зеленую руку. Змееподобная тварь зашипела. Отвратительная вонь ударила Конану в нос. Он уловил движение сзади, рванул противника на себя, потом набок и ловко подставил его под удар. Счастье улыбнулось Конану:

факельщик ткнул двумя горящими факелами в лицо своего товарища, вместо того чтобы ударить Конана.

Киммериец сильно пнул его коленом между ног, но не ощутил при этом у своего противника деликатной части тела. Там попросту ничего не было.

Конан развернулся вместе с человеком-ящерицей и уклонился от факела, которым тыкала в него чешуйчатая бестия. Долго так продолжаться не может, это Конан знал. Зеленая ошибка природы сильнее его, и к тому же у нее есть поддержка.

Хватит! В киммерийце зашевелилась злость. Он взревел. Собрав всю свою силу, он отшвырнул врага от себя прямо на массивный бронзовый канделябр. Стойка треснула, так что металлические подсвечники упали зеленой твари на голову. Черное одеяние вспыхнуло, и порождение ада превратилось в живой костер. Змееподобное существо громко завопило и помчалось изо всех сил, гонимое болью, к противоположной стене, где и рухнуло догорать, мертвое.

Факельщик выронил оружие на пол и тоже побежал. Он спешил к выходу, который Конан уже приметил. Не раздумывая, Конан схватил одну из валявшихся на полу пик и метнул ее. Четырехугольное острие пробило спину удиравшему слуге Совартуса между лопаток. Одно мгновение он стоял, пронзенный насквозь, потом упал как подкошенный. Пика вонзилась так глубоко, что теперь торчала из трупа, как дерево.

Конан подобрал свой меч и поспешно подошел к решетчатой двери, за которой находилась Кинна. Дверь была заперта на простой замок, однако на такой высоте, что заключенный не мог до него дотянуться. Конан сбил его, и Кинна упала в объятия киммерийца.

— Конан, Конан! Я уже думала, что никогда тебя не увижу!

Конан погладил молодую женщину по волосам.

— Он держит Элдию и остальных в какой-то башне, как мне кажется, — проговорила Кинна. — А что с Витариусом?

Конан ответил:

— Витариус остался на равнине. Я думаю, что уже ощутил силу его искусства, когда гора затряслась.

— Нам нужно добраться до Совартуса, прежде чем он выпустит на волю свое чудовищное Создание Силы, — сказала Кинна. — Но я не уверена, что смогу найти дорогу.

Конан указал острием меча на выход.

— Туда! Эта ящероподобная гадина бежала туда, прежде чем я ее свалил. Если она полагала найти там помощь, значит и нам нужно идти в ту сторону. То есть, я хочу сказать, мне нужно туда идти. А ты лучше оставайся здесь.

Вместо ответа Кинна высвободилась из его рук и взяла вторую пику. Ее глаза сверкнули.

— Я пойду с тобой, Конан, Я пойду с тобой — или же одна.

Конан коротко рассмеялся.

— Да, тебя так просто не остановить, Кинна. Хорошо! Пойдем, отыщем колдуна. А тогда уж мы сумеем отправить его к праотцам.

Эскорт Дювулы двигался безмолвно и безостановочно, пока они не оказались в тюремном зале. Здесь человек-ящерица внезапно остановился. Удивленная ведьма с любопытством заглянула ему через плечо.

Трое стражников-ящериц лежали убитые. Одного из них едва можно было опознать, так он обгорел. Труп еще дымился.

Дело рук варвара. Судя по свернувшейся змеиной крови на полу, он не мог быть далеко отсюда.

Улыбаясь, Дювула ткнула своего провожатого острым ногтем. Существо двинулось дальше; ведьма — следом.

Пантера остановилась бы, если б мясо только что убитых нелюдей было съедобно. Но тонкие, обостренные органы чувств хищника предупреждали его об обратном. Для любого природного существа это мясо — яд, даже оборотень не был исключением из этого правила. Впрочем, еда сейчас не главное. Запах ведьмы витал в воздухе. Она находилась в нескольких шагах перед ним, в коридоре.

Поесть можно и потом — если не ее мясо, так мясо варвара. Конечно, в том случае, если Лемпариус к тому времени все еще вынужден будет оставаться пантерой!

Кошка бесшумно бежала по каменным плитам.

С самой высокой башни замка Слотт Совартус видел, как медленно пробуждается к жизни Создание Силы. Энергия, прежде заключенная в детях, теперь сплелась в клубок, и Совартус контролировал его. Равнина словно ожила, когда резкий ветер взвыл над взбудораженной землей. Рвались и сталкивались облака; от земли к небу и от неба до земли летали молнии. А сама земля безумствовала. Из расщелин вырывалось пламя, стремясь воссоединиться с другими стихиями…

Четверо детей, казалось, спали и не слышали, что четыре первоэлемента вырвались на равнину. Но Совартус чувствовал, как магические силы словно рвут его на части. Только благодаря его огромному мастерству безумие стихий не разнесло их властелина в клочья.

Слуги завернулись в свои плащи и испуганно скорчились возле двери. Совартус смеялся, глядя на них. Вот сейчас, после всех мучений, после долгого ожидания, вот сейчас произойдет.

Ураганы-близнецы свились над дрожащей землей в гигантские черные смерчи, несущиеся с бешеной скоростью. На глазах Совартуса они двинулись против ветра, гнавшего облака, остановились на одном месте, сойдясь с противоположных сторон, и вгрызлись в землю, как два гигантских бура, вздымая вихри пыли.

Да, да! Совартус дрожал, переполняемый Силой.

В воздух летели куски земли размером с дома и небольшие скалы. Они поднимались над вихрями и формировали торс невиданного богатыря.

И снова рассмеялся Совартус, воздевая руки к небу. Вторая пара вихрей, немного меньших, чем первая, оторвалась от ураганов и стала руками чудовищного существа.

Гора зашаталась. Голубая вспышка света пролетела над равниной, образуя дугу между горой я некоей отдаленной точкой. Совартус лишь головой мотнул. Слишком поздно, старый дурак!

Магистр Черного Квадрата опустил руки и пальцами указал на грозовые тучи. Из центрального сплетения туч слепилось одно-единственное шарообразное облако. Извергая молнии, оно двинулось к великану, повисло над ним и затем опустилось. В облаке раскрылись три отверстия, которые напоминали глаза и рот. Молнии легли зигзагами, образуя зубы в раскрытой пасти.

Черный Маг подбежал к окну и высунулся наружу, склоняясь вниз, под дождь. Земля все еще изрыгала огонь, который под дождем сразу же гас и стелился белым дымом. Совартус повернул руки ладонями вверх и воздел их. Пламя разгорелось сильнее. Два огненных шара выкатились из расщелин и поднялись вверх. Словно демонические светляки летели эти сгустки материи, пока не достигли головы, созданной из грозовых туч и сидевшей на плечах земляного великана, который высился на ногах ураганных смерчей. С шипением влетели огненные шары в пустые глазницы…

Совартус набрал в грудь воздуха и прокричал последнее слово. Заключительное слово

самых могущественных чар из всех, какие только были созданы им или любым другим магом.

Буря улеглась. Земля закрылась, и пламя, вырывавшееся из ее недр, погасло. Снова стало тихо, если не считать того шума, который производила фигура, высившаяся над равниной и ростом равная замку Слотт. Существо, состоявшее из всех четырех стихий, поворачивалось кругом, давая Совартусу возможность рассмотреть его. Оно сверкало глазами живого огня и прятало их за веками грозовых туч, неспокойных от жара. Когда эти веки снова поднялись, Совартус понял — цель достигнута. Торжественно и медленно великан склонился перед Совартусом. Создание Силы живет. И Сорватус — его повелитель.

Глава двадцать первая

Кинна шла первой, поскольку дорогу в Совар-тусовом гнезде она запомнила лучше, чем предполагала. Прошло совсем немного времени, и они с Конаном поднялись из скального фундамента в замок. Камни, из которых были сложены стены, казались такими же древними, как и сама скала. На стенах сохранились следы копоти множества факелов и свечей, прогоревших за несчитанные годы. Здесь, как и внизу, извилистые переходы образовали настоящий лабиринт. Однако плотную влажную темноту здесь разрывал свет, сочившийся сквозь нерегулярно прорубленные окна.

Два человека поднялись на такую высоту, что Конан, высунувшись в окно, увидел существо, закрывшее собой почти всю равнину. Глядя на него, киммериец остолбенел.

— Что там такое? — спросила Кинна. Конан безмолвно кивнул на окно. Молодая женщина взглянула туда, куда киммериец показывал пальцем. От ужаса она лишилась дара речи.

— Да, — произнес Конан. — Из всех злых дел это, несомненно, самое жуткое.

Он уставился на смерчи, на бурлящую, точно вода, землю; потом он увидел, как из грозовых туч возникла голова и как зажглись глаза из огненных шаров. А затем Создание Силы посмотрело словно бы прямо в глаза Конану и поклонилось.

Конан отвернулся.

— Нам нужно спешить, — сказал он, — чем бы это, ни было, им владеет Совартус — не нам же оно поклонилось…

Они бежали по коридору, круто поднимающемуся наверх, так стремительно, что едва не оказались на волосок от гибели. Обостренное чутье Конана вовремя уловило дух ящероподобных существ. Он схватил Кинну за руку и зажал ей ладонью рот, чтобы женщина не вскрикнула от удивления.

— Тес! Там, за углом, опять бестии в капюшонах. Кинна подергала Конана за руку. Он отнял ладонь от ее губ.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Запах, Жди здесь!

Конан оставил Кинну в тени и скользнул по коридору до угла. Там он опустился на колени и осторожно заглянул за угол, прижимаясь щекой к влажной стене.

Коридор вел в помещение, которое было не больше спального покоя в богатом доме. У стен стояли девять рептилий в своих обычных одеждах: каждый вооружен такой же пикой, какая теперь была у Кинны. Судя по их боевому порядку, они охраняли полукруглую арку на противоположной стене. Глубоко в подсознании Конана росла уверенность, что за этой аркой скрывается Совартус

— и с ним Элдия, ее братья и сестра!

Конан прокрался назад, прежде чем его обнаружили. Они должны пройти через эту комнату. Но прогуливаться под носом девяти чертовски быстрых и сильных ящероподобных тварей — весьма небезопасное занятие. Он тихо рассказал Кинне обо всем. что увидел.

Дювула, повинуясь возникшему у нее предчувствию, приказала своему провожатому остановиться, прежде чем он провел ее за следующий поворот коридора, и на цыпочках вышла вперед, чтобы украдкой бросить взгляд за угол.

В коптящем свете свечи, посылавшей в потолок кольца дыма, стоял варвар и беседовал с

молодой женщиной. Наконец-то! Теперь она его схватит, во имя Сэта!

Из свертка, который ведьма навьючила на своего слугу поневоле, Дювула вынула два предмета. Во-первых, сосуд необычной формы, обладавший магическим свойством долгое время сохранять живым любой орган. Вторым предметом была тонкостенная фарфоровая колба. Ее Дювула с большими предосторожностями завернула в кусок плотной овечьей шкуры. Колба содержала измельченные в пыль лепестки черного лотоса. Ведьма выменяла смертоносный порошок на одно заклинание у жреца Йуна. Рыжеволосая колдунья была запаслива. Вдруг понадобится немедленно умертвить какое-нибудь существо, способное дышать? Вдохнувший мельчайшие пылинки автоматически становился трупом. Так говорил желтолицый жрец. И для убедительности продемонстрировал силу порошка на собаке к полному удовольствию Дювулы.

Ведьма взяла фарфоровую колбу в левую руку и вытащила маленький острый кинжальчик из-за пояса. Она уже накопила солидный хирургический опыт по вырезанию сердец — все ее прежние неудачные попытки оживить Принца. Варвар не должен убежать до того, как черный лотос совершит свое дело.

Дювула кольнула существо в капюшоне своим кинжальчиком.

— Иди! — приказала она. — Доставь мне этого человека. Вон там, впереди!

Рептилия двинулась вперед. За ее спиной злобно улыбалась Дювула. Безразлично, убьет варвар этого ящера или не успеет. Ей требуется отвлечь киммерийца лишь на мгновение, чтобы бросить яд. А тогда все, кто находится поблизости, умрут. Причем моментально…

В сознании пантеры инстинкты хищного зверя перемежались вспышками человеческого разума. Только большим усилием воли Лемпариусу кое-как удавалось сохранять свое человеческое «я» в облике гигантской кошки, в которую он был превращен. Страх заставлял преследовать ведьму с большой поспешностью. Если он не сумеет добраться до нее в ближайшие часы, он — и это однозначно — проиграл и обречен окончить свои дни простой пантерой. Самое худшее заключалось в том, что его сознание постепенно превращалось в сознание дикого зверя. И со временем уже ничто человеческое не вспыхнет в мозгу хищника, темном, как бесконечная стигийская ночь.

Гонимая этим страхом, гибкая кошка неслась, не разбирая дороги. И внезапно замерла у поворота в коридоре этой замшелой, кишащей крысами крепости — как раз позади Дювулы.

Человек в Лемпариусе знал, что ему поставлен заслон, который не позволит напасть на огненноволосую женщину; но хищник уже одерживал верх. Лемпариус, бывший сенатор, бывший человек, зарычал от ярости, и его голос был голосом взбесившейся пантеры.

Звук этот испугал женщину. Она отшатнулась и громко выругалась, и лишь потом сообразила, что этой невесть откуда взявшейся кошки она может не бояться.

Разум Лемпариуса отчаянно цеплялся за контроль над телом. Он боролся даже тогда, когда пантера приготовилась к прыжку. И ему почти удалось победить — но только «почти».

Пантера-оборотень прыгнула на ведьму, Конан резко обернулся, услышав звук шагов по каменным плитам. И тогда ход событий словно замедлился тем особенным образом, как это иногда случается в минуты большой опасности. Казалось, даже воздух сгустился и стал неподвижен.

Из темноты показалась одна из рептилий. За ней торопливо шла женщина — ведьма Дювула. Конан узнал ее. Затем в воздух взвилась золотистая тень — пантера, пытающаяся вцепиться в горло ведьме. Конану показалось, что и этот зверь ему знаком.

На передней лапе хищника киммериец увидел шрам от резаной раны. Он понял, что не

ошибся. Это Лемпариус. Но почему он нападает на Дювулу?

В этот момент пантера ударилась о невидимую стену, которая защищала его жертву. Опять колдовство!

Конан не стал разбираться, как все его враги оказались в одном месте, да еще у него за спиной. Вместо этого он вытащил меч. Одетый в черное стражник уже на расстоянии удара… А рев хищника привлечет сюда и остальных. В этом Конан был уверен. Не время думать! Только дело может теперь спасти положение!

Конан сделал шаг в сторону и опустил клинок, когда тварь в капюшоне прыгнула к нему. Она была бессильна против острой стали, и клинок остался торчать у нее в чешуйчатой спине. Как подкошенный сноп, рептилия рухнула на пол и увлекла за собой меч. Варвар выругался и наклонился, чтобы вытащить клинок.

Тут он услышал легкие шаги. Обернувшись, Конан увидел, как еще один стражник появляется из-за угла. Это было ошибкой бедняги — Кинна тут же ударила его пикой. Она насадила его на острие, как ломоть жареной свинины.

Пантера снова зарычала и опять врезалась в защитную стену, которая предохраняла ведьму от нападения. Ворча и фыркая, вне себя от ярости, зверь обернулся и увидел Конана. Теперь он набросился на киммерийца.

Четыре или пять ящероподобных существ с выставленными пиками завернули за угол. Оружие Кинны все еще торчало в животе убитого.

— Кинна! Сюда!

Конан видел, как ведьма возится с каким-то предметом. Что бы это ни было, оно едва не выпало у нее из рук, и ведьма поймала его только в последний момент, грязно выругавшись.

Конану пришлось всерьез заняться пантерой. Слишком поздно до него дошло, что одного меча явно недостаточно для защиты от оборотня.

Хищник попытался схватить Конана за горло. Рослый киммериец ударил без колебаний. Клинок глубоко вонзился в бок зверя и перерубил ребра, так что пантера повалилась. Но едва она коснулась пола, кровь перестала течь, и рана мгновенно затянулась.

Киммериец бросил свой меч Кинне.

— Лови! — крикнул он.

Затем выхватил из-за пояса кривой нож Лемпариуса. Кошка снова прыгнула. Конан упал на колени, подняв клинок вверх. Острие вонзилось пантере под глотку. Сила прыжка рванула пантеру вперед, над пригнувшимся киммерийцем, так что магический клинок разрезал ее от горла до середины живота. Вывалились внутренности. Пантера упала на пол, откатилась в сторону и испустила дух.

— Конан!

Это крикнула Кинна, которая яростно взмахивала тяжелым мечом варвара, не без успеха оттесняя толпу ящериц.

Конан велел ей бросить ему меч и тут же всадил клинок одной из рептилий под подбородок. Смертельно раненый, слуга Совартуса скорчился и замер.

— Вот я тебя и достала! — воскликнул кто-то позади Конана.

Он отскочил от пикинеров, чтобы поглядеть в коридор за своей спиной.

Там стояла ведьма Дювула и держала наД[головой маленький круглый сосудик.

— Пришел твой час, варвар, твой и всех, кто рядом с тобой!

Замок задрожал, стены начали мерцать голубым светом. Витариус! Он продолжает бороться! Это очень хорошо, подумал Конан, потому что его собственная участь и судьба

Кинны, похоже, уже решены…

Дювула вскрикнула, когда пол закачался под ее ногами, и она потеряла равновесие. Фарфоровая колба выскользнула из ее пальцев. Она отчаянно закричала:

— Нет!

Сосуд ударился о каменные плиты в тот самый миг, когда голубое мерцание погасло. Из осколков колбы поднялись густые зеленовато-желтые облачка пыли, которые быстро заполняли коридор.

Конан уже понял, что это были за облака. Он видел такой порошок в действии, когда вместе с одним немедийским вором лез на Слоновую Башню в Аренджуне. Этот вор давно уже мертв, но его слова остались в памяти Конана. Порошок черного лотоса — вдохнуть его — мгновенная смерть!

Конан действовал чисто инстинктивно. Он схватил Кинну за руку.

— Задержи дыхание, девочка! Ни в коем случае не дыши! И беги во имя твоей жизни!

И он повлек Кинну в облака смерти.

Хотя киммериец и не дышал, все же он ощутил тошнотворно сладкий, противоестественный аромат, когда густое облако сомкнулось над ним. Он споткнулся о распростертую на полу ведьму, едва не упав, но удержался на ногах и помчался дальше, волоча за собой Кинну.

Потом Конан услышал именно то, что и рассчитывал услышать шаги. Рептилии гнались за ними.

Мужчина и женщина выскочили из облака, но Конан бежал дальше, чтобы стряхнуть последние зернышки порошка, которые, возможно, уцепились за одежду. Остановившись, он все еще не дышал. Сперва он заботливо отряхнул одежду Кинны и свою, потом отошел еще на несколько шагов и наконец выпустил из легких воздух. Очень осторожно Конан вдохнул, но смертоносного запаха не ощутил. Тогда он кивнул Кинне,

— Дыши! — сказал он.

Кинна захрипела. Как только она снова смогла говорить, она спросила:

— Что с теми, в капюшонах?

— Слушай! — ответил Конан. — До его ушей доносился шорох, как будто тяжелые тела падали на каменные плиты.

— Я ничего не слышу, — сказала Кинна.

— Подожди! — оборвал он.

Через некоторое время облако пыли опустилось и наконец полностью рассеялось. Теперь отчетливо были видны немые фигуры рептилий на полу. Среди них беглецы заметили тела ведьмы Дювулы, которая хотела добыть сердце Конана для своего жестокого колдовства, и обнаженного мужчины. Он лежал на спине, и живот у него был распорот.

— Что это?

— Яд, — объяснил Конан. — Однажды я уже видел, как он убивает. Витариус заставил гору колебаться. Ведьма выронила колбу с ядом и уничтожила саму себя.

— А кто этот человек?

— Лемпариус. Он был пантерой, а теперь ни то и ни другое. Идем, нам нужно освободить детей. И прежде всего мы должны покончить с Совартусом, иначе это чудище с равнины всех нас поработит.

Глава двадцать вторая

Когда голубой луч света ударился о замок. Совартус чуть не вывалился из окна, так затряслось все сооружение. Он ухватился за карниз и сумел забраться наверх, в башенный покой. Чародей бросил испепеляющий взор на невидимую отсюда фигуру своего однокашника, и лицо его исказилось от ненависти. Не будь он таким ловким, он бы сейчас наверняка разбился насмерть! Это было бы поистине жестокой иронией судьбы — погибнуть из-за легкомыслия и глупости в то время как ему подчиняется нечто столь могучее.

Совартус выпрямился в полный рост и улыбнулся. Настало время рассчитываться со старым школьным другом! Магистр Черного Квадрата посмотрел на Создание Силы, и творение Совартуса отвечало на его взгляд взглядом неподвижных огненных глаз.

— Иди и размажь по земле это надоедливое насекомое! — приказал Совартус, сопровождая свои слова повелительным взмахом руки.

Создание Силы, заключившее в себе все четыре стихии, отвернулось от замка и зашагало со страшной скоростью. Гигантскими шагами передвигалось оно на ногах-смерчах.

С пустой равнины сорвалась голубая стрела света. В земляном теле Создания Силы задымилась черная рана, но чудовище не замедлило шагов.

Совартус усмехнулся. Потом посмотрел, не видит ли его торжества кто-нибудь из детей. Нет, пленники сидели неподвижно, с закрытыми глазами, и дышали совсем медленно.

Ничего, подумал чародей, хватит и того, что это вижу я!

В несколько мгновений Создание Силы стало таким маленьким, что теперь оно казалось не больше человека, идущего по противоположной стороне улицы. Третий луч поднялся с земли и вонзился в чудовище, которое почти добралось до стрелка.

Совартус смотрел, как Создание Силы, одним только видом наводящее ужас, наклоняется и поднимает руку. Потом рука опустилась, как молот. Сила этого удара потрясла землю и стала ощутима даже в замке. Совартус почувствовал, как вздрогнул пол под подошвами его сапог.

Этот удар многое означал для Совартуса — о, очень многое! Теперь он знал, что Витариуса, ученика Отистума, заклятого врага Черного Квадрата, больше нет. Он уничтожен. И для этого не потребовалось сильно напрягаться, нужно было только приказать.

Теперь ничто уже не сможет противостоять ему. Совартус знал это определенно, потому что не существует в мире силы, способной остановить его детище, повелителем которого он стал. После гибели Атлантиды никогда еще не собиралось столько власти в руках одного человека. Что ж, теперь он может жить вечно!

Пока Создание Силы шло назад, Совартус не выпускал его из глаз. Скоро перед ним склонятся народы всего мира, и он начнет разрушать города, опустошать целые страны и разбрасывать армии, если жители откажутся воздать ему почести. Скоро он будет владычествовать над миром, и мир будет повиноваться любому его капризу — либо умолкнет навеки!

Эта мысль наполняла Совартуса глубокой черной радостью.

Коридор привел в комнату. Конан увидел спины двух постовых-ящериц. Но их внимание было приковано к чему-то другому. Заглянув в комнату мимо часовых, Конан увидел, что так приворожило их: щуплый человек с черными волосами и клиновидной бородкой, в плаще,

сотканном из волос. Он глядел в окно.

— Совартус! — шепнула Кинна.

— Ну вот и все, — сказал Конан и выдернул меч .из ножен.

Что-то встревожило ящериц, потому что они обернулись одновременно и поглядели на Конана и Кинну. Потом они подняли пики.

— Левый — мой, — заявила Кинна.

Конан не колебался и с ходу атаковал фигуры в плащах с капюшонами. Совартус бросил на них короткий взгляд, но потом снова углубился в созерцание того, что видел в окно, как будто более важных забот у него быть не могло.

Конан успел изучить быстроту и силу ящериц, и в этом заключалось небольшое преимущество. Он не стал наносить рубящий удар, а вместо этого отбил в сторону пику. Один-единственный выпад позволил Конану выяснить, с сопротивлением какой силы ему предстоит иметь дело. Он быстро огляделся и увидел, как Кинна всадила пику в своего противника. Рептилия злобно зашипела. Конан взмахнул мечом и опустил его на шею ящерицы. Та безмолвно опустилась на пол. Рослый киммериец ворвался в башенный зал. Элдия лежала в цепях под своим окном. Остальные трое были прикованы таким же образом. Все дети выглядели так, словно они были уже в объятиях смерти. Конан взревел от ярости и шагнул к Со-вартусу.

Чародей отвернулся от окна и взмахнул рукой в сторону Конана, щелкнув при этом пальцами.

Внезапно рукоять меча стала обжигающе горячей, и несмотря на то, что она была обмотана кожаными ремнями, Конан не смог удержать ее. Конан взял оружие в другую руку, но жар стал еще сильнее. Сыромятные ремни начали дымиться и вспыхнули. Киммериец выронил меч. Клинок покраснел, потом стал синевато-белым и таким светлым, что Конану пришлось отвести глаза. Потом он услышал дребезжащий звук. Меч исчез. Осталось только пятно на полу.

За спиной киммерийца вскрикнула Кинна. Снова послышался звон, когда ее пика упала на каменные плиты. Он увидел вспышку и понял, что и это оружие уничтожено.

Конан бесстрашно вытащил кривой нож, которым убил Лемпариуса, и хотел наброситься на Совартуса. Нож заключал в себе чары, и, возможно, это подействует…

Нож сам собой вырвался из руки Конана, пролетел по воздуху, и магический стол-талисман поглотил его.

Дьявольские штучки!

Конан зарычал от ярости. У него еще остаются руки, во имя Крома! Рослый киммериец рванулся вперед, намереваясь размозжить хилого человечка мо-лотоподобным кулаком.

Невидимый сапог ударил Конана в живот. Его тренированные мышцы достойно встретили удар, но он потерял равновесие и упал.

Совартус злобно улыбнулся и поднял руку. И снова Конана сильно ударили, на этот раз в бок. Он хотел было схватиться с этим врагом, но никого не смог увидеть. Тут просвистел третий удар, по голове, и оглушил его.

Кинна попыталась подбежать к Конану, но и ее отшвырнула волшебная рука. Женщина упала на пол и на миг задохнулась. Конан с трудом поднялся на колени, упираясь ладонями в каменные плиты, потом встал.

Совартус рассмеялся.

— Идиот! Ты не можешь со мной равняться! Я твой новый бог! Склонись же передо

мной, и тогда я подарю тебе жизнь, потому что ты будешь первым, кто вознесет ко мне молитву.

— Никогда! — заявил Конан.

Незримый сапог ударил Конана под подбородок, так что он снова опрокинулся на спину. Пытаясь сесть, киммериец непроизвольно простонал.

Откровенно развеселившись, Совартус разглядывал его.

За спиной Совартуса в своих цепях очнулась Элдия. Она раскрыла глаза, моргнула, посмотрела на Конана, потом на Совартуса.

Конан покачал головой, предупреждая Элдию, чтобы она молчала. Элдия пристально глядела на Совартуса. Потом подняла руку и пальцем указала на странное одеяние волшебника. Совартус, должно быть, что-то услышал, потому что хотел уже было повернуться к девочке.

Конан набрал побольше воздуха и плюнул в чародея. Тот немедленно перевел свое внимание обратно на киммерийца.

— А вот за это ты умрешь, несчастный дурак! Он уже поднял руку…

…и в этот миг его одеяние внезапно вспыхнуло! Чародей резко обернулся.

— Что?!

Но широкий плащ разметал складки и только раздул огонь еще сильнее. Совартус выругался, срывая с себя плащ. Теперь он выпустил огромного киммерийца из глаз.

Конан собрал всю свою силу и прыгнул. На этот раз он достиг цели. Как тиски, обхватили его руки горло Совартуса. Оба упали на пол и покатились по пылающему плащу. Совартус тоже вцепился Конану в горло. Несмотря на то, что чародей был таким тощим, он обладал значительной физической силой, которую удвоило отчаяние. Как стальные клыки, терзали его пальцы шею Конана. Киммериец напряг на шее мышцы и сжал руки еще сильнее.

Хватка Совартуса слабела. Лицо волшебника стало темно-красным, почти лиловым. Глаза вылезли из орбит, кровь хлынула из носа. Губы втянулись.

Руки Совартуса соскользнули с шеи Конана, он бессильно обмяк. Недолго прожил он в облике бога…

В горе поднялся страшный шум — бессловесный вопль ярости и предсмертной боли, который пробрал Конана до мозга костей. Он выглянул в окно.

На равнине дрожало и размахивало руками огромное чудовище. Снова испустило оно крик. Земля сыпалась с его тела, настоящая лавина обрушилась с торса. Живой огонь глаз загорелся. Молнии вылетели изо рта, когда оно закричало в третий раз. Чудовище надвигалось на замок.

Конан взял пику и просунул ее в металлическое кольцо, которым Элдия была прикована к стене. Потом он глубоко вздохнул и дернул цепь.

— Помоги разбудить остальных, если сумеешь, — обратился он к Кинне.

— Сюда идет чудовище с равнины.

Конан быстро сорвал цепи с детей и потряс их за, плечи. Трое почти пришли в сознание, но были все еще оглушены.

Пол зашатался, когда чудовище подошло ближе. Конан бросил взгляд на равнину. Создание Силы дрожало и кружилось. Казалось, в каждый миг оно могло рухнуть. Огромные скалы срывались с его тела и скатывались вниз. Еще горели глаза и сверкали молнии, но ветры рук и ног уже улетели прочь.

— Вставайте! — крикнул Конан и схватил полусонную девочку. — Бежим отсюда! Нам

нельзя здесь оставаться!

Кинна потащила одного из мальчиков. Элдия шла следом. Конан нес двух оставшихся детей. Они бежали так, словно за ними гнались демоны из преисподней. Собственно, так оно и было.

Не доходя до места, где погибли ведьма и оборотень, Конан остановился.

— Медленнее, — приказал он, — чтобы снова не поднять пыль!

Киммериец возглавил шествие. Перешагивая через труп рептилии, он споткнулся. Из свертка на спине ящерицы высовывалось острие меча. Конан осторожно наклонился и развернул пакет. Он нашел там одежду — свою одежду!

— и свой двуручный меч. Конан не смог подавить улыбки. Ведьма, должно быть, заколдовала эту тварь, подумал он. Он взял меч и одежду осторожно, чтобы не отравиться.

— Дальше! — сказал Конан.

Они двинулись по извилистому коридору. То и дело они проходили мимо неподвижных рептилий. Конан предположил, что смерть их господина предопределила и их судьбу.

Киммериец вел Кинну и детей в глубь замковой горы. Резкий удар потряс скалу. Он был таким сильным, что беглецы не сумели удержаться на ногах.

— Чудовище уже здесь, — сказал Конан. — Я думаю, умирая, оно хочет прихватить с собой замок.

Все шестеро встали и побежали так быстро, как только могли. Переходы, казалось, не имели конца. Под ударами чудовища пол колебался так, что они порой не могли найти себе твердой опоры. Один раз из скального потолка сорвался огромный кусок, которые едва не похоронил под собой беглецов.

Наконец они добрались до выхода из тоннеля.

— Туда! — крикнул Конан, перекрывая гудение земли. — Там лошади, если они еще целы.

Чудовище стояло по другую сторону горы и ударяло по замку. Буря, родившаяся из его конечностей, вздымала пыль и листву.

Конан бежал к загону. Лошади были охвачены паникой, но еще не вырвались из загона. Под раскаты грома Конану удалось посадить Кинну и детей на лошадей. Потом он сам вскочил на коня.

— Теперь помчались! — крикнул Конан.

Конан сделал знак остановиться. Маленький отряд посмотрел назад, на замок. Чудовище, созданное из четырех стихий, уже снесло верхнюю часть замка Слотт и бушевало теперь над скалой. Огромные глыбы гранита летали в воздухе. Маленькие камни долетали даже туда, где стояли Конан и его спутники.

— Смотри! — крикнула Кинна.

Создание Силы зашаталось. Большая часть горы раскололась. Вместе с ней опустилось и чудовище, которое рассыпалось, подняв густое облако каменной пыли.

Одно мгновение все безмолствовали. Потом Конан нарушил молчание.

— Оно сделало свое дело и погибло.

Всадники поехали по додлигийской дороге. Вдруг Конан заметил вдали фигуру, которая размахивала руками, и вытащил меч. Они подъехали еще ближе. Киммериец, улыбнувшись, вложил клинок обратно в ножны. Эта знакомая фигура не таила в себе угрозы.

Элдия радостно вскрикнула:

— Витариус!

— Да, да, старый Витариус, — сказал человек, когда они оказались возле него. — И никто не подумал о лошади для меня. Придется ехать на одной лошадке с Элдией.

— Мы подумали, что вы… — начала Кинна.

— Умер? Да, Совартус с радостью сплясал бы на моей могиле. Он послал свое Создание Силы раздавить меня. Я попал в него несколько раз лучами, но это была война комара и осла. Когда оно подошло слишком близко, я пришел к выводу, что неплохо бы отправиться куда-нибудь в другое место, подальше от него.

Конан посмотрел на голую равнину.

— Какой-нибудь колдовской трюк?

— Я с удовольствием украсил бы себя павлиньими перьями, — ответил Витариус, — но тут, право, нечем хвастаться. Я забрался в один из волчьих тоннелей и спрятался там так хорошо, как только мог. То. что было убито монстром, — всего лишь призрак. Я ведь неплохо умею вызывать всякие фантомы.

— Я помню, — сухо заметил Конан.

Глава двадцать третья

Расскажете вы мне или нет? Как все это было? — приставал Витариус.

Конан ухмыльнулся и доложил ему обо всем, что они пережили с того момента, как расставались. Витариус кивал и время от времени удивленно восклицал. Наконец он прервал рассказ вопросом:

— Но как вышло, что одежда Совартуса загорелась?

Конан показал на Элдию.

— Странно! — сказал волшебник— Я думал, что при формировании Создания Силы у детей были отняты все их способности.

Элдия кивнула.

— Так и было. Во мне нет больше огня с тех пор, как Совартус заколдовал меня. Весь мой огонь перешел к Созданию. Но когда я проснулась и увидела, что Конан ранен, я почувствовала, что где-то во мне прячется последняя искорка. И я послала ее на плащ Совартуса.

— Я рад, что она это сделала, — добавил Конан.

Он развернул сверток с одеждой, который забрал у мертвого стражника. Когда он вытащил оттуда свои штаны, из них посыпались мерцающие зеленые камни.

— Что это? — спросила Кинна. Конан расхохотался.

— Изумруды! Лемпариус, должно быть, сунул их туда, чтобы позднее забрать! Одним из таких камешков я заплатил за все наше снаряжение, а их здесь около пятидесяти.

— Значит, ты теперь богат, — сказала Кинна. Конан покачал головой.

— Нет, м ы теперь богаты. Так звучит лучше. Мы поделим их между собой. В конце концов, мы заработали их вместе.

Он разложил драгоценные камни на семь равных частей. Под конец у каждого стало по семь изумрудов. Оставались еще два. Эти он вручил Кинне.

— Ты найдешь им лучшее применение, чем я, — сказал он. — Теперь тебе кормить еще три рта.

— Да, — ответила она. — Я вернусь на нашу землю и построю чудесный дом. Мы не будем больше бедны. Пойдем с нами, Витариус!

Старик кивнул.

— С удовольствием. Теплый огонь чтобы греть мои старые кости, и такое милое общество — это меня привлекает. А может, я научу ребятишек паре волшебных фокусов — конечно, только для развлечения…

Кинна обратилась к Конану:

— А ты, Конан? Я всегда рада видеть тебя в своем доме… и в своей постели. Конан качнул головой.

— У меня иная дорога, Кинна. Когда я встретил вас, я шел в Немедию. Я хотел бы продолжить свой путь.

— Понимаю. Мне трудно представить тебя крестьянином, владельцем поместья. Но я всегда буду помнить о тебе.

— И я о тебе, — сказал он Конан смотрел, как они едут прочь. Потом повернул коня на запад, в сторону Немедии. У него была новая лошадь, благодаря Совартусу из Черного Квадрата, и изумруды, вдвое более ценные, чем то золото, которое он потерял в Коринфии. В

конце концов, не такой уж плохой обмен. К тому же он жив и может получать удовольствие от того и другого.

Улыбаясь, он ехал навстречу заходящему солнцу